

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Финансово-инвестиционная
корпорация
"ЮГРА"

Э Т И К А У С П Е Х А

Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 4

Дух корпорации

Соредакторы: В.И. Бахитановский, В.А. Чурилов
Редколлегия: Г.С. Батыгин, Ю.В. Казаков, С. Керр,
И.М. Клямкин, А.Ю. Согомонов,
Ю.В. Согомонов, В.И. Шпильман

Адрес редакции: 625000, Тюмень, а/я 1230, ЦПЭ; Тел/факс; (3452) 24-02-26;
103070, Москва, Старая площадь, 10/4, "Югра". Тел/факс; (095) 206-03-57

Тюмень-Москва 1995

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов

Дух корпорации: нравственные оппозиции.....4

Р.Г. Апресян

Корпоративизм. Опыт социально этического анализа.....10

Г.С. Батыгин

Неокорпоративизм и проблемы рационального выбора15

Г.Л. Тульчинский

Успех: призвание и самозванство.....21

НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ

М.В. Масарский

От ранжированной государственной - к гражданской
корпоративности.....26

Н.В. Колотова

Морально-правовое регулирование корпоративности.....34

В.И. Шпильман

Типология корпоративного духа.....38

Г.Э. Бурбулис. Корпоративность в политике: теория и практика

переходного периода.....41

ЭТИКА И ЭТОС УСПЕХА

П.Н. Шихирев

От корпоративной этики к этике корпорации.....49

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов

Этика политического успеха: Вебер, Поппер и другие.....53

Е.Ш. Гонтмахер

Корпорация политиков и ее влияние на жизнь России.....59

Л.А. Радзиховский

Корпоративный этос сообщества журналистов.....62

МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ

А.Г. Быстрицкий

Корпоративизм в России.....66

А.Б. Франц

Корпоративная форма организации власти как
альтернатива тоталитаризму и анархии.....69

А. Левинсон Российская бюрократия как корпорация и объект критики.....	74
И.М. Клямкин, В.В. Лапкин. Российское общество: стихийный поиск формулы согласия (статья первая).....	78
А.С. Ахиезер. Корпоративный дух в России: динамика эпохи.....	81
С. Я.Матвеева Место корпоративных ценностей в культурной и социальной динамике.....	86
Р. Хубер Почему люди стремятся преуспеть? / Пер. с англ. И.В.Бакштановской.....	91

РЕГИОН КАК КОРПОРАЦИЯ

В.Л. Каганский Страна побеждающего регионализма?.....	102
М.Г. Ганопольский Региональная общность: истоки корпоративности.....	108
Центр прикладной этики Рациональный регионализм: фрагментариум гуманитарной экспертизы.....	113

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?

М.В. Богданова. А.Ю. Согомонов Университет как образовательная корпорация: начало мониторинга.....	127
---	-----

БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

О.В. Киселев " Во мне сильно желание вспахать свое собственное поле".....	132
---	-----

В.И.Бакитановский, Ю.В.Согомонов

Дух корпорации: нравственные оппозиции

На рыночном "гуляй-поле" все новых и новых слов возникло еще одно - "корпорация". Звучит завораживающе. Но что оно значит и чем способно завлекать? Не начали ли мы привольно пользоваться этим словом, беззаботно отложив на отдаленные времена процедуру прояснения его смысла, создавая ситуацию терминологической смуты? Тем более, если речь идет еще и о некоем "духе" корпорации.

Природа корпоративности

Именно так и произошло. Между тем, определение понятия "корпорация" достаточно прозрачно. Это - особый социальный институт, относительно замкнутая ассоциация, которая выражает интересы своих членов и защищает их.

Впрочем, нередко мы наталкиваемся на расширительные версии данного понятия - корпорацией произвольно именуют звенья производственной структуры, упорядочение в матрице типа «трудового коллектива». Допустим, мы переименуем их в "корпорации", но что даст смена вывески, кроме ложного ощущения, будто мы продвигаемся в какую-то неведомую даль?

К этой версии мы еще вернемся, а пока заметим, что иногда понятием "корпорация" характеризуется и любая достаточно сложная организация, ориентированная на достижение заранее фиксированной цели, что требует согласованных действий ее членов. Этой организации присуща функция управления, реализуемая подготовленным персоналом. Хотя в корпорациях действительно наблюдается организованный эффект, иногда сильно выраженный, а иногда едва заметный, далеко не всякая организация и не любая автономная группа могут быть названы корпорациями.

На чем же нужно сфокусировать внимание при употреблении понятия "корпорация"? Скорее всего, мобилизация этого термина оправдана лишь в том случае, если речь идет об ассоциациях с консолидированными самостоятельными интересами, притом взятых в их взаимодействии с государством или друг с другом, - в последнем случае опять же имеется в виду их соотнесенность с государством, его отдельными институтами. Особое внимание уделяется отличию таких ассоциаций от неорганизованных (дисперсных) интересов, не представленных на государственном уровне.

Но это еще не все. Речь идет не просто о внешнем взаимодействии с государством и его институциями, как это происходит, скажем, при влиянии политических партий, движений, отраслевых или региональных элит, так называемых "групп давления", различных лоббирующих команд. По мнению С.П.Перегудова, вопрос заключается о соучастии корпоративных ассоциаций в управлении с вытекающими отсюда вполне осязаемыми обязательствами данных групп перед государством. Тем самым государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, как бы размыкается, в той или иной степени вовлекая (инкорпорируя) в этот процесс влиятельные общественные институты. Прежде всего имеются в виду организованный бизнес (всевозможные концерны, консорциумы, кондоминиумы, пулы, холдинги, олигополии, торговые гильдии и т.п.) и профессиональные коллегиальные ассоциации (судейские коллегии, научные сообщества, журналистские союзы, объединения офицеров и др.), где минимизированы отношения подчинения, зато преобладают товарищеские связи, отношения подопечности. Сюда же следует отнести организации, занятые "производством" профессионалов, их образованием и воспитанием.

Бифуркация "подсистем"

Корпорации, по мнению многих западных и отечественных исследователей, существуют не сами по себе, подобно изолированным телам внутри общественного организма, но всегда оказываются скромными "подсистемами" большой социальной организации. Это позволяет понять что такое корпоративизм. Вслед за средневековыми сословно-правовыми обществами, основанными на корпорациях (в России такие корпорации по ряду причин не получили развития и оказывались всецело зависимыми от государства), возник корпоративизм Нового и Новейшего времени. Он представлял собой некое ограничительное количество принудительно сформированных ассоциаций, которые монополизировали представительство различных групповых интересов (на уровне предприятий, отраслей, территорий, профессий) перед государством, перед отдельными его институтами. А они предписывали корпорациям исполнение тех или иных функций. Чаще всего корпоративизм в современном мире был в различной степени - что зависело от культурных и религиозных традиций - присущ тоталитарным или авторитарным общественно-политическим режимам.

Иное дело либеральная цивилизация. Здесь корпорации представляют собой добровольные общественные объединения, сформированные на основе общих интересов. Не опосредованные государством свободные, равноправные и самоуправляемые ассоциации сотрудничают и одновременно конкурируют между собой (отношения "свободной близости и свободного антагонизма", по меткому выражению писателя Вас. Гроссмана), вступая в слабоинтегрированные связи с государственными структурами. Они располагаются в «маргиналиях» гражданского общества и политических институтов, служат одним из каналов взаимодействия этих относительно самостоятельных миров.

Гражданское общество, как заметил еще А. де Токвиль, представляет собой огромное количество союзов, комитетов, разного рода ассоциаций. Создавая ассоциации на основе взаимных соглашений для выполнения тех задач, которые нельзя осуществить в одиночку, люди учатся совмещать общественные добродетели со своим пониманием личного интереса. "В демократических странах умение создавать объединения - первооснова человеческой жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области". (1)

В ассоциированной жизни человек принадлежит самому себе, а отнюдь не закабален навязываемой ему извне корпорацией, которая ставится в зависимое положение от государства. Корпорация оберегает свободу своих членов, защищает их интересы, репрезентируя их в государственных структурах. Она *усиливает* индивидуальные возможности в системе отношений высокоорганизованного общества. Это обстоятельство позволяет понять мотивацию добровольного объединения или вступления в корпорацию (и, естественно, мотивацию свободного выхода из нее). Конечно, для членов корпораций существует немало способов обрести, сохранить и даже развить свою индивидуальность вовне - на уровне анонимной макросреды, но корпоративное бытие оберегает свободу от множества факторов, покушающихся на нее, используя для этого механизмы формальных (но вовсе не бессодержательных) прав, всевозможные уставы, договоры, регламенты, дозвоительно-запретительные кодексы с "обязательно-притязательными" характеристиками.

"Эспри де кор"

Более или менее длительное существование корпораций приводит к возникновению не менее существенной, чем материальные соображения, цементирующей ее силы - *духа корпорации*. Можно сколько угодно ассоциироваться, например, бизнесменам и профессионалам любого профиля, но "на выходе" вдруг оказывается лишь механическое соединение лиц и интересов, шаткие агломерации или конгломерации – все что угодно, но вовсе не то, что с полным правом может именоваться корпорацией. И дело будет обстоять так до тех пор, пока не возникнет таинственное склеивающее вещество духовного свойства.

"Esprit de corps", дух корпорации имеет прежде всего *этическое* измерение с сильно выраженным акцентом на общей судьбе членов корпорации, их взаимной ответственности, призвании (которое, по словам поэта, есть "влеченье, род недуга"), товарищеской солидар-

ности. На первый взгляд, такой дух побуждает припомнить вдоль и поперек изведанный нами и за годы всяких перестроек и передряг основательно подзабытый "дух" трудового коллектива. Да, можно бесконечно долго говорить о коллективизме (на самом деле казарменном коллективизме) и методах его принудительного укоренения, которые ведут к обезличиванию, к атрофии личностной автономии и ответственности ("индивидуализм" использовался в качестве бичующего идеологического ярлыка), к подавлению всякого независимого мнения и поведения ("не отрывайся от коллектива", "коллектив считает, требует, выступает ..." и т.д.), можно вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудовых коллективов (были и такие), однако все это весьма далеко от свободного духа корпорации. "Дух" трудового коллектива выдвигает на передний план патернализм, привязанность к государственному опекунству, делает ставку не столько на производственные или творческие достижения, эффективность и успешность деятельности (хотя нельзя отрицать и вполне реальные ординарные и даже выдающиеся достижения отдельных производственных объединений, в чем-то - целых отраслей и регионов), сколько на распределительные калькуляции. Такой "дух" фокусирован не столько на самостоятельности членов корпорации и их социальной ответственности, сколько на конформизме, долге бездумного повиновения и ответственности по начальственной вертикали.

Трудовые коллективы были (и во многом продолжают еще оставаться) частями гигантской государственной структуры, "винтиками", звеньями государственной машины. В первую очередь это относится к монополизированным отраслям, даже к "гроздьям" отраслей типа ВПК или АПК. Они "лицензированы" государством и пребывают под его недремлющим институциональным и политическим контролем. За ними остается "право" выторговывать льготные условия при дележе ресурсов и статусов, "право" минимизировать производ властей. В меру успешности таких согласований, обменов, постоянно возобновляемого торга между руководством, директором и трудящимися, - нельзя не признать - формировались изолированные островки гражданского общества и даже прообразы, силуэты корпораций, сдерживать напор которых становилось ослабшему государству все труднее и труднее.

Этика корпоративности

Между тем дух корпораций не витает где-то в заоблачных высях над грешною землею, в разряженной атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в строгих нормах и правилах корпоративной этики профессионального призвания и ответственности, в этике предпринимательства и т.п.

Этика корпоративности выражается прежде всего в жестких "правилах честной игры". Точнее даже не "игры", а "игр", так как разные правила существуют при взаимодействии, во-первых, между правовым государством и автономными корпорациями, во-вторых, между однородными и разнородными корпорациями, в-третьих, между корпорациями и неорганизованными субъектами, и, наконец, в-четвертых, существуют правила внутрикорпоративной игры. Чаще всего эти правила сведены в более или менее четкие профессиональные поведенческие кодексы и предусматривают как собственно моральные, духовные, так и административные санкции за их нарушения.

Эти правила, впитавшие в себя "дух корпорации", не только содействуют удовлетворению групповых интересов, но и нацелены на подавление группового эгоизма, стремления оградить себя от испытания риском, желанием побольше получить и поменьше отдать, прибегая в массовых масштабах ко всякого рода нарушениям, подтасовкам, искусству лакировки, поспрашиванию "большого" и "малого" законодательства, пренебрежению экологическими запретами и т.п. На страже общественных интересов и общественной морали стоят системы представительной власти, противовесы в виде общественного мнения и независимых средств массовой информации.

Ясно, что сегодня мы еще не живем в мире свободных корпораций и нас пока не осеняет «Esprit de corps». Но процессы обновления еще не завершились и протекают в из-

вращенной форме. При всем при том в посттоталитарную эпоху общество избавилось от былой чудовищной централизованности, плотной интегрированности и принципа неделимости властных полномочий. В значительной степени оно уже перестало быть тем, что совсем недавно было - "суперкорпорацией".

«Корпорации» против корпорации

Очевидно, что группы консолидированных интересов смогли укрепиться. Впрочем, усилился и групповой эгоизм отраслей и ведомств, а также регионов. С ним связана опасность "неофеодализации", когда в корпорациях власть концентрируется у узких элитных групп и все остальные спешат укрыться под их покровительством, соглашаясь принять ценностей вассалитета вместо ценностей либерально-демократических.

Столь же очевидно, что не заработали в полную силу противодействующие факторы, своеобразные ингибиторы эгоизма. С одной стороны, создан свободный парламент, но его возможности сдерживать усиливающийся напор группового эгоизма очень ограничены. Аналогична ситуация и с общественным мнением. Хотя оно стало более разнообразным, свободным в своих суждениях и оценках, его влияние на групповой эгоизм трудно назвать внушительным и надежным. Безусловно, средства массовой информации стали "кусаться больнее", но к исходящей от них критике заинтересованные группы не очень-то склонны прислушиваться.

С другой стороны, возник новый фактор: слабо регулируемый рынок, подготовленный его предтечей - рынком "административным", "бюрократическим". С ним связаны такие позитивные моменты, как образование предпринимательских корпораций либо путем объединения малого и среднего бизнеса, либо путем сложной и многоступенчатой трансформации отраслей и ведомств, отдельных их звеньев в предпринимательские корпорации различного типа. Усилились также позиции профессиональных союзов как особого вида корпораций, еще совсем недавно бывших на поводу у тоталитарной власти. Появились и иные типы корпоративности (например, казачество).

Роль государства в процессе трансформации неоднозначна. Оно стремится "уходя, остаться". Однако в эту запутанную игру вмешиваются получившие независимость хозяйственные руководители со своими планами и интересами, а также и "рядовые" производственники, сила которых вовсе не равна нулю. Социологические исследования показывают, что на шкале предпочтений на первое место выходит не социальная или национальная идентичность, а именно *корпоративная идентичность*, поиск защиты интересов с помощью их групповой консолидации (трудовые коллективы и прежде выполняли ряд функций, которые должны были бы выполнять государство и общество).

Можем предположить, что становление разного рода корпораций связано со структурными изменениями российского общества, снижением значимости прежних критериев стратификации (классы, слои и т.п.). В известном смысле социальные страты служат своеобразным заслоном от нарастающего массового разрушения общественной структуры. К тому же корпорации сравнительно легко выдерживают смещения «силовых полей» от Центра к регионам. Главная опасность в этом случае заключается в бюрократизации самой корпоративной жизни. С одной стороны, она обеспечивает эффективность и рост корпорации, но и она же, с другой стороны, создает условия для неэффективных решений, коррумпированность, склонность принимать ложные стратегии развития.

Новые и обновляемые корпорации не успели обрести самостоятельность до такой степени, чтобы у них сформировался свой собственный дух. Патернализм, прочнейшая привычка жить в условиях распределительно-опекающей системы, уклоняться от риска, связанного с частной инициативой и ответственностью, готовность примириться с падением уровня притязаний трудящихся лишь отступили с доминирующих позиций, но далеко не сломлены.

Между тем все сильнее ощущается потребность в возникновении чем-то "третьего" между частными, групповыми и социальными интересами. Таким "третьим элементом",

нам представляется, и должна быть *корпоративная мораль*, этика профессионального, предпринимательского и политического *успеха*. Не потому, что все эффективное одновременно становится нравственным чуть ли ни автоматически, а совсем наоборот - потому, что нравственное в ситуации долговременного, устойчивого успеха само становится залогом успешности. Обострились противоречия между неизменностью, косностью духовных структур поздне тоталитарного общества и начавшимися процессами обновления. Надо учесть также, в России не было и подходящего духовно-нравственного наследия корпораций, такого, например, какое было свойственно англосаксонскому индивидуализму или традиционному германо-романскому корпоративизму. Именно на духовно-нравственное наследие можно было бы опереться при реформах самого трудного – личностного аспекта трансформации трудовых коллективов в корпорации либерального типа.

Плюсы и минусы сегментации общественной нравственности

Не означает ли возникновение "третьего элемента" - между разноуровневыми интересами - дробления единой общественной нравственности, ее сегментации, разрыва на "кочки"?

Такая постановка вопроса требует дополнительных разъяснений. Теоретическая этика уже давно присматривается к двум противоположным и вместе с тем взаимозависимым тенденциям нравственной жизни в современном обществе. Начиная с Нового времени доминировала тенденция к преодолению необычайной пестроты нравов, мозаики местных обычаев, застойных правил и традиций средневековых сословных и городских (гильдейских и ремесленных) корпораций. На смену им шла универсализация норм и ценностей морали, достигшей стадии зрелости. Этой тенденции способствовало определенное сходство в технологическом базисе и образе жизни ряда стран и территорий, в целевых установках, социальных структурах и мотивации поведения.

Одновременно с формированием "большой" нормативно-ценностной системы происходила специализация норм и ценностей по различным сферам общественной жизни и по видам профессионализированной деятельности. Так возникли этика организаций и управления, профессиональная и трудовая мораль, политическая этика и этика бизнеса. Процесс их складывания означал не "изобретение" чего-то совершенно неведомого в мире ценностей и в способах регуляции поведения, а конкретизацию "большой" системы, обогащение нравственной жизни при определенной дифференциации оснований, в содержание которых мы сейчас не вдаемся. Нам важно акцентировать сам факт усиления многообразия норм, оценок, моральных идей и представлений в сложном и динамично развивающемся социуме. При этом заслуживают внимания не только процессы дифференциации, но и на взаимодополняемость "малых" подсистем в рамках единой нормативно-ценностной системы, "обуздание" центробежных устремлений.

Впрочем, в XX веке, наряду с углублением конкретизации общественной нравственности, усилилась разнонаправленность развития каждого из ее сегментов. Не случайно с тревогой заговорили о противостоянии и взаимоисключении утилитарного этоса труда и спонтанного игрового этоса, когда человек производительный ("хомо фабер") не в силах был отыскать общего аксиологического языка с человеком играющим ("хомо люденс"). Когда общение поборников серьезной профессиональной морали и балаганной морали досуга и развлечений стало смахивать на диалог глухих, когда стали разбегаться по разным углам ценностного пространства неоasketическая этика протестантизма и гедоническая мораль потребительского эвдемонизма, бережливая "этика дня" и расточительная "этика ночи" (по выражению Д.Белла), ориентирующаяся не на производительность и рациональность, но на всевозможные "революции" в стилях жизни.

Сегодня сегмент производительно-управленческой деятельности с его организационными, формализованными отношениями, ролевым, "масочным" общением, стереотипизированным поведением, строгой иерархией отношений все чаще и энергичнее клеймится как область "неподлинной" нравственности. Значение "подлинной" нравственности в этом сег-

менте стремительно падает в связи с серией современных технологических переворотов, с интенсификацией информационного псевдообщения, со структурными переменами. Регуляция и ценностная ориентация деятельности в непроизводительной сфере (культура, досуг, потребление) все настойчивее воспринимается как заповедное поле "подлинной" нравственности. Но она все больше оказывается несоизмеримой с регуляцией в сегменте "неподлинной" нравственности. Проникая в глубины сознания, этот раскол не столько усложняет (это было бы терпимо), сколько "стреножит" моральный выбор, дезориентирует поведение, усиливает моральное отчуждение.

Этическая теория справедливо атрибуцирует все это в качестве феноменологии глобального морального кризиса индустриально-урбанистической цивилизации. Такой кризис происходит и в России. Он многократно усилен затяжным социально-экономическим и политико-правовым кризисом переходного периода. Поэтому возникновение корпоративной структуры общества обременено *негативными* аспектами в целом *позитивного* процесса сегментации общественной нравственности. Именно эти негативные аспекты и препятствуют формированию духа корпораций, складыванию *корпоративной этики успеха*, которая могла бы служить преградой, во-первых, воссозданию духа номенклатурного бюрократизма во внутрикорпоративных отношениях (не случайно во многих исследованиях специально противопоставляется предпринимательский стиль управления и начальнический корпоративный стиль, ориентация на успех в достижительных измерениях и карьерное понимание успеха), и, во-вторых, заражению настроениями группового эгоизма.

Верхоглядство, патримониальное отношение к деловым связям, готовность пойти на сделки "верхов" с "низами" в корпорациях, в отличие от недавнего прошлого уже не скрепленных радужными социальными иллюзиями, подмена партнерства членов корпорации безропотным исполнением, минимальный градус гражданской активности, отказ от нравственного "первородства", т.е. неотъемлемого права на свободный моральный выбор, не предписанной "инстанциями" суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п. – таков пакет «добродетелей» и бюрократизма и эгоизма. В результате подрываются позиции трудовой и профессиональной морали в нарождающихся корпорациях, порождаются спекуляции на интересах "экономического человека", якобы отлученного от "нравственного человека".

Таким образом стимулируются застарелые пороки иждивенчества и люмпенства. Возникают мучительные конфликты индивидуальных интересов и солидаристских ценностей, вертикальной и горизонтальной ответственности. В результате снижается тонус нравственной жизни в корпорациях. Тяжким испытаниям подвергаются несущие конструкции духовной культуры людей, основы аристократизма, "джентльменства" профессионалов – честь и достоинство работников, которых язык пока еще не поворачивается называть корпорантами. Они еще преимущественно остаются "наймитам", "поденщиками" в конторе, в лучшем случае – "служащими", так как противоречия между наемничеством и собственничеством очень далеки от сглаживания и смягчения. Все это конечно, по-разному сказывается на производственно-предпринимательских и профессиональных ассоциациях, но суть дела не меняется.

Выводы в миноре

На наш взгляд, пока не удалось сменить парадигму развития и потому свободных корпораций меньше, нежели старых объединений, которые после поверхностной и скоротечной модернизации предпочитают именовать себя звучным именем "корпорация" и руководствоваться старинным правилом: "Noli me tangere!" ("не прикасайся ко мне!").

Превращенное гражданское общество, каким оно сложилось в последние два-три десятилетия, еще не успело стать нормативным. Государственные структуры не успели продвинуться по пути демократизации – не на словах, а на деле, по пути создания правового государства – столь далеко, чтобы быть готовыми вступить в равноправный диалог с неза-

висимыми корпорациями, предпочитая вести партнерство с бюрократическими элитами "низового" уровня.

Не возник полноценный средний класс, из которого в основном и черпаются члены корпорации. Отдельные "ласточки" налаживания подобного диалога и взаимодействия, как известно, весны не делают.

Нам же остается выразить лишь крайне осторожный оптимизм насчет того, что параболы общего движения все-таки прочерчена достаточно четко. И поскольку мы не располагаем внятной теорией перехода к настоящему гражданскому обществу, приходится довольствоваться при этом шутивным утешением прогнозистов: трудно предсказывать - особенно будущее!

1 Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М., 1992, С.381.

Р.Г.Апресян
Корпоративизм:
опыт социально-этического анализа

Возникновение и обустройство корпораций - одна из устойчивых тенденций социальных преобразований постсоветского российского общества. Действительный социальный смысл корпорации, если уже можно говорить о таковом, неопределенен. Как юридический концепт "корпорация" вообще не востребована; более - менее четких определений нет и в социологической литературе. Крайний разброс представлений о том, что такое корпорация, чем могла бы быть корпорация, демонстрирует современное образованное сознание. Для него "корпорация" ассоциируется с кланом, элитой, компанией, мафией. Тем не менее в современной речи упомянутое слово можно встретить все чаще и чаще. И в этом - дополнительное свидетельство того, что за корпорацией уже признается некоторая новая действительность (не ясно пока, какая); в речи отражается и закрепляется пока с трудом идентифицируемый процесс реорганизации и обновления социальной жизни.

Думается, не имеет смысла подробно обсуждать лежащие на поверхности толкования корпорации как замкнутого и иерархически сложенного объединения вообще. Корпорация - это, конечно, а) объединение, но б) добровольное объединение, в) объединение закрытое в социологическом смысле этого слова, г) созданное для ведения специализированной деятельности, д) имеющее как таковое юридический статус. В этом смысле корпорация отличается от политической организации, будь то партия или движение, и разного рода "спортивно-культурные" учреждений, включая клубы, кружки и т.д. Аналогично партии или клубу, корпорация может быть организацией закрытого типа, но ее специфической особенностью является именно то, что интересы объединяемых ею лиц реализуются в процессе самостоятельно организованной корпорацией специализированной деятельности. Будучи внутренне строго организованным объединением, корпорация, безусловно, отличается от мафии - именно правообразностью деятельности и представленных в ней частных интересов (хотя формально традиционная, характерная для средневековья корпорация, как и современная мафия, строилась на принципах, аналогичных принципам семейной организации).

Корпорация - это самоуправляющаяся организация, имеющая собственные цели. Поэтому она является не только юридическим лицом, субъектом прав и обязанностей, но и суверенным социальным субъектом. Впрочем, исторический опыт нашего столетия (опыт тоталитарных государств) показывает: корпорации могут становиться средством осуществления и государственного интереса. Но и тогда, когда корпорации создаются государством, их деятельность остается более или менее автономной по отношению к последнему. В строгом смысле слова "государственными" корпорации являются только в силу того, что созданы государством. Но они отличаются от государственного учреждения и организации. Те создаются для обеспечения каких-то иных, внешних организации целей. Что касается "кор-

поративного государства", то это не государство, базирующееся на корпорациях или ассоциирующее таковые, а государство, построенное по типу корпорации, т.е. по сути дела тоталитарное государство.

Будучи формой социальной организации, корпорация исторически складывается как некоторая альтернатива традиционной политической власти, как инструмент для отстаивания «принижеными сословиями» определенных интересов в противовес власти государей, и помимо вассальных зависимостей, задающих политическую структуру средневекового феодального общества. В Новое время корпорация возрождается на профессиональной основе опять-таки как элемент негосударственной, т.е. неполитической структуры общества. Корпорация, подчеркивал Гегель, наряду с семьей и полицией становится одним из гарантов формирующегося гражданского общества. Отсюда следует одна важная характеристика корпораций: они служат обществу, а не государству. Поэтому, например, такие весьма близкие ей по своей внутренней структуре организации, как полиция или армия, государственная пожарная служба, не следует считать корпорациями, коль скоро они служат государству. Вместе с тем, корпорацию следует отличать от иных социально-экономических и хозяйственных институтов. Не являются корпорациями разного рода интегративные объединения или коалиции регионального и межрегионального характера, хотя в них, безусловно, отражаются какие-то специфические интересы. (1)

В дискуссиях или умолчаниях по поводу идеи корпорации прослеживается и еще одна концепция - "социальной корпорации". Под социальной корпорацией понимается (хотя и далеко не всегда внятно артикулируется) некоторое, возможно профессионально индифферентное, собрание людей, объединенных, скажем, а) одинаково высоким статусом каждого в рамках своей специализированной деятельности или б) размером принадлежащего им недвижимого имущества, или в) положением, дающим им возможность влиять на власть преобладающих и на общественное мнение, или г) всем этим вместе взятым. Очевидно, что за таким взглядом стоит определенного рода социальная реальность. Это - элита.

Чисто прагматическое требование к строгости речи предполагает, что лексические дистинкции будут придерживаться хотя бы на некотором, пусть низком пределе, позволяющем сохранять общезначимость речевого поля. "Размягчение" же даже относительной определенности употребляемых терминов (возможно, имеющее в своей основе вполне четкие политические мотивы) чревато именно разрушением единого пространства дискурса. Обращение к термину "корпорация" для упаковки известных и достаточно легитимных в общественном мнении функций элиты наталкивает на мысль о том, что существуют веские мотивы утаить действительные цели формирования новой элиты, а именно, возрождение на основе новой элиты посттоталитарного общества, функций и инструментов власти старой номенклатуры.

Между тем корпорация как таковая непременно представляет собой элемент гражданского общества, а не политической или административной системы, и именно в качестве такового является важным структурным фактором социальной стабильности. Его значение определяется тем, что корпорации по своей природе способны и имеют функциональную возможность абсорбировать различные интересы и снимать тем самым остроту возможных столкновений между частными и общими интересами. Однако как способ социального устройства корпоративизм чреват тоталитаризмом, поэтому не должен восприниматься в качестве универсального социального или нравственного принципа.

Корпоративизм органичен человеческому сообществу. Он во многом отвечает внутренней потребности человека в групповой вовлеченности и идентичности. Чувство общительности, стремление к единению с другими людьми являются естественными для человека. Человек социализируется, то есть становится личностью при опоре на других, в единении с другими. С этой точки зрения, человек, конечно является аристотелевским "общественным животным". Усвоение и воспроизведение в себе группового, общественного опыта составляет основное содержание процесса социализации, который можно охарактеризовать и так: от естественной общности (в семье, непосредственно с близкими людьми) к обособ-

лению (от родных) и от обособления к приобщению (с посторонними, чужими, становящимися в том или ином отношении близкими). Социализация - это общественное становление личности, ее индивидуальное развитие, развитие через различение от других людей (даже самых близких).

В то же время человек утверждается через соотнесение и отождествление себя с другими людьми, с малыми и большими сообществами. Последние актуально существуют как обособленные общности, как агенты (носители) частных интересов. Степень этой частности может быть различной. Но иначе как носителями особенных интересов эти общности быть не могут, и это с необходимостью вытекает из природы цивилизованного общества, которое исторически становится и развивается в качестве общества партикулярных (групповых и индивидуальных) интересов.

Для компенсации партикулярных интересов существуют социальные, политические, культурные механизмы. В частности, корпорация является одним из "медиаторов" индивидуальных и общих интересов. Это достигается благодаря тому, что корпорация, говоря словами Вебера, при "автокефальности", то есть самостоятельности внутреннего обустройства и управления, является, "гетерономной", то есть ориентирующейся на общественные установления и регуляторы. (2) Тем не менее сама корпорация является объединением, замещаемым на частных интересах и утверждающим (легитимно допустимыми путями) частные корпоративные интересы в качестве приоритетных как по отношению к общественным, так и по отношению к индивидуальным и любым другим групповым интересам.

Характерно, что "корпоративизм" нередко рассматривается как синоним группового эгоизма, выражение ограниченности групповых (элитных, клановых, ведомственных, местнических) интересов. Этим, кстати, была обусловлена критика корпоративного духа со стороны просветительской социально-этической мысли. Отвергая сословно-иерархические нравы, она утверждала универсальность моральной обязанности и безусловность достоинства личности. Корпоративизм как групповой эгоизм - это единение в замкнутости, в обособленности. Он может ограничивать эгоизм, но обычно - лишь в его индивидуальной форме и то лишь для воспроизведения на новом уровне, в другой форме - коллективного, группового эгоизма. Именно поэтому корпорация как коллективное единство носит закрытый характер. Под закрытостью в данном случае следует понимать не способы ее персонального сохранения и воспроизводства (внутренний индивидуальный состав корпорации может быть достаточно подвижным), а условия и характер корпоративного членства. Корпорация закрыта в целерациональном, функциональном отношении.

В идеале корпорация формируется на принципах тесного внутреннего единства и сплоченности. Это легко проследить на характере принятия решений и дальнейшем осуществлении их в политике и действиях корпорации. Вопрос, скорее юридического, чем социологического или тем более прагматического свойства, который здесь возникает, касается того, кто является субъектом корпоративного решения и в какой мере корпорация в качестве института и юридического лица может быть ответственна за последствия принятых решений. Неоднозначность этого вопроса определяется неясностью самого понятия ответственного лица и того, может ли объединение людей выступать носителем качеств и черт, которые обычно приписываются личности. Кто должен отвечать за последствия действий, нарушающих чьи-то права или наносящих материальный ущерб, если в соответствующие решения принимали и осуществили люди исключительно как члены корпорации? Разумеется, в нее входят разные люди. Нельзя отрицать, что члены корпорации, действующие от ее имени, могут преследовать свои собственные корыстные интересы, и действовать порой противоречащим закону образом. Но можно ли утверждать в таком случае, что предпринятые корпорацией как таковой действия имели злой умысел?

Некоторыми социологами и правоведами высказывается мнение: корпорация как субъект интересов или прав и агент суверенной деятельности представляет собой фикцию. У корпорации нет собственного сознания, так же, как нет собственного тела; стало быть, у нее не может быть собственной ответственности. Последнюю несут соответствующие ру-

ководители и исполнители. Более того, если директора компании отдают отчет в том, что за решения, которые они принимают в качестве руководителей, им придется отвечать собственным кошельком, они будут более предусмотрительны и ответственны. Однако в таком случае корпорацию нельзя отличить от толпы. Когда толпа совершает действия, в результате которых нанесен некоторый ущерб, то каждый человек, входивший в толпу, несет за это ответственность пропорционально своему - юридически установленному участию в событиях. В отличие от толпы, корпорация ответственна в своих действиях как юридически признанное лицо. Не случайно в современных гражданских кодексах большинства западных стран корпорация трактуется именно как "лицо", то есть как такой субъект и агент, у которого есть намерения, мотивы и интересы, а также оговоренные в уставе, обусловленные заключенными договорами или взятыми обязательствами цели, права и обязанности.

Любые действия корпорации опосредствованы деятельностью включенных в нее индивидов. Однако ответственность корпорации не распространяется на ее членов как на частных, физических лиц. Корпорация ответственна за действия, по которым она сама как юридическое лицо принимала решения, и которые, стало быть, могут рассматриваться как умышленные действия. Корпоративными же могут считаться те решения, принятие которых было оформлено процедурно - в соответствии с зарегистрированным, т.е. правомочным, уставом корпорации.

Каждая корпорация имеет внутреннюю структуру принятия решений. Здесь следует выделить два основных элемента: а) установленная система управления, б) совокупность правил выработки решений. Эта структура и обеспечивает тот синергетический результат усилий различных физических лиц (ответственных за выработку и принятие решений), который можно считать решением корпорации. Хотя с точки зрения причинно-следственных связей, невозможно отделить корпоративное решение от действий физических лиц. Особенно, если учесть, что решение принимается на основе изучения опыта и потребностей различных подразделений корпорации, в соответствии с принципиальными (записанными в уставе) и прагматическими (обусловленными конкретной ситуацией на рынке, отношениями с партнерами, клиентами, с различными органами государственной власти) приоритетами корпорации. Следовательно, процедурно принятое решение оказывается интерперсональным, то есть не сводится без остатка к высказываниям и решениям включенных в его выработку различных физических лиц.

Интерперсональность корпоративных решений может частично основываться на их коллегиальности. Но механизм выработки решения включает гораздо больше людей, чем те, что непосредственно участвуют в том властном (управленческом) органе корпорации. В той мере, в какой корпорация является институтом и обладает приоритетами, она подчиняет индивидуальные цели, интересы и потребности входящих в нее лиц (даже в составе директората) интересам благополучия и процветания корпорации. В той мере, в какой действия корпорации отражают политику корпорации и воплощают ее, их можно считать совершенными во имя корпорации, по желанию корпорации и, следовательно, соответствующими намерению корпорации.

У этого обобщения есть важные правовые последствия, касающиеся возможности наложить на корпорацию санкции в связи с неблагоприятными или прямо преступными последствиями ее решений. Или, наоборот, - возможности поощрить ее за деятельность, способствующую процветанию территории, на которой действует корпорация, будь то небольшой район или страна.

Жестко "инкорпорируя" своих членов, корпорация в то же время берет на себя определенные обязательства перед ними. Она призвана проявлять отеческую заботу о них, действовать профессиональному и социальному развитию - с тем, чтобы они могли вносить наибольший вклад в дело корпорации. Корпорация вырабатывает кодекс профессиональной (деловой) чести, обеспечивает его поддержание, гарантируя тем самым марку производящихся продуктов (товаров и услуг). В тенденции корпорация стремится стать второй семьей для своих членов и ждет от них соответствующего к себе отношения. Вместе с тем, заслу-

жившему свое место сотруднику уже не надо иначе, как самим фактом своего места в корпорации, доказывать свою профессиональную пригодность, а в конечном счете и честь.(3)

Такая предзаданность жизнеутверждения человека в корпорации воспринимается традиционным либеральным сознанием как ограниченность, возможность личной несвободы. Действительно, объективная и вполне понятная с функциональной точки зрения необходимость аккумуляции знаний, воли, практических усилий и их подчинения принятым целям корпорации может провоцировать и нередко провоцирует нивелирование индивидуальных особенностей, стандартизацию членов корпорации. Оказывая патерналистское попечение своим членам, одновременно формирует их как людей корпорации, людей, обладающих определенным типом сознания, чувствующих себя личностями лишь в своей причастности корпоративному объединению.

В популярных изложениях на тему корпоративизма нередко на передний план выдвигается его этикетное содержание. Это выражается, в частности, в акценте на таких "коллективистски-корпоративистских" качествах, как тактичность и доброжелательность, умение поддерживать добрые отношения с людьми и благоприятный психологический климат в группе, внимательность к мнению коллег, терпимость к чужим мнениям и т.п. В таком понимании корпоративизм исчерпывается принципами эффективного группового взаимодействия и сориентирован на внутригрупповые характеристики деятельности, ограниченные локальными, независимыми от универсальных целей задачами. Но любые формы подобной утверждения неприятия - "семейственность", "климат семьи".

Сам по себе неприятие непродуктивен. Более того, потенциально он разрушителен, во-первых, для целей вовне ориентированной деятельности, а следовательно для интересов самого объединения как социального агента. Во-вторых, он разрушителен для индивидуальных интересов входящих в объединение его членов, если, конечно, само это членство не стимулируется неприятиескими, партикуляристскими, в конечном счете эгоистически-групповыми мотивами. Для сознания группистского типа стержневой является дихотомия "мы" - "они". Будучи закрытым сообществом корпорация так или иначе предполагает противопоставление объединенных – посторонним, "своих" - "чужим". Чувство "мы" конституируется в активном противопоставлении "они". "Они", "чужие" определяются не как они есть сами по себе, но лишь в соотнесенности с "мы", со "своим", что только усугубляет противостояние "мы"- "они". Соответственно корпорация, люди корпорации явно или неявно, но последовательно проводят политику на доминирование "своих" над "чужими".

С очевидностью подобные черты обнаруживаются в сообществах традиционалистского типа. Однако в снятом виде или в относительно завуалированной форме они содержатся во всех формах лояльно-группового сознания - политическом, профессиональном, конфессиональном, этническом и т.п. При этом нужно оговориться: во-первых, не всякое групповое сознание является эгоистически-групповым и, во-вторых, с точки зрения соотношения частных и общих интересов, группы (в том числе неприятиеского типа) могут выполнять прямо противоположные функции - либо отстаивать общие интересы, подавляя личные, либо, наоборот, бороться за личные интересы и воздействовать на высшие этажи групповой иерархии. Для объединения корпоративистского типа характерны обе тенденции.

В 30-60-ые годы на Западе под впечатлением от ужасающих экспериментов нацистского и советского тоталитаризма корпоративистское сознание вызвало волну критики со стороны гуманистической психологии и социальной теории. Вместе с тем именно это внимание социальных наук к различным формам деиндивидуализации личности в группе положило начало более глубоким и разносторонним исследованиям групповых форм самореализации человека. Новые данные показали, что в современном западном обществе произошла знаменательная переориентация массового сознания. Доминировавшая в эпоху классического капитализма соревновательная модель успеха постепенно уступила господствующее место кооперационной, или солидаристской модели успеха. (4) Так вот, корпорация предоставляет идеальные возможности для реализации этой модели. Более того, в рам-

ках корпорации как сообщества равных появляется возможность оказывать помощь нуждающимся. Причем, они получают ее, имея статус члена корпорации и от имени корпорации, что не умаляет личного достоинства и, значит, не вызывая зависти и социального дискомфорта.

В печати иногда можно встретить слова "корпоративное строительство". Трудно понять, чего больше в этих словах: горькой иронии по поводу того, что результаты от внедрения кампанией чего-то нового непременно окажутся "прогрессивными", либо бездумного оптимизма, уверенного в возможностях метода "стройки" в любом деле. Не требуется особой зоркости, чтобы увидеть: новые отечественные корпорации нередко создаются людьми, которые несут с собой привычки и навыки патернализма, номенклатурного авторитаризма, коррумпированного и своекорыстного менеджериализма. Это и понятно: в постсоветском российском обществе слабы традиции соревновательной модели успеха, устойчивы стереотипы авторитаризма и уравнительности. В этой ситуации корпоративизм (при всей своей чреватости групповым эгоизмом) может стать, помимо прочего, и существенным компенсационным механизмом по переустройству, переориентации массового общественного сознания и адаптации его к новым "правилам игры".

1. Неправомерно, на наш взгляд, рассматривать в качестве корпораций межрегиональные и внутрирегиональные коалиции, как это предлагает М.Г.Ганопольский в работе: Мозаика корпоративности // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПП. Вып. 3. М.- Тюмень: Центр прикладной этики, 1994. С.205.

2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 518-519.

3. French P.A. The Corporation as a Moral Agent // Business Ethics in Canada. 2-d ed. / Ed. D.C. Poff, W.J. Waluchow. Scarborough, 1991. P. 87.

4. Согомонов А.Ю. Текст корпорации: успешность приспособления // Этика успеха. Вып. 2. С. 89-95; Его же. Текст корпорации: "страх успеха" или "дух сотрудничества" // Этика успеха. Вып. 3. С.188-194.

Г.С.Батыгин **Неокорпоративизм и проблема рационального выбора**

Социологическая традиция обнаруживает три подхода к социальным институтам.

Первый подход основан на понимании институции как результата абстрагирования от массы индивидуальных взаимодействий. Эта, скажем, номиналистская парадигма, часто отождествляемая с англо-саксонским индивидуалистическим взглядом на социальную реальность, развита Дэвидом Истоном. (1) Онтологическая проблема, присутствующая в теории институций, как правило, обходится и остается не вполне ясным, каким образом абстракции, нередко фантастического происхождения, оказываются вполне реальной силой.

Второй подход постулирует существование онтологических социальных структур, облающих некоторой "силой" по отношению к поведению индивидов. Наиболее последовательная теория такого рода развита в марксизме, однако в аналогичном ключе проблема рассматривается структуралистами и системными теоретиками. Как и в предыдущем случае, постулирование неизбежности структурного силового воздействия делает излишним вопрос о генезисе и воспроизводстве этой надындивидуальной реальности. "Конвенционалистский призрак, вместо того, чтобы возникать из социальной машины, сам превращается в социальную машину", - афористично замечает по этому поводу Р.Графштейн. (2)

Вероятно, к этой интеллектуальной линии примыкают сторонники идеи "социального конструирования реальности", (3) а также постмодернисты, считающие социальные институты фантазмагориями, подлежащими деконструкции и "совращению" (Ж.Бодрийяр).

Третья теоретическая ориентация рассматривает социальные институты как конвенциональные образования, соответствующие рутинизированным образцам индивидуального взаимодействия, которые компенсируют неспособность "актеров" действовать совершенно рационально. (4) Иными словами, институты представляют собой стандартизированные нормы и ценности, выражающие интересы социального целого, (5) либо являющиеся результатом рационального выбора индивидом стратегии поведения. (6)

При всех подходах сохраняется убеждение, что институты - это определенный тип ограничителей индивидуальной свободы, они независимы от волеизъявления как "публики", так и политических деятелей. Убеждение в независимости институтов делает проблематичным их выведение из индивидуального действия. Во всяком случае, рационально действующий субъект должен (по определению) обладать адекватной и по возможности универсальной информацией о "правилах игры" в институциональной системе действия. Таким образом, выведение институционального действия из индивидуального осуществимо без особых затруднений в веберовской теории рационального поведения.

В 1980-е годы получила развитие исследовательская программа, составляющая альтернативу конвенциональной интерпретации социальных норм и институций - неинституционализм. (7) С точки зрения неинституционалистов социальный порядок не нуждается в поддержке или проектировании со стороны индивидуальных "актеров". Он сам по себе источник целесообразности и разумности в человеческом сосуществовании. Нормы социального взаимодействия и социальные институты несут на себе отпечаток "вечных ценностей" - предположение, возвращающее политический и моральный дискурсы к теократической легитимации социального порядка. Несмотря на декларируемый антиконвенционализм, социальные институты интерпретируются здесь как способы самоконституирования индивидуальных действий в социальном пространстве, которое, в свою очередь, трактуется как пространство индивидуального рационального выбора. Рациональный выбор оказывается необходимым элементом институциональной организации: предполагается, в частности, что каждый цикл институциональной динамики завершается калькуляцией плюсов и минусов для каждого отдельного "актера". Таким образом, в неинституционалистской программе вполне отчетливо прорисовывается бентамовская идея "summum bonum".

С точки зрения институционального реализма, социальные нормы, ограничения и "правила игры" являются предельными условиями, внутри которых осуществляется рациональная деятельность субъекта. Универсальная рациональность не означает, что ограничения, накладываемые на нас поведением ближних, выбираются, либо вообще должны быть объектом выбора. Индивидуальные предпочтения самоконституируются в области идеологий, не обязательно соответствующих институциональным регламентам. Проводимое Р.Графштейном разграничение социальных норм, которые могут быть предметом выбора (они определяются как "категоризации" и "идеологии"), и институциональных ограничений, не выбирающихся "актером", (8) позволяет в последнем случае говорить о независимом существовании институций, т.е. об институциональном реализме.

Категоричность подобной неюдюркгеймианской программы усиливается тем обстоятельством, что, несмотря на очевидное допущение сознательного и рационального согласования индивидуального поведения с социальными нормами, между институциональной структурой и действием "актера" всегда остается различие принципиального характера: их соотношение аналогично соотношению формы и материи. Структуры и индивидуальные действия не существуют друг без друга, но какая-либо их взаимная редукция невозможна.

Отсюда следует далеко идущая гипотеза, что типы нормативной регуляции в обществе, в том числе политические структуры и формы корпоративного взаимодействия, не зависят от наполняющего их «человеческого материала». Они обладают собственными циклами развития и заставляют людей выбирать тот поведенческий репертуар, который задан логикой институций. Институциональное поведение вовсе не обязательно направлено на определенный объект, преднамеренно или даже осознанно. Когда институции обретают собственную идентичность, их категоризации в индивидуальном и массовом сознании могут

иметь иное содержание. Опять же речь идет об институциональных онтологиях, а не об агрегатах индивидов или групп, совпадающих по пространственно-временной локализации с институциональными единицами. Например, преподаватели, административный аппарат и студенты образуют сообщество, которое в значительной степени совпадает с институциональной единицей, называемой "университетом". Но "университет" представляет собой самостоятельную единицу, которая - в принципе - сохраняет идентификацию при полной смене преподавателей, администраторов и студентов.

Подобного рода амбивалентность присуща любой форме действия, в том числе предпринимаемого индивидуальным "актером". Голосование идентифицируется как институциональное действие, несмотря на то, что его содержание составляют намерения, убеждения, ценности и т.п. Важно то, что все эти "содержания" не делают голосование голосованием. Равным образом любое ролевое, т.е. институционально регламентированное поведение является амбивалентным в том отношении, что подчинено самому себе как внутренне полагаемой "реальной" идее. Институт устанавливает поле возможностей для социального действия и сама представляет собой то, что «должно быть» - эпистемическое и этическое предписание.

Присущий институциональной социальной реальности нормативизм позволяет описать различные виды социальной регуляции - нравы, обычаи, моды, законы - как отделенные от индивидуального социального действия онтологии. Тем самым социальные и этические нормы превращаются из средства взаимодействия в его смыслополагающую цель. Конвенции, в том числе регламенты индивидуального рационального выбора, могут интерпретироваться как частный случай схемы возможных действий. Главное, что эти взаимодействия уже не являются ситуациями, создаваемыми "актерами". Ключевым социологическим измерением здесь становятся ожидания индивидов относительно институциональных регламентов. Чем более устойчивы последние, тем более предсказуемо поведение.

В своей теории социального действия Т. Парсонс предпринял попытку связать индивидуальное поведение с социальным порядком и тем самым дать решение "гоббсовской проблемы" с помощью введения в теорию "типовых переменных" - ценностных ориентаций и норм, упорядочивающих индивидуальные предпочтения. В поздней работе "Система современных обществ" Парсонс делал акцент на открытых саморегулирующих системах (культуре, личности, организме и т.п.) и непосредственно апеллировал к дюркгеймовской трактовке общества как реальности *sui generis*. (9) Тем самым функционирование социальной системы, по Парсонсу, приобретает амбивалентную направленность: хотя системные качества находят выражение не в собственных действиях институций, а в индивидуальных действиях, они не зависят от последних.

Иной путь к решению дилеммы представлен в теории "структуризации" Э.Гидденса, который рассматривает структуру как когнитивный компонент действия, закрепленный в памяти. Структурные качества существуют лишь в форме пространственно-временных «впечатлений», сознание агента действия являет собой нечто вроде их онтологического субстрата. (10) Гидденсовские "структуры" не могут оказывать причинного воздействия, поскольку агентом действия может быть только то, что обладает "телесным" существованием. При этом вопрос о возникновении социальных систем остается открытым: агенты социального действия сами не осознают институциональные структуры, а только воспроизводят, либо преобразуют уже запечатленное в практике.

В теории рационального выбора взаимодействие индивидов, как правило, интерпретируется в терминах игры, где участники стремятся максимизировать результат с учетом не только находящихся в их распоряжении ресурсов, но также возможных действий партнеров. Правила игры представляют в данном случае модель структуры, т.е. критерии идентификации "игроков" плюс способы достижения результатов. Таким образом, институционализируется структурная взаимозависимость участников игры.

Здесь предполагается, что участники игры заинтересованы в воспроизводстве институциональной структуры и обладают рациональными мотивами действия. Это допущение

реализуется далеко не всегда. Во многих случаях люди воспринимают институциональную структуру только в качестве ограничения и их мотивы не соотносятся непосредственно с правилами организации. Отсюда следует, что во многих случаях институции не являются результатом принятых индивидами решений. Это предположение - эвристически довольно сильное - возвращает социологическую теорию к проблеме легитимации социального порядка: если формы социальной организации не вытекают из "естественного состояния" и первичных потребностей индивидов, то их происхождение связано с внеприродными принципами мироустройства, не требующим дальнейшего обоснования. Как и социальная мысль Нового времени, современная социологическая теория открывает для себя сакральные элементы в социальном порядке, в частности, недискурсивность традиционной власти как верховного начала, незыблемость канона и моральных заповедей. Уже нет нужды рассуждать о полезности добра и заниматься его оправданием. Отныне принципы устройства жизни принимаются как таковые, даже если они кажутся несправедливыми.

Одно из следствий происходящей ресакрализации власти – обнаружение авторитарных и репрессивных отношений между свободными гражданами. Насилие, осуществляемое во внеполитической сфере (несколько книг, освещающих эту тему, имеют многозначительное заглавие "За закрытыми дверями"), представляет неизмеримо более серьезную угрозу, чем насилие со стороны институтов политической власти. Традиционное для европейской политической мысли противопоставление государства и гражданского общества как коррелятов соответственно насилия и свободы сменяется поиском нормативных оснований социальных структур и эффективных средств социального контроля "внизу". В современных обществах политические институты часто оказываются не в силах противостоять социальным отклонениям в "приватизированных" областях жизни. Здесь создаются локальные системы регуляции поведения, составляющие важный дополнительный компонент социального контроля. Этот процесс обозначен Д.Сциулли как переход от "управленческого конституционализма" к "социентальному конституционализму". (11) В последнем случае речь идет о неявных корпоративных средствах контроля и давления, локальных "этиках" и поведенческих образцах.

Теневые корпорации играют важную роль в политике и экономике. Их лидеры обладают значительными возможностями в ротации и воспроизводстве элит. Даже в развитых странах Запада некорпоративизм составляет заметную альтернативу "свободной" экономике и демократическому правовому государству. Такого рода корпоративные структуры создаются не только с криминальными целями (в данном случае их иногда называют "мафиями"), но в целях профессионального контроля, реализации групповых интересов в территориальных и культурных сообществах. Профессиональные ассоциации, клубы, кооперативы и иные объединения становятся существенным элементом внеполитической "социальности" и, кажется, заменяют ее. В знаменитой статье Умберто Эко о наступлении "Нового Средневековья" речь идет как раз о возрождении некорпоративных социальных структур.

Типичный пример некорпоративизма - деятельность Американской медицинской ассоциации, в рамках которой регламентируются не только профессиональная стратификация и нормативные требования к диагностике и лечению, но и статус здравоохранения в обществе. В литературе сообщаются примеры, когда корпоративные нормы в медицине начинают действовать автономно и независимо от состояния больного. Диагноз и методика лечения не могут быть изменены без серьезного сопротивления корпоративных структур, если образцы медицинского дискурса прошли предварительную институционализацию и закреплены в документах. (12) Например, специализация клиники предполагает установление определенного круга диагнозов, а когда больной умирает от другого заболевания, в дело вступают корпоративные нормы. В этих случаях деятельность врача существенным образом корректируется необходимостью принятия ответственности на себя, либо переноса ее на коллег. Актуализируются амбивалентные (в смысле Мертонa) нормы институциональной деятельности, предписывающие нарушение внешних регламентов для сохранения корпора-

тивной безопасности. В таких условиях создаются предпосылки для формирования авторитарных властных структур внутри корпораций и возникновения "локального тоталитаризма". В США не зря советуют прежде чем обращаться к врачу, обратиться к юристу.

Элементы тоталитарного контроля в корпорациях, как правило, неотделимы от "дисциплинарной юрисдикции", что свойственно, например, регламентам присвоения ученых степеней и присуждения ученых званий и, если брать в целом, нормам, действующим внутри профессиональных групп. Аналогичные нормы складываются в политических объединениях, производственных организациях, неформальных сообществах. Интеграция этих структур поддерживается даже в тех случаях, когда их члены нарушают внутренние правила и процедуры при условии, что они руководствуются латентными (закрытыми для «чужих») регламентами, в том числе "правилами нарушения правил".

Таким образом, устанавливается важная особенность корпоративного поведения - закрытость его функциональных реквизитов и целей деятельности от внешнего наблюдателя. Когда корпорации не обладают возможностями контролировать более или менее значительные социальные "пространства" (в экономике противодействие такому контролю традиционно осуществляется с помощью антимонопольных мер), они представляют собой не более чем закрытые зоны, которые можно обойти, - как, например, клуб собаководов с его жесткими регламентами не ограничивает жизненное пространство других людей. Иное дело - медицинские, юридические, военные, информационные, религиозные корпорации, не полагающие видимых пределов своей экспансии. Их влияние на общество сопоставимо с тоталитарным контролем - с тем только отличием, что речь идет о контроле экспертов, а не политических институций.

В любом случае развитие корпораций ставит под вопрос фундаментальный тезис либерализма о воспроизводстве социального порядка из естественного равновесия индивидуальных интересов. Отсюда следует и сомнительность "очевидного" предположения, будто обществами управляют правительства, выражающие "общественные" интересы. Ф.Шмиттер сформулировал неокорпоративистский взгляд на эту проблему следующим образом: "Большинство европейских государственных учреждений (в меньшей степени это касается Соединенных Штатов) изначально не были предназначены для того, чтобы быть управляемыми, наоборот, они возникли как результат компромиссов, вторых и даже третьих попыток разобраться в постоянно меняющейся картине расхождений и умолчаний. Как таковому их обычному состоянию были присущи неуправляемость, нестабильность, нелегитимность и избыточность". (13)

Как объяснить фрагментарность и ограниченность воздействия политических институтов на повседневную жизнь и, напротив, усиливающуюся власть корпораций? (14) Принимаемые в корпоративных структурах решения, как правило, эффективны и вызывают ожидаемые последствия, они обладают широким диапазоном воздействия на общество. Немаловажно и то обстоятельство, что корпорации могут законными способами оградить себя от нежелательного внимания со стороны общественного мнения, средств массовой информации и даже компетентных органов. Дж.Брейтвейт привел убедительные данные, касающиеся фармацевтической промышленности: решения корпоративных инстанций здесь хорошо изолированы от либерально-демократического контроля и традиционных форм рыночной конкуренции. (15) Экспансия корпораций, по мнению Ф.Шмиттера, позволяет заменить либеральные договорные теории социального порядка "реалистическими" концепциями. (16)

Спектр корпоративных структур соответствует функциональной дифференциации современного общества. Усилилась специализация информационных отраслей, медицины, даже правового контроля - например, сегодня и следственные и судебные органы не могут эффективно действовать без специализации на определенной категории дел - уголовных, семейных, налоговых и т.п. При этом корпорации непосредственно проникают в аморфные структуры политической власти, "фрагментируя" их в соответствии с направлением собственных интересов. Речь идет также о фрагментации знакового социального пространства -

конституирование социального порядка уже не может быть понято в рамках универсальной системы значений и, вообще становится неясно, что такое "социальный порядок" и "общественные интересы".

Таким образом, аномические изменения в социальной структуре современного общества находят выражение в двух фундаментальных тенденциях: (а) функциональной дифференциации институциональных норм и (б) нарушении распознавания и идентификации социальных действий. (17) Функциональная "фрагментация" является симптомом аномии и социальной дезорганизации, при которых даже исследователь не уверен, имеет ли он дело с настоящим "развитием", или с политической мистификацией - использованием легитимной власти в интересах корпораций. Можно догадываться, что те, кто несет ответственность за "законы" и "порядок", на самом деле не обладают возможностями для выполнения своих обязанностей, и их собственная деятельность приобретает в чем-то аномальный характер. Уже невозможно говорить о прогрессе общества в целом, социальной интеграции либо солидарности. Нарушения в идентификации действий являются результатом нормативного релятивизма и ограничения ответственности тех, кто принимает решения, рамками относительно замкнутого институционального "фрагмента". Ни одна из элит не способна сегодня осознать общую цель и артикулировать социальный консенсус, поскольку система значений, в которой традиционно конституировалось "общество", становится условностью или, в лучшем случае, объектом деконструкции дискурса.

(1) Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

(2) Grafstein R. Institutional Realism: Social and Political Constraints of Rational Actors. New Haven: Yale University Press, 1992. P.5.

(3) Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. New York: Anchor Books, 1964.

(4) March J., Simon H. Organisations. New York: John Wiley, 1958.

(5) Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York: Free Press, 1954.

(6) Schotter A. The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

(7) March J., Olsen J. The New Institutionalism: Organisational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. September. P.737-749; Shepsle K. Studying Institutions: Some Lessons from Rational Choice // Journal of Theoretical Politics. 1984. Vol.1. January. P.131-147.

(8) Grafstein R. Op. cit. P.7.

(9) Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, J.: Prentice-Hall, 1971. P.7.

(10) Giddens A. The Constitution of Society. Berkeley: University of California Press, 1984. P.28.

(11) Sciulli D. Foundations of Societal Constitutionalism Principles from the Concept of Communicative Action and Procedural Legality // British Journal of Sociology. Vol.39. P.377-407.

(12) Sciulli D., Bould S. Neocorporatism, Integration and the Limits of Corporative Political Sociology // The Dynamics of Social Systems / Ed. by P.Colomi. London: Sage Publications, 1992. P.244-250.

(13) Schmitter Ph. Interest Intermediation and Regime Governability in Contemporary Western Europe and North America // Organising Interest in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics / Ed. by S.Berger. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P.291.

(14) Maier Ch. "Fictitious bonds... of wealth and law": On the Theory and Practice of Interest Representation // Organising Interest in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics / Ed. by S.Berger. Cambridge University Press, 1981. P.27-71.

(15) Brathwaite J. Corporate Crime in Pharmaceutical Industry. London: Routledge and Kegan Paul, 1984.

(16) Schmitter Ph. Democratic Theory and Neocorporatist practice // Social Research. Vol.50. P.885-928.

(17) Sciulli D., Bould S. Neocorporatism, Social Integration, and the Limits of Comparative Political Sociology // The Dynamics of Social Systems / Ed. by P.Colomy. London: Sage, 1992. P.258-259.

Г.Л.Тульчинский **Успех: призвание и самозванство**

Два стратегических модуля менеджмента

Чем ближе цивилизация приближается к рубежу веков, тем очевиднее становятся две основные технологии менеджмента. Одна заключается в управлении по целям, в качестве которых выступают конкретные представления (образы) желаемого будущего или не желаемого настоящего. Далее под эти цели подтягиваются задачи, средства, необходимые для их реализации, в том числе - кадровые. Организационная структура оказывается воплощением дерева целей, работа с персоналом определяется системой распределения полномочий, контроля и стимулирования. Информация циркулирует в виде сигналов: решений, данных учета, контроля и т.д.

Но возможен и иной менеджмент, когда важен не только и не столько результат, сколько процесс, когда управление ведется не столько по целевым критериям, сколько по определенным ценностям и нормам. Тогда ключевой вопрос не "что?", а "как?", и на первом плане не стимулирование, а мотивация и взаимопонимание.

Перефразируя известную идею Э.Фромма, можно сказать, что первый менеджмент реализуется в модуле "иметь", второй - в модуле "быть". В чистом виде и первая и вторая ориентация практически не встречаются, обе они дополняют друг друга. Но возможны более или менее ощутимые акценты. Так, классический американский менеджмент с установкой на целесообразность и эффективность, ориентирован преимущественно на «иметь», а японский - с установками на персонал, формирование корпоративного "мы" ориентирован в основном на «быть».

Двуликий Янус имиджа

Дело, разумеется, не в национальных особенностях, а в технологии менеджмента. Как известно, Питерс и Уотермен, изучившие деятельность 12 наиболее успешно функционирующих американских компаний, пришли к выводу, что этот опыт удивительно "японский". Видимо, акцент на "быть" все больше соответствует проблемам современного менеджмента, когда слишком многое начинает зависеть от мотивации персонала. Современному менеджеру нужна команда, способная к агрессивному поведению, сама заваривающая кашу, ищущая приключений - потому что кто топчется на месте, тот проваливается.

На наших глазах российские менеджеры – «новые русские» и старые хозяйственники - пережили два момента истины. Первый - осознание того, что не структуры порождают программы, а наоборот: любой проект можно при желании реализовать на любых структурах, причем по мере продвижения нередко возникает необходимость в создании специальной структуры. Отсюда недалеко и до следующего прозрения. Программы предлагают люди, и то, что это не "трудовые ресурсы", не просто "кадры", которые надо набрать и обучить, то, что от них зависит не только успех дела, но и само его (дела) возникновение, существование и развитие - откровение менеджмента второй половины XX в.

Но и этого мало. В сверхплотной ситуации на рынке, когда потребитель реагирует на марку, на репутацию фирмы, более того - на репутацию ее первых лиц, на первый план (и чем дальше – тем больше) выходит public relations. Речь идет о радикальной смене вех, технологии и философии менеджмента, который становится технологией перманентного социально-культурного нововведения.

В современном, чрезвычайно диверсифицированном бизнесе главной составляющей менеджментной компетентности является осознание роли и значения организационной культуры (корпоративного духа, стиля, имиджа) фирмы и ее первых лиц. Важным становится не столько "что" мы делаем, сколько "как" и кто мы такие, какими мы хотим быть. Этот имидж фирмы, подобно двуликому Янусу, оказывается обращенным как к собственному персоналу, выражая его фундаментальную, если не экзистенциальную общность интересов, так и во вне, к социальной среде фирмы (партнерам, клиентам, конкурентам, властям, СМИ, и т.д.) Цель при этом одна - достижение все той же фундаментальной общности интересов.

Общность интересов и метафизика свободы

Без общности интересов нет ни любви, ни дружбы, ни бизнеса. Любопытно наблюдать за начинающими предпринимателями. Как правило, дело затевают с друзьями. Проходит полгода и вот: а ты кто такой? а ты сам кто такой? И не важно, что оба пилят чугунные гири. Поленились честно разобраться - есть ли общность интересов и в чем. И прахом идут силы, время, деньги, дружба.

Но как я могу сплести ткань общности интересов внутри фирмы и во вне ее? Только при соблюдении двух необходимых и достаточных условий. Необходимых - значит отсутствие любого из них делает общность интересов невозможной. Достаточных - значит других условий, фактически, нет.

Во-первых, это ясное и четкое осознание собственных интересов, то есть выражение знания о своей свободе и ответственности, ее границах и возможностях.

И во-вторых, отношение к другим, как к таким же свободным, как я, признание за ними права на собственную свободу и интересы.

Поэтому, как ни крути, а менеджмент начинается не с денег, не с материальной базы, не с регистрации устава, а с метафизики нравственности. С осознания своих представлений о себе самом, своего отношения к окружающему миру в целом. Никакие разборки с другими не устраняют главного - необходимости изначальной разборки с самим собой, уяснения, что есть для меня моя свобода, на что я ее трачу и хочу потратить, в чем вижу успех ее реализации? И только после этого - с кем я и по какому поводу?

Обращаю внимание на принципиальное. Сначала - не "чего я хочу иметь", а - "кем хочу быть". В этом не только великая правда жизни, но, если угодно, эмпирический факт современного бизнеса и менеджмента.

Успех и проблема смысла жизни

В.А. Ядов как-то заметил, что, если отвлечься от потребностей, объединяющих человека с животным миром (в еде, сне, тепле, продолжении рода и т.д.), то останется единственная, хотя и по-своему интегральная, потребность: быть сопричастным, тому, что придает смысл моему существованию (идея, вера, дело, дети... - дом души у каждого свой). И в этой сопричастности не оказаться забытым, потерянным, быть замеченным, именованным, окликнутым.

Фактически речь идет об успехе как решении проблемы смысла жизни и смысле жизни как выражении представлений об успехе. Наверное, у человека есть три основных возраста. Первый - ты со мной играешь или ты со мной не играешь? За ним наступает второй - ты меня понимаешь или ты меня не понимаешь? Но рано или поздно наступает третий возраст - ты меня уважаешь или ты меня не уважаешь? Человек не может жить в бессмысленном мире, где его дела и заботы лишены смысла. Другой разговор, что подобно тому, как слово обретает смысл только в контексте, смысл жизни обретается, сознается из ее "контекста": дети, работа, научная или политическая идея, суд потомков, трансцендентное... Короче, в жизни смысла нет, но есть его проблема. Как выражение свободы - сугубо человеческого измерения бытия.

Самоопределение - суть рационализация мотивов моего поведения, путь самопознания, самообъяснения, а значит, в конечном счете - самооправдания. Первична свобода, а разум дан человеку для осознания меры и глубины его свободы - ответственности.

Незнание закона, как известно, не освобождает от ответственности. Так и у человека, по словам М.М.Бахтина, нет алиби в бытии. Но с помощью разума можно осознать, реконструировать собственное "не-алиби-в-бытии", меру и содержание своей укорененности в мире, своей ответственности-свободы. Эта мера, это содержание выражают мой долг, который может быть осознан и принят только свободно.

Сказанное не означает, что человек всегда и везде должен думать о смысле жизни. Это диспозициональная установка. Она проявляется только в критические моменты жизни, на изломе, иногда неожиданно для самого человека. Не дай бог думать о смысле жизни постоянно - сами такие мысли есть симптом отхода от нормы, серьезных жизненных проблем, если не кризиса. Но как и для любой диспозиции - ее непроявленность не означает ее отсутствия. А кроме того, все самооценки, эмоциональная жизнь от переживания счастья до мелких радостей, - определяются именно на этой, иногда неосознаваемой шкале.

Призвание

Самооценки могут быть представлены в виде шкалы успеха, интервалами на которой будут формы успеха как меры зрелости личности: успех-признание у значимых других (близких, друзей, любимых, учителей и т.д.), успех-преодоление, самопреодоление (само-совершенствование, мастерство), призвание. От признания к призванию нарастает автономность личности, ее свобода, а значит - ответственность.

Наиболее полное выражение самоопределения - осознание своего призвания, долга или, как говорил Р.Гвардини, - окликнутости Богом. Наиболее полное и... наименее однозначное для окружающих. Например, в менеджменте.

В случае с личностью, мотивируемой преимущественно стремлением к признанию, задача менеджера (воспитателя, родителя) заключается в своевременном признании достигнутых результатов. Это знают хорошие тренеры, режиссеры, родители, сознательно программируя пусть мини, но победы. Не менее важно знать, кто является авторитетом, и по возможности не препятствовать в соотношении с ними личности.

Что касается призванных, то внешние оценки их деятельности не имеют для них особого значения. Критерии и основания они находят в самих себе, постоянно поднимая планку оценок. Учить их, давать задание - заведомо лишено смысла.

Они делают не то, что кому-то надо, а то, что не могут не делать. Вспомним великих - М.Лютера ("На том стою и не могу иначе"), М.В.Ломоносова ("Нельзя Ломоносова отставить от Академии, можно Академию отставить от Ломоносова").

Для окружающих, близких такие люди чрезвычайно неудобны. Себя они не щадят, но и других не жалеют. Единственно конструктивная возможность – общность интересов. Если ее нет - в коллективе вызреет колоссальной силы конфликтный потенциал, а скорее - реальный раздрай. Но если она есть, фирма получит мощный потенциал развития.

Практически все достижения научно-технического прогресса, художественное творчество, социально-культурное развитие - плод духовных, интеллектуальных и физических усилий таких людей.

Самозванство

Но тогда чем отличается призванный от самозванца, делающего других счастливыми помимо, а то и вопреки их воле (в духе Бармалея из кинофильма "Айболит-66" - "Я вас всех сделаю счастливыми! А кто не захочет - в бараний рог сверну, в порошок сотру и брошу акулам!")?

Самозванство удивительно не конструктивно – ведь это явная, по отношению к другим, форма произвола, который обычно кончается насилием. Кто-то за людей решает, как им жить. На какое-то время это может оказаться даже комфортным, но рано или поздно вы-

зовет яростное сопротивление. Люди могут простить многое, кроме одного - когда они понимают, что их используют как средство в достижении чьих-то целей, к которым они не имеют никакого отношения.

Любопытна и поучительна фигура самого самозванца - как исторического, так и обыденного, бытового. Это неменяемая личность во всех русских смыслах слова «неменяемость» прежде всего потому, что ее нет как личности - свободной и ответственной - нет. Самозванец выступает всегда "от имени": рода, династии, класса, партии, идеи, всех рабочих, всех русских, профкома, парткома... Как у А.Галича - "Я как мать говорю и как женщина!" - и не важно, что это произносит мужчина.

Самозванное я-от-имени по сути дела есть бегство от свободы и ответственности и тем самым очень простое и эффективное оправдание любого волюнтаризма и произвола. Как я могу отвечать за насилие и произвол, если я делал это от имени своих жертв? Таково самозванство в политике, таково и в жизни.

Особо распространено оно в социальной среде обездоленных, не свободных. Обездоленные буквально лишены доли, не хозяева своей жизни и, значит, - безответственны, неменяемы. Их мотивации лишены конструктивной конкретности, поскольку интересы сведены к экзистенциально-метафизическому "хочу" или "не хочу". Недаром именно эти люди оказываются социальной базой тоталитарной идеологии и практики. И вменить им, действительно, нечего кроме факта их бытия.

Но отличается ли чем-то творческая личность от самозванца? Или политик? Революционер в науке? Святой? А, может быть, самозванство неизбежно присуще человеческому бытию? Не являемся ли мы все в жизни самозванцами, призванные - в особенности?

Добро и зло

Там, где проходит граница призвания и самозванство, фактически проходит граница добра и зла. Не самозванство ли - затевать такой разговор? И тем не менее...

Роман В.Дудинцева "Белые одежды", похоже, был написан ради критерия: если кто-то громко кричит о великом добре, которое он несет людям - подозревай зло, если кто-то тихим голосом извиняется за вынужденное неудобство, которое он причиняет другим - подозревай, как минимум, порядочного человека.

Но можно выразиться точнее. Безнравственна личность, руководствующаяся по отношению к обществу представлениями о собственном достоинстве, и безнравственно общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее долге. И наоборот. Нравственна личность, руководствующаяся по отношению к обществу представлениями о долге, и общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее свободе и достоинстве.

Долг - не извне вовнутрь, а изнутри вовне. Никто не вправе мне сказать, что я должен. Долг - это дело моего выбора. Но общество может задать ограничения против самозванства, правила игры, которые я могу принять или не принять, но со всеми вытекающими для меня последствиями.

Такие ограничители хорошо известны. Цивилизация постепенно, веками, вырабатывает и формулирует их все более четко. Классический и всем известный пример - уголовное право. Ограничителем политического самозванства является демократия и особенно - правовое государство. Сфера ограничителей продолжает расширяться. Еще в прошлом столетии с пафосом декларировалась идея отсутствия запретных тем и проблем для научного познания. Однако в XX в. стала очевидной (по крайней мере, для осмысления) проблема запретов на некоторые темы. Ядерные технологии, биоинженерия - тому примеры. А проблема эвтаназии? Кто вправе принимать решение о прекращении лечения и мучений безнадежного больного? А проблема аборт, неожиданно получившая столь мощное этическое и политическое звучание на пороге XXI столетия!

Не случайно именно в XX в. возникла идея осуждения преступлений против человечества. Не случайны и разговоры о нравственности в политике, о социально-нравственном

маркетинге, о защите от излишне агрессивного (самозванного!) менеджмента. Возможно, что в перспективе нас ждет дальнейшее расширение таких ограничителей даже в сфере художественного творчества. Подобно тому, как в логике отрицание обладает большей силой, чем утверждение в этике отрицание, запрет культурологически более фундаментальны, конструктивны, чем позитивные характеристики.

Главное же - принятие этих ограничений - также дело свободного выбора самой личности. Путь цивилизации - путь самоограничения самозванства. Само по себе оно есть проявление воли как инстинкта свободы. А свобода, по сути дела, есть сознание воли, ее самоограничение и ответственность.

Свобода и воля

В ситуации свободы границы моей свободы совпадают с границами ответственности: я свободен там, где отвечаю за свои решения, но и отвечать я могу только за те решения, которые я принял свободно. Как стать свободней, расширить границы своей свободы? Только отнесясь к другому как к такому же свободному, как и я сам, соотнеся его интересы со своими и вступив с ним во взаимно свободные и ответственные отношения. Социальное пространство оказывается всюду плотно структурировано этими взаимноответственными отношениями, имеющими к тому же правовое оформление. Короче говоря, свободное общество потому и богатеет, что является обществом взаимного удовлетворения взаимного спроса. И тогда становится очевидным, что демократия есть результат, итог, упаковка всюду плотных рыночных отношений, поскольку имеется реальная почва, из которой она и вырастает как адекватная им политическая форма.

В ситуации воли интересы других людей меня не волнуют. У меня идея великая, которая спишет все мои возможные грехи. "Не согрешишь - не покаешься, не покаешься - не спасешься", - говорил один из российских самозванцев. Социальное пространство не структурировано, оно пусто как барабан. В нем носятся самозванцы со своими великими идеями, налетают друг на друга, отскакивают. Треску, грохоту много, толку никакого до тех пор, пока не появится суперсамозванец, который всех их встряхнет, зажмет в железный кулак и выстроит по ранжиру. Понятно, что попытки "ввести" демократию в ситуации воли деструктивны и разваливают общество.

Перспективы

На пороге нового столетия Россия несколько неожиданно оказалась заповедником менеджмента, пытающегося утвердиться в ситуации воли. Неожиданно, наверное, только для тех, кто не придавал значения национальному опыту самозванства, тоталитарным выражением которого было советское общество, не задумывался над колоссальным деструктивным потенциалом этого феномена, принимал суперсамозванство за мораль.

Оснований для безысходного пессимизма предостаточно. Но и надежд не мало. Метафизических - на время и на пространство. На время, потому что сам опыт предпринимательства, свободного (а значит неизбежно ответственного) менеджмента и жизни в целом, накапливает критическую массу свободы. На пространство, так как мир стал очень мал, тесен и самозванцы очень быстро начинают чувствовать прессинг ограничителей.

Это не романтизм автора и не максимализм в духе "иного не дано". Становится очевидным, что современный менеджмент, современный образ жизни делают человека все более свободным, то есть вменяемым и ответственным. Незнание закона от закона не освобождает. Успех строится и переживается на фоне и на основе самоопределения, самоограничения разумом энергетики самозванства.

М. Масарский

От ранжированной государственной - к гражданской корпоративности

По традиции в российском обществе корпоративность - почти полностью отсутствует. Основания, на которых создавались европейское и производное от него американское государство, и основания, на которых построено российское государство, не совпадают. Корпоративное начало лежит в основе и европейского общества, и американского. Оно отсутствует в России. И это не случайно.

Стартовые позиции и Востока, и Запада, в общем, одни и те же. Я имею в виду Восточную Европу и российское пространство: княжества, зависимое, несамостоятельное положение подданных, захватное право, дружины. И, казалось, ничто не предвещало особый путь России, не предвещало до татаро-монгольского нашествия, до торжества евразийской модели взаимоотношений общества и государства.

Чугунной плитой легло Государство российское на общество, прижало, перемололо, атомизировало, деструктурировало. Ведь для того, чтоб людей выстроить в боевые колонны, надо предварительно разорвать их естественные связи. Чтобы интегрировать граждан в легион, в фалангу, нужно к ним относиться как к количеству, а не качеству, как к средству, а не цели. Здесь кантовский принцип, согласно которому личность никогда не является средством, но всегда целью, не мог быть применен. Характерно, что нигилизм русских философов не формировал кантовский императив. У нас - соборность, коллективность. Принцип самоценности личности возник у нас довольно поздно, где-то в XIX веке. А европейская государственность и европейская социальность создавались на началах греко-римских основ, на развалинах римской цивилизации, где личность рассматривалась как самоцель. Хотя и там личность была производной от функции. Например, мы знаем как выглядел Пифагор только потому, что он дважды побеждал на Олимпийских играх. Первый раз победитель не мог рассчитывать на портретное сходство в своем изображении, только на имя, второй раз можно было рассчитывать на портретное сходство. В этом - некий смысл: право на самобытность даруется не само по себе, не от рождения, а за некие заслуги, социальную определенность, великий успех.

Какая же этическая стратегия возможна в наших сегодняшних условиях? В связи со становлением отечественного предпринимательства многие утверждают, причем не первый год, а с того момента, когда появились первые кооперативы, о том, что надо нам, российским предпринимателям, самим себя ограничить некими рамками жизнедеятельности. Ограничить самим себя - до тех пор, пока государство и общество не выработают эффективных внешних ограничителей. Говорят, что совесть - это голос общества, звучащий изнутри. Это как бы "тroyанский конь", посланный, чтобы изнутри нас поражать, поражать угрозами.

Однако этика только тогда эффективный инструмент во взаимоотношениях, когда сама инструментальна, то есть, когда эффективна, функциональна. Если бы человека постоянно наказывали за то, что он честен, верен данному слову, склонен к благотворительности, блокирует собственные хватательные рефлексy и за многое другое положительное с точки зрения отвлеченных представлений, то человек непременно бы деградировал. В лагерях выживали не самые честные, не самые совестливые, не самые жалостливые, а наоборот, жестокие, с примитивными рефлексами, с жесткими локтями, крепкими кулаками.

Следовательно, прежде чем провозглашать какие-то моральные принципы, выработать некий кодекс, создавать умозрительные эталоны корпоративной этики, надо посмот-

реть: а что в жизни? Надо проанализировать то, что сама жизнь предлагает. Поэтому обратимся к отечественным реалиям.

Предпринимательство в нашей стране появилось в экономике. Первых предпринимателей можно уподобить траве, которая способна взламывать асфальт. Они вынуждены были "крутиться". Девять из десяти отечественных предпринимателей скажут, что они вынуждены были идти на компромисс с властью имущими, с чиновниками, с банкирами (государственными) для получения кредитов, с разрешительными инстанциями, с обкомами, райкомами партии. И дело даже не в том, что приходилось взятки давать. Этой криминальной стороны я сейчас не касаюсь, хотя она деформирует личность, показывает, кто есть кто в этой стране: тот, кто дает взятку, подчеркивает свою вассальную зависимость.

Помню, у нас с Гайдаром, который был очень жестко настроен против Совета по предпринимательству при Президенте России, состоялся разговор накануне VI Съезда народных депутатов РСФСР. Чтобы несколько принизить нас (а там присутствовали крупные предприниматели - Виноградов, Кивелиди, Вольский, Затулин), Гайдар сказал: «Да вы не самые богатые люди». Мы парировали: «Самые богатые люди - те, у которых нет издержек производства, нет себестоимости продукции, потому что они продукцию за государственный счет производят (печать и подпись); это ваши подчиненные в соседних кабинетах». "А что, и вы даете взятки?" - и тут его взгляд упал на меня. Я ответил: "У меня такое положение, что пора самому брать взятки". Это шутка, конечно.

Но, тем не менее, все с этим вроде бы смирились. В нашем обществе есть три сословия: тягловое, служилое и кормленщики. Часто служилые - они же и кормленщики. Это из глубин веков идет: отношения между частным лицом и государством никогда не были равноправными. Человек, его имущество, его семья, его жизнь, его силы, его время принадлежали от начала до конца государству. Государство объединяло людей в какие-то корпорации. Например, корпорация гостей. Вот Иван Грозный назначил каких-то удачливых купцов гостями. Это была особая категория очень богатых людей, которым государь доверял ведение своих коммерческих операций. Причем они должны были своим личным имуществом отвечать за успех или неуспех коммерческих операций. Кстати, у государя были завышенные притязания относительно рентабельности, доходности дела. И характерно, что ни один из "гостей" при Иване Грозном не сохранил такого статуса надолго. Уже через двадцать лет это была просто повинность.

Отечественные "корпорации" (я беру это слово к кавычки) были организациями, созданными не снизу, а сверху, для исполнения неких повинностей. Это могла быть сотня: суконная, черная, это могла быть корпорация гостей. Даже когда Петр создавал гильдии, купец на самом деле покупал "бляху" у государства. А ведь в мире нет купеческих гильдий, никому в голову не приходило - делить купцов по этому признаку. Что такое купец первой гильдии? Он должен был определенную сумму - 100 тыс. руб. - депонировать. Это - залог, залог состоятельности, как бы объем резервирования. Первая гильдия - как банк первой категории. То же касалось купцов второй и третьей гильдии (50 тыс. и 25 тыс. руб.) В сущности, купец имуществом отвечал за успех или неуспех своих операций.

Создавая корпорации подобным способом, Екатерина II стремилась продолжить дело Петра с таким же мизерным результатом. Открывая городские магистраты, власти пытались имитировать гражданское общество. Но гражданское общество создать сверху невозможно. Это все равно, что вытягивать дерево за верхушку, имитируя рост, не удобряя почву, не поливая ее, не производя селекцию семенного материала, не ограждая от вредителей и других неблагоприятных факторов.

Этим отличалась и последующая наша государственная власть, большевистская, когда людей могли назначить передовиком, интеллигентом, ученым, героем. Такой ранжированности - когда, скажем, артисту присваивалось звание сначала заслуженного артиста Кабардино-Балкарии, затем - народного артиста Кабардино-Балкарии, затем - заслуженного артиста РСФСР и, как вершина, - народного артиста СССР - не встретишь в западном обществе. Вы спросите: а как же Лоуренс Оливье получил звание лорда - пожизненный ти-

тул - за свою сценическую деятельность? Да, но он получил это звание за заслуги перед государством, перед обществом как награду, а не ранг, которым обозначили его тарификационную сетку, зарплату, уровень благ (квартиру, наличие телефона, служебный автомобиль и т.д.).

Табель о рангах, введенная Петром, по сути оформила то, что было прежде: московское боярство, дворянство, придворные чины. Кстати, сейчас тоже введены классы государственных служащих. Мужчина - муж с чином. Кажется, в "Женитьбе Бальзамина", есть такая характеристика. Вообще в России даже вопрос о том, что человек значит сам по себе, у многих и не возникал. У Достоевского есть герой, который восклицает: "Если бога нет, то какой же я генерал?". То есть, Бог для него - высшая инстанция, вроде Генерального штаба, которая обеспечивает и ранжированность: если рухнет эта табель о рангах, то нет у него ощущения устойчивости, идентичности.

Такая "самоидентификация", по-моему, напоминает детскую сказку Маршака. Если с меня снимется квалификация, данная иерархией, то я сразу теряю себя. Вспомним фильм "Каин XVIII". Академик отказывается служить государству. Агрессивное государство представляет Каин XVIII: "Раз ты не будешь служить - ты уже не академик, ты и не профессор. Стража, арестуйте этого студента!". Звучит смешно, но именно так и было. Собираются академики, чтобы совершить беспрецедентное дело: лишить звания академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Впрочем прецедент был - лишали научных титулов Альберта Эйнштейна.

Естественно, защита личности - в корпорация. Такая, например, могучая корпорация, как город, защищалась особым статусом, особым правом - существовало "городское право", или "Магденбургское право". В феодальном замке тоже были корпоративная честь, особые отношения между вассалами и сюзереном, свои принципы ("вассал моего вассала не мой вассал"), нельзя было нарушать слово и т.п.

И хотя с точки зрения современной этики или кантовского категорического императива эти принципы не выдерживают критики, даже с точки зрения десяти заповедей не выдерживают, это была этика, добровольная, кодифицированная, общепринятая, признаваемая. А церковная иерархия? Это тоже корпорация. Крестьянские организации существовали во многих странах, а некоторые даже превратились в мафиозные организации. Например, итальянская мафия возникла из крестьянской корпорации. Всюду корпорации имели оборонительный характер. Против кого? Против враждебного внешнего мира. Город - против феодальных притязаний. Если год плюс один день живет человек в городе, то городской воздух делает его свободным.

А у нас городов не было. Существовали укрепленные пункты, но отставало корпоративное городское начало. У нас были "бурги" без "буржуа". Как организовывался город в Западной Европе? Он всегда противостоял некоему замку. Феодальный замок никогда не строился внутри города, он всегда стоял вне города. А у нас? Замок прямо в центре. Это кремль, детинец. Города в Европе окружались стенами. А у нас пригороды, посады вне укреплений. Жители сбегались под защиту кремля или собора в случае военных событий. В Западной Европе сам по себе город - со стражей, с милицией, ополчением - мог быть вполне реальной военной силой и привести к власти короля, как в Кастилии, Арагоне. Когда испанские короли боролись с грандами, они опирались на городское ополчение. Мы знаем, что когда французскому абсолютизму понадобилось сломать шею феодалам, король обратился за помощью к горожанам.

В Англии исторически сформировался компромисс в структуре верхней и нижней палаты: палата общин и палата лордов, то есть, маленьких королей. Это был компромисс феодалов и представителей гражданского общества. Английская палата общин не состояла из народных депутатов - парламентарии представляли не "народ", а общину.

Конечно, при желании в истории России можно отыскать множество суррогатов гражданственности. Та же крестьянская община - "мир". Но ведь на самом деле она была создана государством, в частности Иваном Грозным, для исправного внесения податей.

Для фискальных целей создавалась крестьянская община - разверстывались подати, повинности, существовала коллективная, то есть упрощенная, ответственность. И никакой самоорганизации там не предполагалось. Так называемые гражданские структуры ... назначались. После земских реформ Александра II в России появились первые корпорации. Земство - это уже настоящая корпорация, дистанцированное от государства объединение людей. Со своим имуществом, со своей правовой и законодательной базой, с инфраструктурой: дороги, больницы, школы, дома призрения. С определенными правилами взаимоотношения с государством. Попытки организовать были и у дворян: дворянские собрания, например, это тоже корпорация. Причем интересно, что к ним враждебно относились петербургские, а еще раньше - московские бюрократы. Шла борьба между бюрократией, приказом - и земством.

Когда государство ослабевало, - вспомним Смутное время, - земство решительно поднимало голову. Ополчение Минина и Пожарского, как известно, освободило Москву. Казалось, Россия пойдет по пути земского развития, по пути Западной Европы. Нет, слишком слабое было земство. И прежде всего потому, что не располагало вооруженными силами. Земское ополчение мобилизовывало казаков, дворян, то есть людей служивых. Земские начала растворились в тягловом сословии. Вернулся в безвестность Минин. А Пожарский остался таки в военном истеблишменте.

Эти отношения негражданского общества, общества негражденного, общества, где не было настоящей буржуазии и настоящей корпорации, и достались нам в наследие.

И вот - перестройка. Уже в 1987 году появились попытки организовать здоровые, экономически активные силы нации в нечто, хотя и подотчетное государству, но не абсолютно контролируемое. Конечно, островки экономической самостоятельности появились уже после войны - артели, например. Но это были именно островки, нечто вроде Запорожской сечи внутри враждебного моря. Да, это было своего рода казачество тогдашней экономики. А казачество, как известно, структурируется боевым образом.

Артельная бессемейность, удаленность, маргинальность выражали оборонное сознание. Распространить старательскую этику трудовых отношений нам не удавалось даже в отношении соседней экспедиции. Жившие рядом госработники смотрели на нас как на "чокнутых", добровольных заключенных, трудоголиков, поскольку получали почти столько же, сколько и мы, но работали раз в пять меньше. У них была система отношений с государством была совершенно другая. Они были государевыми людьми. А мы не были государевыми людьми.

Существует интересная концепция, по которой русские - это государственные люди, а славяне - люди негосударственные. Чем больше русских, тем сильнее государство. И в самом деле, русские первоначально были варягами, а русские князья долго носили варяжские имена. Князья инкорпорировали в военную категорию "русских" славян и угрофиннов, сделав их государевыми людьми.

Кстати, слово "государство" происходит от слова "государь". Это термин частноправовой, первоначально означал собственника рабов и вещей. А английское "state" происходит от совершенно другого слова, обозначающего "состояние". Это термин публичноправовой. Или, например, "доминиум империум": "империум" - отношение публичной власти, а "доминиум" - это личная собственность. А у нас все, что присоединялось к государству, записывалось за государем: люди, вещи, ресурсы, все, что летает, ползает. И до сих пор сохраняется такое "территориальное" отношение к человеку - раз ты здесь прописан и приписан, не имеешь права на отъезд и переход к другому хозяину.

Крепостное право вначале обрушилось вовсе не на крестьян, а на бояр: им был запрещен отъезд. Отъезд - уже измена. Собственническим стало отношение к человеку, прикрепленному к земле. Он не связан с государем личными отношениями, клятвой. Раз судьба ему предназначила родиться на русской земле, то он принадлежит государю. Государство с подданным договоров не заключает. Это потом в России возникла идея общественного договора, конституционности, но это уже был конец XIX - начало XX века. А на Западе част-

но-правовые, гражданские отношения уходят в седую древность. Вообще, у нас частного права 75 лет не было. Вот только сейчас появилась общая часть Гражданского кодекса, согласно которой отношения с государством можно строить на началах не подданства, а договорности. Конечно, кодекс возник не вдруг, это результат непреодолимой тенденции.

Во второй половине 80-х годов было установлено: договор с государством может заключать группа людей (артель, кооператив, некое сообщество), которое признается коллективным юридическим лицом, то есть корпорацией, на определенных условиях и с взаимными обязательствами сторон. Это не договор индивидуального трудового найма и не коллективный договор (когда от имени наемных работников выступает профсоюз), а именно договор государства с некой общностью людей, договор с определенными преференциями для нее.

В сущности, это была смерть системы тоталитарной, этатистской: властвует договор, а не подданство... Кажется, у Герцена есть рассуждение о слове "русские": в нем есть некая "пленность". Мы не говорим "французские", говорим "французы", ибо там человек сам по себе, а не приданный к Франции. А русские, размышляет Герцен, как бы захвачены русским государством, приписаны к нему. Это, конечно, спорное утверждение, во всяком случае, схвачено главное: у нас власть ни с кем не договаривается. "Жаловать своих холопов мы вольны, а и казнить - вольны," - пишет Иван Грозный Андрею Курбскому, идеологу разгромленного боярства, которое требовало права на отъезд.

Мы помним попытки создания такой корпорации: Новгород Великий заключал "уряд" с князем на определенных условиях. Это не значит, что одно государство заключало с другим межгосударственный договор. Великий Новгород, будучи гражданским обществом, заключал договор с государством. Как внешнюю силу воспринимали горожане нанятую дружину. Город принимал дружины варяжские, потом московские, либо какие-то другие по найму. Обществом нанималось государство. Договор предполагает равноценность контрагентов. Если они контрагенты, следовательно, у них есть некая общая правовая основа.

Из древности перенесемся в 80-е годы. Кооператив - это следующий шаг после артели, ибо мы обрели права юридического лица. Кстати, во времена Римской империи долго не существовало понятия «юридическое лицо». Было лицо физическое, смертное. Для римлян весьма важным было достойное погребение. Создавались даже общества, которые брали деньги взаймы и хоронили. Предполагалось, что похоронные общества отдадут долги - не все же вдруг сразу помрут. Но если мор, и почти все члены общества умерли? На оставшихся в живых нажились кредиторы. "Но мы не можем платить за мертвых, - отвечали должники". И тогда римский Сенат специальным актом постановил: платить должно юридическое лицо, так как оно бессмертно".

Артель, где я работал вместе с В.И. Тумановым, не была настоящим юридическим лицом. Например, у нее отсутствовал самостоятельный баланс, обособленный счет. Счет был платежный, а не расчетный. На этот счет деньги не могли поступить иначе, как через ПО "Уралзолото". Госпредприятие играло роль сита. Оно "просеивало" и ... крутило, обычно в течение года, наши оборотные средства. А как только исчезал предмет договора с ПО, мы исчезали как юридическое лицо. Мы были неполноценными юридическими лицами, поэтому артель "Печора" 1 июня 1987 года ликвидировали очень просто: не продлили с ней договор. Раз нет договора с госпредприятием, вы не имеете права существовать. Здесь фиксировалось отсутствие гражданской самооценности: мы не могли заниматься другим видом деятельности кроме строго определенной. Но трудовая мобилизованность, профессиональная ангажированность заложены даже в этой квазикорпорации. Хотя, строго говоря, артель и не было корпорацией. Ее не сравнить с ремесленными цехами в Западной Европе. Поэтому кооперативы были шагом вперед.

Закон о кооперации - это, пожалуй, единственное, помимо гласности, завоевание перестройки. То был поистине первый рыночный прорыв. Закон пробивали партийно-государственные прагматики для того, чтобы решать свои текущие задачи капитального

строительства, в частности, дорожного. Государство уже не справлялось со многими функциями непосредственного хозяйствования.

Закон установил, что кооператив является юридическим лицом наравне с любым другим. Он несет ответственность за свои долги. За них не несет ответственность государство. Такое признание юридического лица давало основания новым кооперативам объединяться в некие корпорации. И, как грибы после дождя, стали появляться разные союзы. Первым был Союз строительно-промышленных кооперативов (я принимал участие в его создании и был его вице-президентом). Затем был создан Союз объединенных кооперативов (академик В.А.Тихонов стал его президентом). Стали появляться другие ассоциации, в том числе Ассоциация молодых руководителей. Каждый раз находились какие-то типологические основания, которые позволяли выделиться из остального общества.

Такие псевдокорпорации, как, например, Потребительская кооперация, существовали и раньше, но на самом деле это были не кооперативы: индивидуальные взносы можно было конфисковать, собрание потребительской кооперации ничего не решало, руководящие органы назначались. Союз писателей, Союз художников и прочие творческие союзы тоже не были корпорациями. Государство рассматривало их в качестве приводных ремней ЦК КПСС. Сходную функцию выполняли и профсоюзы.

Первыми настоящими корпорациями были Союзы кооперативов. С самого начала они отказались от всякого бюджетного финансирования, от утверждения своих руководителей "сверху", от того, чтоб быть "при ком-то". Несколько лет успешно работает Совет по внешней и оборонной политике. Его Членов Совета часто спрашивают: а при ком вы? Отвечают: мы сами по себе. "Державники недоумевают: "Как же так? Совет по внешней и оборонной политике?! Вы берете на себя дерзость рассуждать о внешней и оборонной политике государства?!" В России есть экспертно-аналитический совет при Президенте РФ, Совет промышленников и предпринимателей при правительстве. А вот в Японии такой Совет работает не при правительстве. Предприниматели создали конфедерацию предпринимательских союзов. "При-комность" - особенность нашей российской истории. Но этот промежуточный этап, конечно, минует.

Существуют корпорации с минимальной госрегламентацией. Например, профсоюзы не нуждаются в государственной регистрации, они создаются явочным порядком. И чем больше явочных порядков, тем больше гражданского в обществе. Государство оставляет за собой право регистрировать общественные организации, партии, потому что они претендуют на публичную власть. Но в принципе можно создать движение предпринимателей, избирателей, кого угодно (любителей орехов, например) уведомительным порядком.

Только в противостоянии с государством накачивает мышцы гражданское общество, только при несовпадении интересов различных групп последние оформляются, отличаются друг от друга, вступая в состязание между собой - например, по поводу дележа общего пирога. У нас есть корпорации, объединяющие людей по принципу наемного труда. В 1989 году в США мне задали странный вопрос: "Вы член профсоюза?", - и я до сих пор помню абсурдность моего ответа: "Конечно." "Вы же предприниматель! Как же Вы можете быть членом профсоюза?! Профсоюз объединяет людей наемного труда!". Ведь я как предприниматель решаю другие корпоративные задачи: я должен беспокоиться прежде всего об экономической эффективности, инвестициях, интересах предприятия, а не коллектива. А профсоюз - об интересах коллектива.

В ходе ваучерной приватизации развернулась жесточайшая борьба между предприятиями как юридическими лицами и коллективами, которые не стали корпорациями, а являются арифметической суммой лиц физических, но хотели бы себе придать статус лиц юридических (без ответственности юридического лица). Например, быть собственником прибыли, но не балансодержателем, не платить налоги, но делить прибыль, не отвечать по кредитам, но пользоваться взятыми суммами. Уже в кооперативах был заложен этот конфликт, они были обречены, потому что обнаружилась дихотомия целей: предприятие заинтересовано в том, чтобы как можно меньше платить зарплаты, не проедать прибыль, реин-

вестировать ее. А развит ли менталитет долгосрочных инвестиций у коллектива? Не развит, по определению. Для наемных работников корпоративная прибыль - пустой звук. И на Западе то же самое.

Живой труд и труд овеществленный всегда в некоем конфликте, и я как менеджер должен быть на стороне второго. Я ведь директор не коллектива, а завода, и поэтому я вынужден держать на плаву предприятие, в частности, путем увольнения части коллектива. Такое несовпадение интересов - не антагонистическое противоречие. Здесь возможно социальное партнерство, но надо прежде размежеваться и осознать принадлежность к разным корпорациям. Трехсторонняя комиссия - это уже признание корпоративности, сделанное на самом верху.

Когда мы сегодня заводим разговор о корпоративном кодексе, о корпоративной этике предпринимательства, то, естественно, вынуждены применять те нормы, которые сформировались совершенно в другой профессиональной и социальной среде, в религиозной, в частности. Довольно странными кажутся рассуждения о том, что нам нужно обратиться к опыту протестантов. Я сам не раз об этом говорил, об этике протестантизма, о Вебере, о наших старообрядцах, которые не пили, не курили, экономили на личном потреблении и сколотили приличные состояния.

На самом деле так обнаруживаются не корпоративные, а общечеловеческие ценности. Верность своему слову - это что: купцу нельзя обманывать, а писателю, например, можно? Поэтому, если мы говорим о каких-то специальных, корпоративных нормах предпринимательства, надо отсеять общечеловеческие требования, касающиеся любого человека и не отменяемые для предпринимателя. Далее, нужно отсеять то, что пришло к нам из другой корпорации. Например, входит ли в этику предпринимателя обязанность обеспечить социально приемлемые условия для лиц наемного труда?

Корпоративная этика предпринимательства регулирует договорные отношения. Государство призвано следить за этими условиями, а у предпринимателя должен быть другой принцип: он лишь обязан свято выполнить договор. Договор, где он поставил свою подпись как распорядитель кредита, где поставил свою печать. А вот сохранять коллектив - это, в общем-то, не его этическая обязанность. Этическая - быть честным, не врать, фальшивые кредитовые авизо не организовывать. Но обеспечивать работнику квартиру или высокую зарплату, если это не включено в договор, он не обязан. Обязанность быть честным в сделках - этическое требование. В чем его отличие от юридического? У юридического есть механизм принуждения, у этического принципа нет механизма принуждения, кроме совести и общественного порицания.

Нарушение этического правила, этической нормы влечет не юридическую санкцию, не государственную репрессию, а моральную. И у такой санкции тоже может быть вполне материальный эквивалент - действия членов этой же корпорации.

Приведу пример: недавно у меня были представители достаточно мощной корпорации "Бриллиантового клуба" из Нью-Йорка. Она расположена в разных городах: в Тель-Авиве, Лондоне, во многих столицах, кроме Москвы. И вот они решили создать здесь корпорацию покупателей и продавцов бриллиантов. У них есть правило: если предприниматель произносит на иврите некую фразу в присутствии двух человек, то он обязан эту сделку осуществлять на тех условиях, которые были оговорены. И это не закрепляется никакими документами. Если он однажды нарушит обязательство - все! Его просто из этого клуба изгоняют. Судиться он не может - они не юридическое лицо, у них нет баланса и расчетного счета.

Или есть Клуб молодых президентов. (Они, кстати, резервируют пять мест для наших российских предпринимателей.) Это президенты, у которых личное состояние не менее 1 млн. долларов, они стали президентами до 35 лет и сейчас им не более 40. В этом клубе тоже есть свой кодекс.

В природе человеческой - создавать некие внутренние правила, которые являются обязательными только для конкретного сообщества. Его члены накладывают на себя допол-

нительные ограничения, и это их выделяет. На Западе подобные союзы, клубы, корпорации встречается сплошь и рядом, на каждом шагу.

Источником развития системы является внутреннее разнообразие. Разнообразие - это дифференциация системных элементов. Дифференциация по образованию, имуществу, интересам, возрастная, половая, какая угодно. И любое усложнение системы - источник ее саморазвития. Правда, когда внешний дискомфорт переходит определенную границу, система упрощается и, воспроизведя себя, отменяет некие системные задачи. Вообще любой системой можно управлять двумя основными способами: параметрическим и волевым (энергетическим, командным). До сих пор наше общество было системой непараметрической, системой, где государство как внешняя для общества сила (а если оно тоталитарное, то включает в себя общество как подсистему) все определяет.

Недавно у нашего государства возникла нужда собрать представителей разных корпораций. Собрались они и подписали Договор об общественном согласии. Предполагалось, что его подпишут руководители и представители корпораций. Причем корпорациями называли: конфессии, профсоюзы, партии, областные и республиканские администрации, общественные, предпринимательские, творческие союзы, казачество - всех, кто так или иначе объединились. По любому признаку, лишь бы это не была государственная структура. Потом нарушили чистоту замысла и стали подписывать представители государства: спикеры верхней палаты, нижней палаты, прокуратура... Но внутри государства корпорации быть не может. Государство не должно строиться по корпоративному началу, потому что принцип права - это равенство всех перед законом, а принцип государственного аппарата - это единобразие. И весь аппарат подчиняется единому требованию: они все чиновники, для всех один регламент и публичное право одинаковое для всех. Тем не менее под договором стоит подпись президента, премьер-министра, муфтия, патриарха и так далее. Для начала и это неплохо.

Корпоративность - явление противоречивое. И в социальном, и в моральном отношении. Корпоративность предпринимателей не исключение. У нас много корпораций внутри нарождающегося класса предпринимателей, буржуазии, среднего класса. Например, есть корпоративные интересы компрадорской буржуазии, частично сырьевой, экспортно-ориентированной. Они не совпадают с классовыми стратегическими интересами российской буржуазии, с общегосударственными и вообще национальными. Эти интересы ориентированы на то, чтобы уронить национальную валюту, потому что за дешевеющие рубли выгодно покупать сырье, а за дорожающий доллар выгодно продавать.

Предпринимательское сословие внутренне многокорпоративно, но монолитно перед лицом внешней опасности. И оно заинтересована в государственности. В России государственность является общецивилизационной ценностью. Мы - моллюск со скелетом наружу. Без панциря организм погибнет. Нам нужно время для наращивания собственного скелета, и пока мы нуждаемся в авторитарном панцире, так как значительная часть общества к нам, предпринимателям, враждебна и без этого панциря быстро нас уничтожит.

В то же время речь идет о нашей заинтересованности не в государстве-угнетателе, а в государстве-арбитре, государстве-защитнике общества ... от самого себя. Нельзя оставить собственников наедине с люмпенизированным обществом.

Перспективы становления корпоративной этики предпринимательства закладываются сегодня. Верность слову, договорным отношениям, честная финансовая история... Эти нормы уже подкрепляются профессионально-нравственным контролем Торгово-промышленной палаты, неписанной конвенцией в Расчетной палате. Как раньше в высшем свете не принимал дам полусвета, так и те, кто "влип в историю" (в финансовую) отлучаются от "своего круга". Гласность - не террор, а средство такого подхода. Надо, чтобы честное поведение стало выгодно.

В обществе, где человек не принадлежит ни к какой корпорации, развивается беспредел. Сегодня - кризис корпоративности. Нам еще далеко до перехода от клановости к корпоративности. В клане доминирует не общность интересов, а иерархическая соподчинен-

ность. Клановая дисциплина исключает добровольность договорных отношений, реальную лишь при равенстве контрагентов. В клане не договариваются, а присягают. Ориентир нашего развития - от ранжированной государственной, минуя клановую, к гражданской корпоративности.

Н.В. Колотова

Морально-правовое регулирование корпоративности

Корпоративное нормотворчество может быть предметом совместного - взаимодополняющего - морально-правового регулирования. Это абстрактно-теоретическое суждение имеет совершенно конкретный практический смысл: подобная "совместность" влияет на эффективность нормативного регулирования вообще, от чего, в свою очередь, зависит успех корпоративного сотрудничества. Кроме того, сочетание правового и морального методов нормативного творчества, на наш взгляд, наилучшим образом отвечает духу самого общества.

Почему же для достижения корпоративных целей недостаточно только правового или только морального регулирования? Ответ на этот вопрос содержится в природе корпоративного "гражданства", основывающегося на сбалансированности индивидуального и корпоративного, внутреннего и внешнего - и как следствие, - морального и правового. Еще Гегель определял корпорацию как сообщество, в котором общие и особенные цели и потребности совпадают, как вторую семью гражданского общества.

Моральная природа языка такого определения очевидна. Дальше рассуждения Гегеля о корпорации как нравственном корне государства (а в гегелевской философии права государство - ценность более высокого ранга, нежели гражданское общество) дополняются чисто правовым аргументом: только в корпорации имеет место предварительное признание личных и имущественных прав ее членов. Уже поэтому деятельность правомочных корпоративных сообществ (корпорация, замечает Гегель, существует только как правомочное сообщество) выходит за рамки индивидуального своекорыстного промысла и может позволить включенным в ее круг не гнаться лишь за внешними доказательствами своего успеха.

Понятно, что для объяснения тезиса о взаимодополняющем морально-правовом регулировании в современной корпорации одними аргументами из классической философии не обойтись. Но они в определенной мере задают "отправную" точку для дальнейших рассуждений.

Терминологической ясности понятия "корпорация" уже были посвящены некоторые статьи предыдущих номеров "Вестника". В них корпорации рассматривались и как профессиональные сообщества, и как относительно замкнутые ассоциации, которые на определенных условиях выражают и защищают интересы ее членов, и как единые организационные комплексы, нацеленные на выполнение общих хозяйственных задач. Подчеркивался и своеобразный дуализм корпоративной природы: это общественная организация, образованная на добровольных началах и оформленная в отношении власти-подчинения. Понятно, что такое сочетание характеристик общественного союза и властной организации будет различным в любом из названных типов корпорации: в организациях, нацеленных на хозяйственную или политическую деятельность превалирует административно-властный тип взаимоотношений, отходящий на второй план в ассоциативных гражданских корпорациях. В своем анализе мы будем ориентироваться на некий "средний тип", в котором названные характеристики сочетаются, не перевешивая одна другую.

Очевидно, функция нормотворчества присуща любым типам корпораций и может рассматриваться в качестве сущностного признака корпоративной деятельности. Более того, корпоративная структура существует, поскольку существуют и эффективно действуют "правила честной игры", установленные или принятые для себя самой корпорацией. Нормы корпоративной организации, с одной стороны, "вырастают" из смысла сотрудничества, партнерства, общей достижительной ориентации, духа свободного объединения людей – то

есть имеют конвенциональный характер. С другой стороны, на них накладывається властная реальность иерархической структуры корпорации, придающая таким нормам авторитет признанной силы. В конечном итоге, эффективность норм зависит от пропорциональности сочетания первого и второго компонентов.

Термином "корпоративное нормотворчество" определяется важная функция корпорации по упорядочиванию и стабилизации своей деятельности. Стадия нормотворчества предшествует дальнейшему процессу нормативного регулирования. В юридической науке такое нормотворчество называется локальным, чем подчеркивается его значимость в рамках локальной организационной единицы. Поэтому нормотворчество в корпорации – это установление и фиксация норм корпоративного мира, "правил честной игры" для его участников. О природе этих норм и правил и пойдет далее речь.

Анализ природы корпоративных норм имеет важное практическое значение. Например, признание их правового характера влечет за собой признание общеобязательности таких норм и возможность их принудительного исполнения, осуществляемого при помощи государственных органов. Скажем, несоблюдение положений устава является основанием для возникновения судебного спора. Признание моральной природы норм свидетельствует хотя бы о том, что наказание за их нарушение может последовать только со стороны корпоративного сообщества и только само сообщество ситуативно решает вопрос о вероятности, степени и характере воздействия.

Дальнейший анализ аргументов "за" и "против" суждения о взаимодополнительной морально-правовой природе нормативного регулирования корпоративной деятельности невозможен без предварительного теоретического определения единства и различия морального и правового регулирования, возможностей их совместного применения. Эта задача связана с выявлением противоречивых проявлений взаимодействия моральной и правовой нормативных систем. Без характеристики общих и специфических черт морали и права трудно понять специфику их взаимодействия в корпоративном пространстве.

Известно, что феномены морали и права могут проявляться в различных формах: во-первых, как формальные нормативные системы, во-вторых, как системы теоретических и обыденных представлений и взглядов (общественного сознания), в-третьих, как системы субъект-субъектных общественных отношений. В связи с темой статьи нас интересует нормативный уровень взаимодействия морали и права. Однако абстрактная нормативная форма "вбирает" в себя многие (если не все) сущностные проявления морали и права в разных ипостасях.

Чтобы различить нормативные системы морали и права с точки зрения особенностей их регулятивного воздействия на поведение человека, предположим, что они могут быть различены по *целерациональной* ориентации нормативной системы права и *ценностно-рациональной* направленности нормативной морали. Описание особенностей целерационального и ценностно-рационального действия, как известно, принадлежит М. Веберу, который выделял их в качестве основных типов социального действия. В нашем случае это деление выполняет, скорее, методологическую (формально-логическую), нежели онтологическую роль и имеет отношение к "идеальным типам" права и морали.

Выделение целерациональной ориентированности права в качестве его "особой" характеристики означает, что норма формального права предписывает ту или иную модель поведения как целесообразное средство для достижения тех или иных результатов (проведения государственной политики, защиты нарушенного права, определения законных рамок для социальной деятельности и т.д.). Правовая норма, обычно, прямо не запрещает противоположный (противоправный) тип поведения, но недвусмысленно описывает его негативные последствия. В этом отношении право представляет собой атрибутивный элемент организованного социума, цель которого - внешнее поддержание "значимости порядка".

Ценностно-рациональная направленность моральной нормы проявляется в том, что ее целью является нравственное поведение человека, мотивы которого ценны и сами по себе, вне зависимости от результата. Этические нормативные представления не нуждаются во

властных институциональных гарантиях, их соблюдение гарантируется иным (общественным, конвенциональным) способом существования в социуме.

Еще раз отметим, что речь идет об идеальных нормативных типах морали и права, имеющих общее - рациональное - основание. Характеристика рациональности фиксирует свойственную системам морали и права мотивацию на соотнесенность собственных и чужих интересов - в отличие от следования привычкам, обычаям и традициям. Она может быть описана по критерию достижительной ориентации, успеха: всякое рациональное действие нацелено на успех (и именно поэтому оно рационально), но только целерациональному эта ориентация свойственна в чистом виде.

Из различия целе- и ценностно-рациональной природы нормативных систем морали и права вытекают и иные характерные особенности, проводимые, скажем, по факту институализации (система права, в отличие от морали, связывается с существованием обеспечивающих ее действие государственных институтов), по властности и жесткости санкций (довольно спорный аргумент, выдвигающий на первый план властно-принудительный характер правовых санкций), по процедурным особенностям восстановления нарушенных норм (когда качество правового определяется процессуальной возможностью своей защиты). Видимо, нас вполне удовлетворило бы описанное отличие права и морали, если бы их взаимодействие ограничивалось рамками нормативных систем.

Но взаимодействие морального и правового действия - многоаспектное явление. В тех случаях, когда мораль и право рассматриваются как сложившиеся системы общественных отношений или как сферы общественного сознания, различение их через признаки ценностно-рациональной и целерациональной ориентации уже недостаточно.

Моральное отношение, отличающееся от правового негарантированностью и неэквивалентностью предоставлений и получений, может быть и целерациональным. Тогда оно основывается на целерациональных мотивах подчинения моральной норме (в целях достижения эффективности, получения желаемого результата и т.п.), которые сами по себе не подрывают саму природу морального действия. Убедительные примеры такого рода дают политическая и предпринимательская этики.

Но и право, не теряя качества правового, может - наряду с моралью - выполнять ценностно-рациональную функцию. Это происходит, когда право выступает как теоретическое, а в иных случаях - и как обыденное правосознание. Правосознание в форме правовых идей, теорий, представлений и установок часто связывает отношение к праву с подчинением ему как своду заповедей или требований, как к долгу в нравственно-правовом значении. Право в этом смысле является самостоятельной ценностью человеческого бытия, естественно присущей человеческому сообществу, неотделимой от своей моральной подоплеки и выступает как ценностно-нормативная система.

Ценностно-нормативный, метафизический смысл права, в котором оно, по преимуществу, и существует в нашем правосознании, сближает его с моралью. Можно ли говорить на ценностном уровне взаимодействия о гармоничном сочетании морали и права?

В действительности мы видим, что взаимодействие морали и права как двух ценностно-рациональных систем сопровождается соприкосновением конкурирующих и даже сталкивающихся ценностей. Такое ценностное соприкосновение имеет место не только в случае противопоставления морали и неправового (по существу - преступного) закона, но и в случае коллизии правовой обязанности и нравственного долга - такой, например, как ситуации с воинской повинностью или с уплатой налогов.

Это значит, что в общей и нераздельной системе ценностей право и мораль имеют разные акценты. Скажем, с правом традиционно ассоциируются понятия равенства и справедливости, с моралью - добра и свободы. Даже на понятийном уровне их взаимодействие представляет собой проблему, но, тем не менее, именно в нем заключена суть вопроса о ценностной взаимодополнительности права и морали.

Обычно общность нормативных систем морали и права усматривают, во-первых, в частичном совпадении социального "поля" действия, во-вторых, в схожести их функцио-

нального назначения, составляющей "связный ряд форм общения", в-третьих, в похожих структурных элементах составляющих правовую и моральную систему, соответствующих друг другу (нормативные системы, системы общественных отношений и формы общественного сознания), в-четвертых, в структуре правовой и моральной нормы, которая состоит в единстве должного и сущего, ценностных и оценочных свойств, и, наконец, в существовании синкретических понятий, таких, как справедливость, свобода, ответственность, в которых выделение правового и морального компонента затруднено.

Длинный список этих "общностей" подразумевает возможность сопряжения морального и правового аспектов нормотворчества. Вопрос, который ставится дальше, - это вопрос о необходимости и возможности создания общих оснований, позволяющих совмещать в едином нормативном комплексе целерациональность "чисто" правового действия и ценностную рациональность морального должествования.

Постановка такого вопроса характеризует распространенную тенденцию, а именно поиск оснований пропорционального соотношения между разными частями общественно-го сознания. Синтез нравственного сознания с правовым (равно как и с религиозным, политическим, эстетическим) - не новый способ, с помощью которого решается проблема гармоничной совокупности всех духовных свойств и функций. Однако, сколь бы привлекательно не выглядела эта идея теоретически, при попытке своего осуществления она неизбежно сталкивается со стремлением каждой сферы к обособленности, автономности и даже самодостаточности. В этом смысле дифференциация разных систем социальных регуляторов является признаком их цивилизующей развитости, на почве которой только и возможна действительная взаимодополнительность.

Видимо, идея такого синтеза имеет свои границы и не может быть использована в качестве универсальной панацеи рационального мира. Но для отдельных областей, по своей природе сочетающих разные подходы к миру, она вполне заслуживает осмысления и применения. Именно поэтому мы и предлагаем обратиться к тезису о совокупном морально-правовом регулировании для изучения феномена корпоративности.

В качестве примера рассмотрим профессиональный корпоративный кодекс, к созданию которого по разным мотивам стремятся многие корпорации. С точки зрения принципов нормативного регулирования, он представляет собой нечто среднее между юридическими локальными правилами и нормативами (такими, как правила внутреннего трудового распорядка), с одной стороны, и набором этических должествований, заявленным от имени сообщества, - с другой. Нормы кодекса принципиально не могут быть построены по типу отдельных видов ценно-нормативного регулирования, и не могут быть "чисто" моральными, или "чисто" юридическими.

"Чисто" юридическими они не могут быть прежде всего потому, что нормы кодекса не обеспечиваются никакой иной властной силой, кроме силы авторитета сообщества, они формулируются как ценностные основания профессионального поведения; "чисто" моральными - поскольку нормы профессионального кодекса целерационально направлены на предотвращение конфликтов в профессиональной среде и дают возможность процедурного регулирования таких конфликтов в случаях их возникновения.

Нормы профессионального кодекса можно назвать синкретическими по своей природе, потому что они сочетают в себе самостоятельные черты морального и правового регулирования, и конвенциональными по способу их установления. Однако это не мононормы, сила авторитета которых как раз и заключена в нерасчлененности социального регулирования, и не маргинальные нормы, выпадающие из "чистого жанра". Нормы профессионального корпоративного сообщества - вид нормотворчества, сочетающий рационализацию традиций, обычаев и деловых обыкновений (правовой способ нормирования) с формулированием и конструированием должествований на основе солидарно понятых собственных профессиональных интересов (способ морального нормирования).

Источниками значимости таких норм являются два компонента: традиции и деловые обыкновения (в том числе, процедурного типа) и гарантирование и защита личного

интереса посредством гарантирования интереса чужого. Отсутствие одного из компонентов делает эти нормы менее устойчивыми и эффективными.

Очевидно, что и другие тексты корпорации тоже могут быть рассмотрены с точки зрения сочетания в них морального и правового способов нормативного регулирования. Очевидно также, что не в каждом из них можно найти подтверждение заявленному тезису о синкретичной природе корпоративных норм: иные будут являть собой типичный образец нормирования властно-распорядительной деятельности. Но если рассматривать корпоративное нормотворчество как выражение и развитие духа корпорации, действительно корпоративными нормами мы должны будем признать только те, в которых нашли выражение как моральный, так и правовой компоненты.

В.И. Шпильман ***Типология корпоративного духа***

Для достижения подавляющего большинства целей, а значит и успеха люди издавна объединяются в различные сообщества. Но одной осознанной необходимости объединения недостаточно. Чтобы сообщество было скреплено более прочно, нужен дух корпоративности. Важно отметить, что он не коррелирует с характером поставленной задачи. К примеру, в коллективе, посвятившем себя служению высокой цели, могут царить вражда и жестокость. Дух корпоративности не только сплачивает, иногда он способствует выталкиванию из команды тех, кто оказался неподходящим, не пришелся ко двору.

Что побуждает людей вступать в различные товарищества? Почему человеку плохо, когда он один, и комфортно, когда он чувствует себя частью сообщества? Ответов на эти вопросы может быть много, но тем не менее, некоторые основные формы, главные мотивы, механизмы, порождающие особый дух взаимодействия, взаимопонимания, остаются неизменными в течение веков, отражая важнейшие стороны человеческого бытия.

Среди наиболее часто встречающихся мотивов - получение известных экономических и прочих преимуществ; осуществление действий, требующих нескольких исполнителей, изучение нового, реализация творческого потенциала; объединение на основе определенных духовных или физических особенностей. Почти в каждой корпорации без труда обнаруживается доминантный мотив, предопределяющий ее лицо.

К корпорациям, в которых доминирует первый мотив, относятся религиозные объединения, обещающие члену общины преимущества загробной жизни; некоторые партии (особенно "господствующие"), обеспечивающие доступ к власти и лучшим условиям земного существования; мафиозные кланы, гарантирующие представителям преимущества в защите от закона; сельские общины, позволяющие включенному в них человеку надеяться на выживание в трудные годы и т.п.

Корпорации данного типа объединяют людей независимо от их способностей, навыков, умений. Главное - безоговорочная преданность некоторому набору декларированных принципов. Дух такого сообщества весьма примечателен: почитание вождей, пророков, «крестных отцов»; скрупулезное следование (хотя бы внешне) каждой букве ключевых постулатов, трудов и высказываний основоположников, категорическое табу на любую, даже малейшую, их трансформацию; упорная вера в то, что обещанные блага будут получены.

Технологию формирования таких сообществ прекрасно выразил В. Маяковский: "Если же в партию сгрудились малые...". Это действительно "малые", они действительно не договорились, не объединились, а "сгрудились". Нет никаких оснований оценивать корпорацию первого типа знаком "плюс" или знаком "минус", так же как и фундаментальные стремления человека лучше питаться или надеяться на бесконечность своего существования, пусть даже в бестелесной форме, либо "в памяти народа". Подобные религиозные, партийные, мафиозные группы не возникают в вакууме, именно окружающая их среда делит людей на "больших" и "малых", "чистых" и "нечистых". Когда новая корпорация объединяет тех, кто предыдущей системой был отнесен к "малым", среди них всегда оказывается

много талантов, героев, гениев, которые, не случись этого, были бы потеряны для человечества. Но со сменой поколений бывших "малых" остается все меньше, а новых "малых", отнесенных к "нечистым" по канонам уже новой корпорации, все больше. И тогда все сильнее проявляется дух корпорации этого типа, дух, который тормозит развитие индивидуальностей, отстраняет, держит на некоторой дистанции и под надзором "спецов", интеллектуалов – ведь они способны поколебать святыне основы, что совершенно недопустимо. Правда, "спецы" иногда используются, но чаще всего, когда они дистанцированы во времени или пространстве. Так, христианство в течение тысячелетия эксплуатировало Аристотеля, умершего за три века до его появления; нашим атомщикам и ракетчикам позволялось иметь весьма смелые и свободные суждения - все равно они были надежно изолированы от «правоверной» общественности.

С одной стороны, "спецы" нужны, а с другой - корпорация лучше них знает, как им надлежит выполнять свои функции, какие получать результаты. Поэтому она просто вынуждена указывать Галилею, Вавилону и всем остальным на их заблуждения. Ситуация усугубляется еще и тем, что сами "спецы" обычно полагают себя вполне правоверными членами сообщества.

Корпорации, о которых идет речь, удивительно устойчивы к внешнему воздействию и весьма агрессивны. Малейшая попытка членов объединения изменить основы, каноны приводит к взрыву, и она разлетается на куски. Так произошло разделение на большевиков и меньшевиков, католиков и протестантов, социал-демократов и коммунистов, суннитов и шиитов. Так же, за счет действия членов сообщества, раскалываются на враждующие группировки мощные мафиозные кланы.

Время накладывает отпечаток на подобные корпорации, не меняя, правда, их основы, а лишь совершенствуя отдельные формальности. Например, в некоторых западных государствах процедура отпущения грехов производится сегодня с помощью компьютера. Эта, казалась бы, недопустимая по церковным канонам вольность - лишь хорошая возможность приспособиться к требованиям времени. Любят «перестраиваться», обновляя облупившийся фасад, и партии, подошедшие к точке разложения из-за несостоятельности своих догм. И все же для корпораций такого рода характерны долгосрочные символы, лозунги, девизы, изображения святых, вождей и т.д.

Еще одно характерное свойство - стремление к массовости, что способствует упрощению сообщества, усилению ее активности. Пополняя свои ряды новыми и новыми членами, оно сразу же ставит перед ними задачу: войти в определенный образ, который, как безразмерный костюм, подходит любому человеку, невзирая на пол и возраст. О тех, кто соответствует всем требованиям заданного образа, говорят: «Это настоящий христианин (истинный ариец, убежденный большевик и т.д.)».

В корпорациях первого типа обязательно присутствует образец высшего служения идее - кумир, вождь, божество. Независимо от названия он обладает непререкаемым авторитетом, воплощает в себе лучшие черты члена сообщества. Наличие "учителя" предполагает и "учение", проникнутое духом данной корпорации и объясняющее цели ее деятельности.

В объединениях данного типа людей часто привлекает возможность облегчить поиск способов своего существования - ведь всегда легче думать, как говорится, "чужой головой", идти по уже проторенной тропе. Члены таких корпораций живут ожиданием торжества своих идей – наступлением «страшного суда», коммунизма, всемирного господства и т.д.

Корпорации второго типа - объединение индивидуальностей. Такие сообщества всегда возникают вокруг дела, которое не возможно выполнить в одиночку. Один футболист не в состоянии провести футбольный матч. Вы, конечно, можете любоваться действиями только нападающего или защитника, но когда разыгрывается сложная красивая комбинация, становится очевидным, что это не просто сумма независимых действий трех-четырех игроков. Так создается почти все в этом мире: спектакль и автомобиль, дом и геологическая карта. Подобные корпорации соединяют людей с примерно одинаковым уровнем развития

тех или иных навыков. Речь идет не о тех, кто принадлежит к элите, а о тех, кто способен играть свои роли - большие или маленькие - на примерно одинаковом уровне. Чтобы изготовить хороший автомобиль, нужны хороший конструктор и хороший слесарь. Новичок, в третий раз вышедший на футбольное поле, не впишется в команду мастеров. Но иерархичность таких объединений не является незыблемой, человек от рождения не закрепляется за каким-то определенным уровнем - учишься, тренируешься, и ты можешь занять любую ступень.

Доказательством того, что перед нами корпорация второго типа, служит удовлетворение ее представителей от совместной работы. Над сложным геологическим проектом трудятся сотни человек. Геофизики интерпретируют материалы полевых и скважинных исследований; программисты составляют программы для таких интерпретаций, построения карт, профилей, подсчета запасов, осваивают приобретенные программные комплексы; в лабораториях проводятся анализы керн; геологи реконструируют события, удаленные от нас на миллионы лет. Результаты, полученные каждой группой, влияют на работу, на выводы других. Механизм скрипит, дает сбои, но, наконец, критический порог пройден, взаимодействие достигнуто и рождается карта, показывающая строение пласта, залежи на территории в сотни квадратных километров, для исследования которой сделано лишь несколько тончайших "булавочных" уколов в виде пробуренных разведочных скважин. Обычно результатом довольны все, его нельзя приписать кому-нибудь одному. Такое же заключение я слышал от японца, работающего на конвейере: он гордится, когда видит на улице "свой" мотоцикл.

В корпорациях второго типа участники производства умело дополняют друг друга, благодаря чему и достигается результат. Созвучие оркестра всегда превосходит отдельные партии. И хотя здесь есть свои "дирижеры" и "капитаны", их роль также дополняющая, но не довлеющая.

Без чувства победы немыслимо самоутверждение личности. Но победа редко достигается легко, без поражений и ошибок. В этом случае трудно переоценить значение солидарности. Если в корпорациях первого типа ты или "свой" или "чужой", там не допускаются "издержки роста", и солидарность состоит в следовании одним и тем же правилам, то в корпорациях второго типа солидарность – это взаимопомощь и поддержка для приближения победы - создания продукта совместного труда.

Людей в подобных сообществах сплачивает именно взаимодействие, удовольствие от общего результата. Если его убрать, останется подневольный непроизводительный труд. В основе такого объединения лежит столь же фундаментальное свойство человеческой натуры, как и в первом случае, но суть его в ином - в стремлении реализовать творческий потенциал.

Пути достижения успеха корпорациями двух рассмотренных типов различны, как различен и характер их взаимодействия с остальными структурами социума. Корпорации второго типа возникают как необходимые обществу (кроме самих членов), поэтому их успех не в росте численности или влияния, а в предоставлении обществу конкретных результатов (спектаклей, автомобилей, матчей, научных открытий). Смена внутренних устоев, уставов обычно не только не разрушает такие объединения, но и способствует их более активной деятельности. Неустойчивыми они становятся из-за внешнего воздействия, изменения внешней среды, например, вследствие исчезновения общественной потребности в производимом ими продукте. Исчезновение "дела" ведет либо к распаду корпорации, либо к перерождению ее в корпорации первого типа. Холодные сапожники, назначенцы, выдвигенцы и "надзор за спецами" превращают, казалось бы, ту же работу в тяжелый малоэффективный труд, дух сотворчества исчезает.

Для стабилизации своих отношений с внешними структурами сообщества данного типа прибегают к различным способам воздействия, и прежде всего к рекламе. При этом, в отличие от корпораций первого типа, они рекламируют не самих себя, а свою продукцию. Такие объединения обладают огромным потенциалом. Корпоративный дух, который здесь преобладает, выражается в стремлении к профессиональному совершенству, высокой оцен-

ке образования, желании ознакомиться со своими достижениями других членов сообщества, профессиональной этике, профессиональной гордости.

Наличие различных уровней профессионального роста обуславливает соревновательность иной направленности, чем в корпорациях первого типа, где, как отмечалось, она предполагает приложение усилий для достижения определенного образа: человек может быть либо хорошим христианином, либо плохим: третьего обычно не дано.

Здесь же принцип соревновательности понимается как постепенное движение по ступеням профессионального мастерства, не ограничивающееся заданным образцом, стремление к индивидуальному совершенству, поскольку творческие ресурсы неисчерпаемы. Недаром существует бесконечное разнообразие терминов в применении к представителям корпораций второго типа, например, актер начинающий, хороший, прекрасный, гениальный, посредственный, средний и т. д.

Корпорации третьего типа организуются произвольно, их участников не связывает чувство долга или ответственности. Такие объединения образуют люди "с отклонениями". Человек делающий что-то не так, как все, чувствует дискомфорт. Ему нужны сотоварищи, которые поступают так же, как он. Все наклеивают марки на конверт и отправляют письма, а он отклеивает их и коллекционирует. Возникает корпорация филателистов. Вероятно, по аналогичной схеме организуются фанаты, толстяки и т.п. Людей объединяет чаще всего необходимость в стимуле для дальнейшей деятельности. Некоторые хобби существуют не более одного дня, а некоторые становятся увлечением всей жизни, переходя иногда в процессе совершенствования в сферу профессиональную. Наверняка вологодские кружевницы имели в своей давней истории одну увлеченную любительницу.

Каждый человек может входить в различные группы, сообщества, корпорации. Между ценностями различных объединений происходит борьба, конкуренция. Апостол так упорядочивает национальные и религиозные ценности: "Елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь; несть бо ни иудей, ни еллин, ни мужеска пола, ни женского, ни Раба, ни свободного – вси бо вы едино есте во Христе Иисусе». В результате корпоративный дух одних образований укрепляется, других - становится менее значим. Меняются и пропорции в доминантных мотивациях совместного сосуществования. В результате корпорация второго типа может преобразоваться в корпорацию первого типа, что характерно для различных "творческих союзов". Обратные трансформации маловероятны.

Г.Э. Бурбулис

***Корпоративность в политике: теория и практика
переходного периода***

Пропедевтические замечания

В этой теме, казалось бы, все ясно. Мы имеем устойчивую, освоенную в западной культуре реальность, которая не только оформлена в речи, но и юридически организована: на слуху мощные корпорации (гипноз их высокой результативности и состоятельности). Существует определенный психологический знак этого термина: признак корпоративности психологически ассоциируется с внятными формами солидарной поддержки, включенности в групповые высоко ответственные структуры, связанности с чем-то таким, что поднимает значимость персоны и является предупредительный сигналом тем, кто ею начинает интересоваться.

Феномен живет собственной жизнью. Но живет, однако, скорее "там", а нами воспринимается как желанная и малопонятная реальность.

Если принять вызов редакторов тематического "корпоративного" выпуска Вестника "Этика успеха" и попытаться, опираясь на профессиональные традиции, выявить философский смысл проблемы, то он обнаруживается в поиске ответа на вопрос: с какими представ-

лениями об эффективной деятельности или организационно-технологической методологии может быть связана сама идеология корпоративности.

Мы имеем актуальную для российского общества потребность и заказ продемонстрировать командный дух в деятельности реформаторской власти. Налет морализаторского и донкихотского отношения к правилам коллективной работы снят историей. Мы постоянно сталкиваемся с задачей увидеть сегодняшние процессы в перспективно - структурированной форме. Наконец, существует проблема, заключающаяся в том, чтобы разыскать новые ориентиры для прагматической рационализации сегодняшней российской жизни. В то же время имеются тревожные для общества тенденции, которые связаны с эгоистичными структурами. Нам постоянно напоминают об организованной преступности, говорят, что начавшийся глобальный передел собственности разных видов капиталов предполагает определенные корпоративные связи и зависимости. Из разряда интересного чтения превращается в жестокую реальность. Таким образом, мы имеем потребность не только осмыслить проблему корпоративности, но и деятельно ответить на нее.

Я выделяю три уровня проблемы исследования и формирования корпоративного духа. Первый - философско-мировоззренческий, связан с объективной потребностью обеспечить новый тип рационализации жизнедеятельности общества. Второй - уровень текущей российской социально-экономической практики, проявляющийся во встречных усилиях соорганизоваться, сгруппироваться и самоопределиться в новых организационных формах. И, наконец, третий - уровень обострившейся и обнажившейся связи жестких экономических интересов со структурами власти, способами зависимости и воздействия на власть.

На мой взгляд, сегодня общество преодолевает те формы социальной и профессиональной соорганизованности, которые были отшлифованы в специфическом тоталитарном социуме и находится в мучительном поиске новых форм. Задача заключается в том, чтобы разглядеть и в утрачиваемом, и в желанно востребованном связь, причинную зависимость. Почему? Потому что тоталитарное общество и милитаристское государство снимает проблему корпоративности, организует свою систему управления по другим законам. Конечно, мы можем говорить и про некие групповые интересы, но задачи унификации, обезличивания и внеконкурентного решения абсолютного большинства проблем функционирования и развития общества прямо исключают дух корпорации.

Вместе с тем, переходный период выражается в том, что нужно найти предметные скрепы таким вечным и святым идеалам и человеческим соблазнам, как свобода, демократия, рыночная экономика, рационально организованная система хозяйствования, как диалектическая связь призывов к самореализации с умением обеспечивать солидарную деятельность, как работа и жизнь по таким правилам, в которых в одинаковой мере идеалы свободы, демократии и прав человека признаются всеми людям без исключения и потому надо осваивать новые навыки социального и политического поведения. И я вижу проблему в преодолении зазора между рамками, в которых мы формировались и которые содержательно исчерпаны сегодня, и условиями для конструктивного функционирования страны в целом, освоения тех новых моделей жизнедеятельности, которые в самом общем плане знаково определяются признаком корпоративности.

И, наверное, правильно, что на этой стадии организаторы проекта прибегают к символизму, говоря о "духе корпорации". Что-то вроде бы и есть уже в реальности, но не настолько много, чтобы это ясно понимать, представлять и воплощать.

Корпоративность в политике

Совершенно особое значение приобретает проблема корпоративности, понимаемая как рационально организованное и эффективно осуществляемое объединение, людей, их идей, интересов и действий в сфере политических отношений. Специфика этой сферы выражается в том, что политика по природе своей связана не с истиной, не с моралью, а с глубинными социальными интересами. Политика это - социальный механизм, обеспечивающий согласование и конкуренцию интересов, реализуемую в сфере властно-управленческих отношений. А если это так, то корпоративность в политике всегда носит тенденциозный

характер, выступает чаще всего как тенденция, уязвимая в той мере, в какой мы обязаны заложить текучесть, изменчивость и повышенную чувствительность социальных интересов как детерминационную основу жизнедеятельности людей. Отсюда особое требование корпоративности в политике, связанное с учетом того фундаментального обстоятельства, что интересы - двигательная сила политической корпорации, и они же ее разрушители сегодня.

Необходимо допустить существование особого типа политиков, предназначение и талант которых заключается в формировании политических корпораций. Видимо, наряду с политиками-актерами, с политиками-стратегами, с политиками-организаторами, которые обеспечивают решение политических задач, может быть предложена и роль **политика - менеджера**. Это не обязательно безусловный сторонник той или иной идеологии, той или иной системы убеждений, той или иной политической позиции. В рамках поставленных задач он обязан искусно организовать корпоративную деятельность. Возможно, ролевой нормой станет то, что политик-менеджер по своей идейно-политической самоидентификации должен быть максимально нейтрален. Его интерес - создать структуру и обеспечить ей эффективное сосуществование в конкурентном политическом пространстве. Но его интерес не может сводиться к тому, чтобы любой ценой добиваться победы своих убеждений. И в этом смысле он не должен допускать неоправданной увлеченности, повышенной предубежденности, чрезмерной амбициозности, которые вполне естественны с точки зрения политиков-актеров или политиков, ориентированных на ближайшие цели, на короткие этапы.

Что касается особенностей деятельности политиков-менеджеров, то важно учитывать фундаментальные обстоятельства политической среды, без филигранного, тончайшего и виртуозного использования которых в принципе невозможно претендовать на формирование дееспособных политических корпораций. Назовем некоторые из этих качественных признаков.

Первый заключается в том, что политический менеджер обязан досконально понимать специфику политической реальности по сравнению со всеми остальными социальными процессами. Мало признать, что она завязана на интересы, надо еще и осознавать, как эти интересы движутся в пространстве социального взаимодействия, каким образом они могут быть сопряжены, согласованы, как обеспечить временное сотрудничество и долговременное доверие в условиях, когда интересы подвижны, а социально - экономические процессы неустойчивы.

Крайне важно понимать специфику того "человеческого материала", который внедряется в политическую деятельность, и осознавать, что сегодня в России на 95% это маргиналы, пришельцы, которые не имели времени и желания вникать в глубинные основы существа того вида государственно-политической профессиональной деятельности, в которую они включаются и вынуждены осуществлять. Разумеется, не обязательно добиваться от всех агентов политического процесса глубинного и ясного понимания содержания, которое они осваивают и реализуют. Однако политик-менеджер обязан эту глубину представлять до дна и добиваться таких корпоративных связей и устойчивых форм сотрудничества, при которых могут быть предложены для достижения видимые цели, на самом деле стратегические. Закладывается основа того, что многим людям, включенным в процесс непосредственно, зримо не дано ни увидеть, ни понять.

Классическая педагогически-воспитательная задача в сфере формирования политических корпораций приобретает особое значение. Она состоит в том, чтобы, избегая назиданий и нравоучений, включить людей в такую структуру деятельности, при освоении элементов которой у них формировались бы адекватные ей интересы и потребности. В этом отношении процесс формирования политических корпораций можно уподобить высшему виду организационных технологий. И нет, наверное, возможностей сегодня создать убедительную типологию, поскольку этот вид социального творчества еще мало осмыслен и мало освоен.

Второй признак. Я настаиваю на том, что профессиональная политика - высший вид социального творчества. И в этом смысле два субъекта профессионального политического

процесса рассматриваются мною как базовые, ключевые - политик-стратег и политик-менеджер. Политик-менеджер должен абсолютно ясно и точно понимать не только нюансы психологического и социально-психологического функционирования политической реальности. Он обязан самым глубоким и адекватным образом понимать продукт деятельности политика-стратега, ту социальную онтологию, которая вырабатывается умом и талантом политика-стратега, адекватно распределять в этой социальной онтологии режим высших целей, тактических задач, видимых действий и усилий, ментального слоя и латентных, скрытых форм воздействия, режим лояльного соперничества и конструктивного сотрудничества, режим облагораживающей оппозиции и непримиримой оппозиции. Как видим, возникает масса потрясающих по своей глубине и насыщенности социально-личностных форм проявления, и во всей этой мозаике, во всем многоличье, многоцветье и многозвучье политик-менеджер должен ориентироваться достаточно уверенно.

И наконец, **третий** признак. Он заключается в наличии социально-эстетического вкуса у политика-менеджера, организатора политической корпорации. Социальное творчество предполагает стремление к некоторым высшим социальным идеалам через конкретную форму властных полномочий. Оно предполагает и соотнесение социальных идеалов с тем, что можно назвать атмосферой жизни, ее духовной насыщенностью, эффектом прекрасного. Любое политическое действие, особенно долговременного характера, возможно только тогда, когда собственно рациональный, идейно - вербальный план сопровождается еще и некоторой политической эстетикой, когда находится точный образ корпорации, ее лидеров и сподвижников как гибкого и многовариантного целого.

Политическая корпоративность - в одинаковой мере как процесс собирания сил, так и процесс их своевременного размежевания, потому что всякое стремление законсервировать достигнутый уровень корпоративности любой ценой изначально искажает суть политической корпорации. В политическом сообществе корпоративный дух заряжен всегда правом на измену, на уход. Могу предложить парадоксальный термин - "презумпция виновности". Он требует постоянного стремления чутко относиться к колебаниям соратников и оппозиционеров, послушного и инновационного, которые сопровождают политические системы и политические структуры изначально.

Почему? Потому что существуют два полюса политической деятельности. Первый - желанная власть, и часто это оказывается весьма болезненным стремлением, поглощающим способность ясно видеть, здраво мыслить и трезво действовать. Одновременно существует остальная жизнь, жизнь вне политики, выход в которую освобождает политика от необходимости посвящать себя всего без остатка профессиональной деятельности и находить массу полезных и приятных форм времяпровождения.

Хочу подчеркнуть, что специфика профессиональной политической деятельности ежеминутно и ежесекундно содержит в себе два предельных и абсолютно противоположных основания. Первое основание, требующее неукротимой воли, чтобы добиваться политической цели; слабоволие или безволие - непоправимый дефект, исключающий право принадлежать к профессиональной политической деятельности. Но есть и второе - основание изначальной свободы от принадлежности к политической реальности, право ежесекундного выхода из этого пространства в то множество миров человеческих интересов и человеческих увлечений, которые не менее привлекательны, чем собственно политика.

Это обстоятельство важно понимать, чтобы не преувеличивать роль и значение политической корпоративности. И, может быть, профессиональное удовольствие состоит и в том, чтобы время от времени воспринимать политический процесс как своеобразный тип игры, где чрезвычайно важные коренные проблемы жизнеустройства человечества, связанные с отстаиванием глубинных интересов конкретных социальных групп, реализуются в мире неких условностей, предполагающих освоение определенных правил поведения. И тогда становится очевидным, что как высший вид социального творчества политическая профессиональная деятельность существенно зависит от того, кто именно не только соблюда-

ет, но и расширяет эти правила. Может быть, один из признаков принадлежности к этому виду творчества и состоит в умении эти новые правила предложить и утвердить.

Сравним требования к политическим корпорациям с особенностями экономических корпораций. Экономические корпорации базируются на очень конкретной, и в этом смысле изначально стимулирующей, цели: корпорация должна в конечном счете приносить прибыль. Ее эффективность зависит от того, в какой мере путь к желанной прибыли обеспечен наименьшими затратами ресурсов в своевременной форме. Политическая корпорация, на мой взгляд, не может быть сведена к жесткой детерминации базовой цели - добиться власти и удержать ее. Политическая корпоративность - изначально более сложный вид, который предполагает культивирование в социальном целом некоего миропредставления, где нередко не столько достижение власти, сколько обеспечение гармонии социального целого может выступать в качестве чрезвычайно важной и трудно достижимой политической задачи.

Поэтому можно говорить о типах политической корпорации. Известна идея политической корпорации, создаваемой для достижения власти любой ценой. Печальная история нашей страны знает такой тип на определенном этапе своего пути как "партию-орден меченосцев", иерархизированную в тоталитарно-репрессивную структуру. В другом типе политической корпорации основная цель - обеспечить социальное согласие, общественный политический диалог и удержать общество от опасных крайностей. Третий тип - политическая корпорация, ориентированная на культивирование смены базовых ценностей в обществе. Это объединения, создаваемые с целью переформулировать общественные идеалы в юридически корректной и социально-психологически доступной форме.

Очевидно, придется вводить в эту типологию смешанные типы корпораций, когда политические интересы соучаствуют в корпоративном движении. Это время от времени вспыхивающие движения за экологическую безопасность, права человека идеи милосердия и нравственной реабилитации и т. д.

И последнее. Политическая корпоративность предполагает умение выстраивать корпоративную структуру с учетом специфики трех уровней политической корпорации.

Первый - уровень профессионального актива, характеризуемый определенным образом жизни, навыками общения, индивидуальным стилем. Профессиональный политический актив - это особые люди, нуждающиеся в ясном и четком понимании специфики своей деятельности.

Второй уровень - все те, кто обеспечивает функционирование профессиональных политических структур на организационно-технологическом основании. Этот уровень не обязательно должен иметь статус политического актива. Речь идет о нанятом на службу той или иной партией, организацией обслуживающем персонале, от прилежания, исполнительности и лояльности которого существенно зависят успехи корпорации в целом. У этого уровня своя ментальность, психология, идеология, свой тип понимания престижности, причастности и сопричастности. В политическом бизнесе это корпус наемных работников профессионального политического актива, который обязан соблюдать все классические законы отношений работодателей и работников и видеть здесь очень тонкие нюансы.

Третий уровень - большинство населения, крупные социальные группы, включенность которых в корпоративную систему может носить прямой, непосредственный, а может и опосредованный характер. Профессиональному политику очень важно владеть инструментами популистского взаимодействия с большинством населения и одновременно понимать, что политический популизм - это не всегда безудержные обещания и безответственность за их выполнение, политический популизм коррелируется не столько со словом "популярность", сколько со словом "доходчивость". Забота о том, чтобы быть понатым, учет особенностей восприятия, систематическая работа над политическим языком, нюансами знаково-символического общения с населением, осознание подвижности эмоционально-чувственной сферы жизни людей, умение провоцировать важные с точки зрения политической стратегии формулы с учетом этой особенности - основное содержание популизма.

Политическая корпоративность - это острейшая потребность нашего дня, имеющая, безусловно, и научно исследовательский смысл, но еще более практический смысл. Чем быстрее мы осознаем необходимость обучения и воспитания особых типов специалистов - политических менеджеров, тем плодотворнее будет процесс политического корпорирования в России.

Союз профессионалов "Люди дела"

Теперь о некоторых перспективах корпоративности в России с учетом моего профессионального опыта.

Очевидно, перезревшая потребность социальной, политической и экономической стабильности в стране реализуется путем формированием 10-15 крупных корпораций, в которых сочетаются важные ресурсные базы. Мы являемся не столько свидетелями завершения первой стадии передела сфер влияния, сколько процесса осмысленного структурирования держателей базовых ресурсов через определенным образом организованную корпоративность. Тот, кто сегодня контролирует природные ресурсы, становится собственником технологических ресурсов, имеет прямое отношение к информационным ресурсам, осознает высшую цену интеллектуальных ресурсов (знание как товар, инновационная деятельность как рыночная реальность), ведет виртуозный поиск партнеров по законам корпоративного сотрудничества.

Сегодня стабильность обеспечивается прежде всего тем, насколько последовательным будет процесс корпоративного структурирования держателей ресурсов в межпрофессиональной, в межсредовой сфере. Без корпоративного структурирования мы не сможем ни рационально организовать хозяйственную деятельность, ни упорядочить хаос политического процесса, ни восстановить связь между человекоформирующими видами деятельности (воспитание, образование, здравоохранение) с ресурсорастрачивающими видами деятельности. Получается, что формирование корпоративных организаций - благо для России.

Мы можем говорить, наконец, и о том, что нечто, пугающе демонстративно называемое организованной преступностью, мафией, найдет в этом процессе свое логическое место. Надо понимать, что корпоративно организованные системы более проницательны по отношению ко всем другим явлениям социального целого и у них есть свои возможности нейтрализовать негативные воздействия или включить их в выгодный для себя способ сотрудничества. Поэтому даже для эффективной борьбы с организованной преступностью своевременное становление этих корпоративных систем является насущной задачей: у них - свои возможности защищать себя и тем самым защищать общество, свои уникальные рычаги нейтрализации, адаптации или поглощения социально опасных сфер. В этом процессе могут присутствовать очень непростые зависимости, но чем быстрее корпоративность будет понята как жизненная необходимость и чем скорее в процесс войдут специалисты по социальному управлению, по менеджменту социотехнических структур, тем надежнее и плодотворнее он осуществится.

Предварительные выводы. Первое. Мы имеем дело с определенной потребностью, артикулировать и наполнить которую готовым ясным содержанием и смыслом - наша задача. Второе. Мы имеем дело с изменением мироотношения, с новым типом целеполагания. Рационализация жизни как условие оптимального выживания и конструктивного развития предполагает серьезную мировоззренческую, ценностнообразующую работу. И это наша задача. Третье. Мы имеем дело с определенным социальным заказом, и помимо глубоко-мысленных рассуждений понадобятся соответствующие специалисты для практической реализации этой потребности.

Импульсы организационного действия такого рода уже воплощаются в жизнь, и организация, которая назвала себя Российским Союзом "Люди дела", нацелена на этот процесс в первую очередь. Мы выступаем за культивирование некоторых важных для концепции здорового прагматизма ценностей в российском обществе и предполагаем, что Союз

"Люди дела" ненавязчиво, но вместе с тем конкретно будет участвовать в движении к новому типу рациональной организации российского общества.

Решать свои задачи Союз будет соответствующими средствами, поскольку любая корпоративно-плодотворная система предполагает максимальную опору на коренные интересы ее субъектов с одновременной демонстрацией направлений развития этих интересов. Если рассуждать более утилитарно, то любая корпоративно организованная система выживает только тогда, когда включающиеся в нее субъекты понимают свою выгоду, и эту выгоду постоянно в качестве желанной цели подтверждают. Иначе, как только в системе появляется элемент, утративший ощущение выгоды, любой ценой он будет стараться выпасть из этого дупла.

Итак, на определенном уровне развития профессиональной деятельности для достижения делового успеха внутрипрофессиональная организация становится недостаточной, и возникает потребность в межпрофессиональном сотрудничестве. Если вопросы совершенствования профессионального мастерства путем повышения квалификации и обмена опытом могут решаться внутри профессиональной сферы, то проблемы, возникающие при реализации инициатив профессионалов, часто находятся на стыке разных сфер деятельности.

Общеизвестно, что вопросы здравоохранения зачастую самым тесным образом переплетаются с вопросами образования, социальной защиты и экологии, образования - с вопросами культуры, жилищного строительства - с вопросами социальной сферы, сельского хозяйства - с вопросами промышленного производства, последнего - с вопросами бизнеса и науки и т.д. Решение этих проблем требует организации, обеспечивающей межпрофессиональное сотрудничество и способной построить свою деятельность таким образом, чтобы нарабатывать определенные алгоритмы их реализации.

Благоприятную среду для профессиональной деятельности создает система законодательных, исполнительских и управленческих структур. Их способ функционирования может выступать как условие успешной (или причина неуспешной) деятельности профессионалов. Диагностировать, в каком состоянии находится сегодня власть и управление на всех уровнях, обеспечить возможность для плодотворной совместной работы профессионалов разных сфер деятельности и профессионалов в сферах политики и управления и намеревается Российский Союз "Люди дела", ставящий перед собой задачу защитить профессионализм во всех сферах деятельности, включая управленческую и политическую. Российский Союз "Люди дела" стремится к тому, чтобы отношения власти и управления обрели желанную основу конституционности, компетентности, деловитости, результативности, надежности. Никакие специфические политические интересы, разногласия и пристрастия не должны поглощать эти качества власти, важные для обеспечения стабильности в стране. Главная задача людей дела, ответственных профессионалов, дорожащих честью и достоинством наших граждан, репутацией России в глазах мирового сообщества - добиться того, чтобы российская государственность и общество укреплялись благодаря совместным усилиям знающих и умелых людей.

В качестве базовой организационной формы выступают проблемные практикумы, когда конкретные проблемы решаются с участием представителей конкретных сфер деятельности и профессий. При этом люди дела знакомятся между собой, происходит выявление алгоритма успешной деятельности как таковой и накопление банка данных с позиций тех условий, которые необходимо знать, соблюдать и создавать, чтобы добиваться успеха. Одновременно такие практикумы становятся первичной формой конструктивного отбора и подготовки перспективных профессионалов в области управления, которым люди дела, не заинтересованные в смене основной деятельности, готовы доверить работу во властных структурах от своего имени и с полной убежденностью в том, что их деятельность окажется ответственной, компетентной и реализующей интересы россиян.

Тематизм первоочередных проблемных практикумов: "Региональная система здравоохранения, современные формы медицинского обслуживания населения как фактор стабильности"; "Региональная система образования и воспитания как фактор стабильности";

"Система местного самоуправления: обеспечение безопасности населения и оптимального сотрудничества с государственными структурами"; "Жилищное строительство: новые формы участия населения, интересы малоимущих"; "Социальная безопасность гражданина и каждой семьи"; "Технополисы и отраслевые проблемы, связанные с атомной энергетикой"; "Взаимодействие органов власти с субъектами хозяйственной деятельности различных форм собственности как фактор стабильности".

Союз "Люди дела" исходит из того, что наша организация отвергает обличительный стиль поведения, подозрительность, конфронтацию, предубеждения. Мы - за культивирование в обществе психологических и нравственных установок на доверие, взаимную поддержку и ответственность в деловом сотрудничестве. Мы доверяем друг другу, гражданам России в понимании наших общих целей, доверяем нашим партнерам и оппонентам в понимании и поддержке задач. Мы - за прагматическое и человеческое отношение к делам, друг другу, к жизни в стране. "Люди дела" - это учитель и банкир, офицер и ученый, предприниматель и глава районной администрации, врач и директор завода, добившиеся конкретных результатов в своей профессии, стремящиеся к успеху и ценящие успех других. Они способны к сотрудничеству, обладают развитым чувством собственного достоинства и ответственностью за судьбу страны.

П.Н.Шихирев

От корпоративной этики к этике корпорации

По свидетельству одного из недавних номеров журнала U.S. News and World Report в настоящее время не менее 90% ведущих американских корпораций приняли этические кодексы поведения для своих сотрудников. На деньги частного капитала только за последние 5-6 лет были созданы около 30 кафедр этики бизнеса в ведущих школах бизнеса США. (1). Тем самым разрешился, судя по всему, спор, начавшийся в конце 60-х годов между представителями противоположных точек зрения относительно совместимости двух сущностей и выражающих их понятий - "корпорация" и "этика".

Согласно первой точке зрения, которую можно определить как системно-безличную, корпорация, особенно большая, это организация, система. Она подчиняется законам функционирования систем, таким целям как эффективность, устойчивость, а ее сотрудники - соответствующим этим целям правилам поведения - скорее, функционирования. Сотрудники взаимозаменяемы и поэтому корпорации нет дела до такого компонента как моральные дилеммы, терапия, угрызения совести и тому подобных проявлений "слишком человеческого". Соответствующие проблемы как бы выносятся за скобки организации, в сферу свободного от работы времени. (2)

Существенное внутреннее противоречие этой концепции заключалось в том, что она не могла отрицать очевидного факта: корпорация выступает в правовых отношениях с другими корпорациями и "внешними" индивидами как юридическое лицо, т.е. субъект *социального*, а следовательно, человеческого действия со всеми вытекающими из этой атрибутивной характеристики следствиями. Иначе говоря, она не может быть по определению безличной системой наподобие машины.

Противники безличной модели указывали на то обстоятельство, что корпорация, будучи субъектом социального действия, наряду со способностью быть юридическим лицом, должна непременно иметь и два других качества, выделенных еще Локком как обязательные для любого субъекта: метафизическое и моральное. Помимо этого философского аргумента критики указывали на тот факт, что корпорация - это продукт не природы, а деятельности живых людей с их мотивацией, ценностями, страстями и т.п. Поэтому к корпорации вполне применимы моральные критерии. Она не может их игнорировать и полностью от них избавиться.

Уместно подчеркнуть, что общество, внешнее по отношению к корпорации, всегда исходило из здравого смысла, и, персонифицируя корпорации, отождествляло их с владельцами, руководителями, и соответственно, не колеблясь применяло к корпорации шкалу этической оценки. Этот факт приобрел для корпораций важнейшее значение, когда острая конкуренция за потребителя выявила всю ценность и доходность такой не осязаемой, "бестелесной" сущности как моральная репутация, показала, что "честным быть выгодно" (3), что другая столь же бестелесная сущность - "дух корпорации" при целенаправленном культивировании способна на 15-20% улучшить уже вполне материальные производственные показатели: качество продукции и прибыль. Таким образом, сама практика продемонстрировала действительную взаимосвязь правового, морального и метафизического аспектов, которые по Локку и составляют сущность субъекта социального действия.

Вместе с тем, столь же трудно отрицать, что игнорирование системных закономерностей функционирования корпорации, недооценка ее особенностей как организации, ориентированной на эффективность, измеряемую прибылью, ведет к тому, что организация превращается в сообщество "людей, приятных во всех отношениях", и в конечном итоге разоряется, погибает. Социалистическая практика показала, что такие "коллективы" вполне реальны, а также то, что они фактически паразитируют на труде возможно менее приятных, но более организованных людей и сообществ.

Как сочетать в оптимальной пропорции три упомянутых момента? Теоретическому и практически - прикладному анализу этой проблемы и посвящено дальнейшее изложение. Забегая вперед, укажем, что проявлением метафизического аспекта выступает корпоративная этика, а проявлением морального - **этика корпорации**; при этом оба момента взаимосвязаны через ценности различного уровня. Исторически же корпоративная этика предшествует этике корпорации.

Теоретический подход к сформулированной проблеме подсказывается самой этимологией термина "корпорация". Он происходит от латинского согро - "целое". "Корпоративное" означает "принадлежащее к целому", его свойство. Имплицитно анализ любого такого свойства предполагает прежде всего ответ на вопрос, в какой степени оно способствует (или препятствует) сохранению целого. Другим производным от согро является "тело", что подсказывает необходимость введение еще одного параметра - размера этого "тела" или "целого". Далее, остается лишь один шаг до того, чтобы поставить проблему координации "социальных тел" различных размеров, или масштабов, а затем сформулировать положение о том, что фактически общество есть не что иное как система корпораций: классов, групп, организаций и т.п., состоящих из людей, которые отождествляют себя с тем или иным целым, той или иной "корпорацией". Поэтому деловая корпорация - это разновидность корпорации в упомянутом, более широком смысле. Ее специфика определяется "всего лишь" экономическим характером регуляторов. Их форма, а также, зачастую, императивность и побуждают сторонников первой точки зрения трактовать деловую корпорацию как безличную систему. Социальное, аксиологическое содержание регуляторов остается в тени.

Подобная ситуация особенно характерна для начальных этапов развития бизнеса, когда к нему подходили как к "царству чистогана", свободному от каких-либо моральных границ. Непревзойденный до сих пор экономический и публицистический анализ такого этапа был выполнен К.Марксом. Однако уже М.Вебер показал: даже классический капитализм, в том числе и эпохи накопления, в трактовке Маркса был неполным, ему недоставало аксиологического аспекта, выражаемого категориями этики и метафизики.

Исследования групп и организаций социологией и социальной психологией во второй половине XX века в значительной степени восполнили этот пробел. В частности, были выявлены разнообразные типы социальных общностей. Ключевым моментом их функционирования почти все исследователи, независимо от теоретической ориентации, считают ценности. Для нашего рассмотрения особенно важным является взаимосвязь систем ценностей, регулирующих поведение социальных субъектов различных масштабов: от человечества (так называемые "общечеловеческие ценности") до шайки бандитов или "клики", подчиняющейся системе ценностей, противоречащей не только общечеловеческим, но и региональным социокультурным стандартам.

Эволюция деловой корпорации с точки зрения "сцепления" ее системы ценностных регуляторов с ценностями других субъектов в обществе (с одной стороны, и индивида, с другой) и составляет тот теоретический и практический континуум, который определяет и корпоративную этику, и этику корпорации.

Основное различие между ними заключается в том, что корпоративная этика - это система этических регуляторов с акцентом на отношения между членами, "компонентами" корпорации, а этика корпорации - это система, регулирующая в морально-этическом плане отношения с другими социальными субъектами, начиная с государства и общества и кончая отношением всей корпорации и составляющими ее индивидами. Диалектическая зависимость между ними - та же самая, что и между процессами социальной дифференциации и интеграции. Налицо и движение к все большей интеграции, т.е. движение от корпоративной этики к этике корпорации через ассимиляцию моральных норм субъектов все большего масштаба.

Эмпирическое содержание этой достаточно еще абстрактной теоретической схемы таково. По существу она воспроизводит более широкий процесс, определяемый автором как процесс "принудительного морального воспитания" человечества (4), состоящий в том,

что под давлением изменяющейся действительности и отдельные социальные субъекты, и человечество в целом вынуждены в определенный момент решать: погибнуть или следовать более высоким моральным нормам. В ходе этого процесса постепенно, с многочисленными болезненными отступлениями, к "чужим" начинают применяться те же этические нормы, что и к "своим".

Корпоративная этика (как свод формальных и неформальных правил поведения преимущественно для внутренней регуляции сообщества людей) исторически более древний феномен. Наиболее ярким его выражением может служить профессиональный кодекс средневековых ремесленников. Он регламентировал жизнь ремесленника, его формирование как профессионала до мельчайших деталей, вплоть до места проживания, не говоря уже о статусе, требованиях, предъявляемых к мастерству и т.п.

Основой таких кодексов была регуляция отношений внутри корпорации. Другие отличительные особенности - коллективный и достаточно медленный способ формирования норм, их значительная зависимость от традиций. По мере развития капитализма и индивидуализации владения имуществом внутренние нормы стали определяться и авторитарно изменяться хозяином дела, произвольно и, главное гораздо быстрее, ведь от его "головой" зависело: будет дело "гнить" в моральном плане или развиваться. Плотность социальных связей в это время (первые две трети XIX века) была еще недостаточно велика для того, чтобы субъекты хозяйствования осознали взаимозависимость между друг другом и обществом.

С возникновением больших производств и усложнением экономических связей, появлением крупных организаций и корпораций в их узком современном понимании (как объединений собственников в виде держателей акций) ситуация изменилась. Принципиальное отличие корпорации XX века от предыдущих исторических типов состоит именно в разомкнутости ее связей, общества в целом: ведь владельцы крупных пакетов акций могут представлять различные слои общества и, соответственно, различные системы ценностей. Поэтому потенциально в процесс принятия принципиальных решений был заложен конфликт между безличным требованием эффективности (прибыльности) - основной цели корпорации, и допустимыми средствами ее реализации. Соответственно моральные ценности менеджеров и тех кого принято называть *stakeholders* или решающими вкладчиками, далеко не всегда совпадали, тем более, что все чаще последние оказывались за пределами самой корпорации (5). Другой важной особенностью развития современной корпорации явилось превращение значительных масс служащих корпорации в ее совладельцев путем приобретения акций.

Упомянутый процесс был чреват конфликтом еще одного, на этот раз уже внутриличностного характера. С одной стороны, сотрудник - владелец акций заинтересован в максимальной экономической эффективности организации, в достижении результата любой ценой: обманом, сбытом некачественной, а то и просто опасной для жизни потребителя продукции. С другой, будучи включенным в другие социальные группы: семью, церковь и т.п., он брал на себя обязательство следовать моральным нормам, воспрещающим подобное поведение. Тем самым формировался двойной стандарт поведения – внутри корпорации и вне ее. Возникающий здесь для личности конфликт особенно отчетливо отражен в дилемме, широко обсуждавшейся в США в 80-е годы: информировать общество о той или иной опасности, вытекающей из погони корпорации за прибылью, или молчать и получать свои дивиденды. Эта дилемма получила название проблемы "whistleblowing", что в буквальном переводе означает "свистеть в свисток", а в переносном - "оповещать об опасности" (при положительном отношении к этой практике) и "доносить" (при отрицательном). После рассмотрения нескольких подобных дел, в основном связанных с тем, что корпорации "выставляли свистунов на мороз", Верховный суд США взял их под защиту, постановив, что подобные действия являются вполне законными, согласуются с интересами общества и не могут быть наказуемы в какой-либо форме.

Упомянутые выше конфликты и противоречия далеко не исчерпывают весь перечень средств общественного давления на корпорации с целью их морального воспитания. Стоит упомянуть хотя бы еще три момента. Первый связан с признанием как незаконной практики подкупа своих и иностранных чиновников, второй – с борьбой с экологическими и прочими вредными последствиями экономической деятельностью, третий - с ущербом, наносимым корпорациям их собственными сотрудниками, которые за определенную мзду продавали конкурентам ценную информацию о новых продуктах, готовящихся преобразованиях корпорации и т.п.

Комплекс всех этих обстоятельств и привел крупные корпорации к принятию этических кодексов, призванных решить триединую задачу: воспитать лояльных и честных сотрудников, предотвратить возможный внешний ущерб репутации и сформировать образ корпорации в общественном мнении как социально ответственной организации. Такие кодексы и составляют в настоящее время тот тип этики организации, которую мы определяем как этику корпорации в отличие от корпоративной этики.

В качестве примера можно привести кодекс компании "Кока-Кола". По словам ее вице-президента Патрика Уоршема кодекс основан на философии честности и порядочности. Он включает пять разделов, регулирующих различные сферы деятельности и призван: обеспечить достоверность отчетности и другой документации; нейтрализовать потенциальную личную заинтересованность сотрудников во внешних субъектах и контрагентах; упорядочить отношения с государственными учреждениями; исключить политическое влияние партий и общественных организаций; создать регламент принятия и действия кодекса, - например рассмотрения конфликтов морально-этического свойства между сотрудниками, а также сотрудниками и руководством. (6)

Кодексы этого типа существенно отличаются от систем правил, функционировавших в средние века и в период так называемого свободного капитализма. Сегодня они как правило разрабатываются специалистами: психологами, социологами, юристами, менеджерами; изучаются и обсуждаются сотрудниками на семинарах. За их своевременным изменением следят специалисты по управлению. Но главное условие их эффективности - формулировка и принятие норм "снизу", в первичных подразделениях в ходе коллективного обсуждения реальной практики и морально-этических коллизий.(7) Юридическое закрепление кодекса лишь завершает и формализует достигнутое согласие относительно основных ценностей, разделяемых руководством и сотрудниками. Представляется, что в целом это верный путь разумного сочетания и пропорции правового, морального и метафизического аспектов субъекта социального действия, о которых говорил Локк.

В заключение остановимся коротко на значении этого опыта для России на пути ее поисков собственных решений. Объективная логика перехода от корпоративной этики к этике корпорации такова, что рано или поздно мы придем к признанию того, что подобные кодексы необходимы как важные инструменты этической регуляции деятельности и сохранения целостности экономических субъектов. Наша рыночная система столь же подвержена действию объективных законов развития бизнеса, как и любая другая. Вместе с тем современное российское общество обладает рядом социокультурных особенностей, которые могут способствовать или, напротив, препятствовать интеграции в систему международного экономического обмена, где все глубже утверждаются единые "правила игры".

Россия - коллективистская, общинная, "коммунитарная" страна. Десятилетиями в условиях социализма работников целенаправленно воспитывали через коллективы, как группы, чьи системы ценностей синхронизированы с целями общества. Все это уже «отложилось» в культуре. Упомянутое обстоятельство в конечном итоге будет способствовать эволюции бизнеса в позитивном направлении.

С другой стороны, назойливо и порой лицемерно насаждаемый тотальный коллективизм обернулся пресыщением им, отвращением к его гипертрофированным формам. Маятник социальной ответственности качнулся в противоположную сторону - к корпоративной этике, в соответствии с которой соблюдать моральные нормы лишь по отношению к

"своим", значение имеет лишь "своя" групповая, корпоративная выгода. Тем не менее, есть все основания полагать, что в недалеком будущем этот маятник вернется к "золотой середине", созвучной мировому процессу, частью которого и является эволюция корпоративной этики в направлении к этике корпорации.

Литература:

1. U.S. News & World Report. March 20, 1995. p.66.
2. French P. Corporation as a Moral Person. In: Ethical Issues in Business. Ed. by T. Donaldson and P. Werhane. Prentice-Hall. 1993. pp.120-129.
3. Blanchard K. et al. Ethical Management: It Pays to Be Honest. Harper Business Books. 1988.
4. Шихирев П., Андерсон Р. Акулы и дельфины (психология и этика российско-американского делового партнерства). М. Дело, 1994.
5. Evan W., Freeman E. A Stakeholder Theory of the Modern Corporation: Kantian Capitalism. In: Ethical Issues in Business. pp.166-171.
6. Уоршем П. Кодекс деловой этики // Этика бизнеса: межкультурные аспекты. М. Дело, 1992. с. 101-107.
7. Ciulla J. Teaching Business Ethics in Companies and Business. Paper presented at the International Conference in a New Russia. Moscow, June 1993.

В.И.Бахитановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов
Этика политического успеха: Вебер, Поннер и другие

«Истинный политик»

В своем известном докладе "Политика как призвание и профессия" Макс Вебер обращает внимание на смысл деятельности "истинного" политика. Это – служение Делу. Без веры в такое служение нет ни призвания, ни профессионализма. А именно они и позволяют понять природу политической этики. Вебер задается с виду казалось бы простым вопросом: одна и та же этика имеет силу и для политического действия, как для любого другого? Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты *содержательно тождественные* заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимому? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так уж безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства - власти, за которой стоит насилие? (1)

Обратим внимание на то, что здесь говорится именно о содержательной стороне этических требований, но не о формальной стороне, которая как раз тождественна во всех упомянутых случаях - от эротики до бизнеса, от семьи до политики. Речь идет не о форме, а о мотивах. Этика, применяемая в политике, требует не ригоризма (все или ничего), не достоинства святого, не заповеди "не противься злему", а ответственных решений. Она, скажем, позволяет при определенных обстоятельствах нарушать долг правдивости (очевидная потребность в сохранении тайн политики).

Все эти рассуждения - подчас сделанные с излишней прямолинейностью - подводят Вебера к глубокому выводу: всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным максимам: оно может быть мотивировано либо "этикой убеждения", либо "этикой ответственности". Так и И.Кант отличал обязательства "этики справедливости" от обязательств "этики добродетели". Не в том, конечно, смысле, будто этика убеждений оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности - тождественной беспринципности. Об этом нет и речи.

Действующий по максиме этики убеждения поступает как должно, а относительно результата он уповает на Бога, тогда как действующий по максиме этики ответственности

осознает, что именно ему и предстоит расплачиваться за последствия своих поступков. "Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками", - пишет Вебер. (2)

Нравственный мотив деятельности политика - добиваться успеха (он профессионал, который подобно любому другому профессионалу не может не быть ориентированным на достижение успеха), но в то же время он обязан рассматривать свою деятельность как служение Делу, как ориентацию на успех Дела, без непрременной непосредственной установки на личный успех.

Такой политически одаренный человек (иначе его не назвать и речь должна идти именно о таком человеке, а не о всяком, кому взбрело бы в голову попытать счастья в политике, поиграть в политику, заняться политикой как фривольной интеллектуальной забавой) охвачен настоящей страстью. Он рожден и вскормлен такой страстью, нацелен на существо дела, а не на соображения корыстолюбия, честолюбия, властолюбия. И это не звонкая риторика, а психологически выверенное описание мотивации "истинного" политика. Он преисполнен страсти самоотдачи Делу и потому столь неохотно покидает политическую арену, когда к тому вынуждают обстоятельства.

О служении идее и самореализации

Но призвание, служение Делу необходимо четко отличать от служения Идее. В последнем случае, во-первых, личность предпочитает рассматривать себя не в качестве самоцели, а лишь как средство реализации Идеи, как строительный материал, ценность которого всецело определяется местом, ролью, пользой, эффективностью реализации Идеи. Во-вторых, личность легко совращается духом цезаристского избранничества, что позволяет ей без особого труда релятивизировать рациональную и естественную мораль, без колебаний преступать их запреты, трактуя их в качестве "предрассудков человечности". Вдохновленная служением Идее личность, в-третьих, готова иезуитски оправдывать варварские, бесчеловечные средства достижения суперцели, то есть Проекта, воплощающего Идею. Она, в-четвертых, заражается фанатизмом, который делает ее слепой и глухой к резонам рассудка и голосу нравственных чувств, пониманию меры в собственных деяниях.

Все это отличается от подлинного призвания, которое требовательно прежде всего к себе и великодушно к другим. Между тем возведенная в абсолют вера фанатика морально развращает отнюдь не меньше, нежели развращает политика бесконтрольная власть над людьми. "Для Фаната, - писал Н.Бердяев, - не существует многообразного мира. Это человек, одержимый одним. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем, кроме одного. Психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Именно эта идея фанатизирует душу. Есть единое, которое спасает, все остальное губит. Поэтому нужно целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий погибелью...Верующий бескорыстный, идейный человек может быть изувером, совершать величайшие жестокости. Отдать себя без остатка Богу или идее, замещающей Бога, минуя человека, превратить человека в средство и орудие для славы Божьей или для реализации идеи, значит стать фанатиком-изувером и даже извергом... Фанатик знает лишь идею, но не знает человека, не знает человека и тогда, когда борется за идею человека". (3) Этот прекрасный этюд философа побуждает припомнить желчный афоризм: революции готовят утописты, совершают фанатики, плодами же их пользуются негодяи.

Дело и самореализация личности кажутся явлениями однопорядковыми, чуть ли ни синонимичными. Призвание артикулирует ценности политического успеха посредством "одухотворенного прагматизма", освоения "духовного капитала", через систему нравственных значений. Вот почему мы обязаны соотнести идею успеха не только с Делом, но и с самореализацией человека.

Тем не менее нельзя не признать существование известного конфликта между Делом и самореализацией, некоторой асимметрии в их соотношении. Человек отдает предпочтение либо Делу, либо самореализации, налаживая прихотливое иерархическое отношение между ними. Но разве не совершается одно через другое?

Не совсем так. Допустим, художественные натуры предпочитают самореализацию, самовыражение, тогда как люди с практической жилкой скорее сделают выбор в пользу служения Делу. Соответственно, для достижения успеха в служении Делу необходима мобилизация морально-деловых качеств человека, тогда как для успеха самореализации необходим весь человек. Служение Делу, как и служение музам, не терпит суеты, однако ранг самореализации даже выше ранга Дела. Самореализация ведет к самосовершенствованию, ставит человека в позицию критики самого себя, вовлекает в наиболее сложное из всех существующих и возможных искусств - творение самого себя.

О прегрешении морализаторства

Не впадает ли Вебер в данный грех, применяя столь высокий стандарт пригодности к "подлинному" политику? Не свойственна ли Веберу идеализация политической деятельности, этого вполне земного, пожалуй, даже слишком земного дела? Не в заоблачных ли высотах витает классик социологии, отыскивая своего героя от политики?

Вебера реабилитируют его собственные предупреждения. В докладе мы читаем: "Политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком "человеческого" врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе. Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах - это род профессионального заболевания. Но когда это касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научному предприятию. Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к власти как необходимому средству. Поэтому "инстинкт власти", как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым, предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того, чтобы служить исключительно "делу". Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и, - что часто, но не всегда то же самое - безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу". (4)

На основании этических парадоксов политики Вебер приходит к выводу о том, что кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно другие задачи. "Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать "и все-таки!", - лишь тот имеет "профессиональное призвание" к политике". (5)

Поппер versus Платон

Многим известно, что в центр политологических штудий великого грека была поставлена проблема-вопрос: "Кто должен править в государстве?". Не приходится доказывать, сколь важен ответ на эту поистине сфинксову загадку для политической этики. Ведь кто рискнул однажды озадачить себя этим вопросом, тот обречен ответить: у руля государственного управления, от чего так сильно зависят судьбы огромного множества людей, должны быть поставлены не просто доброхоты, а лучшие люди страны (города, области), мудрейшие, сведующие в многотрудном искусстве правления, честнейшие, наконец. Им предстоит на высоком профессиональном уровне решать политические вопросы и в то же время насыщать всю сферу управления государством нравственным потенциалом.

Данный вопрос можно плавно, без нажима транспонировать в другую тональность. Спрашивается: кому можно поручить воспитание молодого поколения, кому можно доверить здоровье человека или юридическую защиту его прав, кому имеет смысл выдать пропуск в науку - разве не самым лучшим, сведущим, честным, преданным своему Делу? Но вот совсем иная плоскость вопрошания: где, любопытно было бы узнать, раздобыть для всего этого потребное количество прекрасных, бескорыстных, сведущих и честнейших людей? В каких парниках их выращивать и как производить отбор, кому можно доверить такую селективную работу? Может быть, в нашем высокопрофессионализированном мире, который дает искушающую власть над людьми, проще и лучше пойти по пути воздержания от подобной серии вопросов, ведущих в "никуда"?

Так или иначе, но Карл Поппер начинает дискуссию с того, что указывает на скрытое допущение, выявленное им в платоновском вопрошании. Вот оно: политическая власть практически в такой мере суверенна, что принципиально не подлежит контролю со стороны тех, над кем простирается власть политиков. Если принять подобное допущение, тогда, естественно, - нет более животрепещущего вопроса, нежели вопрос о достоинстве держателей власти. Они должны быть столь безупречными с точки зрения профессиональной подготовленности и нравственной порядочности, чтобы можно было быть спокойными за судьбы государства ("верхи не дремлют!"), за благополучие общества без всякого контроля - никакие силы и соблазны не собьют правителей со стези добродетели!

Но, веско замечает критик, подобная концепция просто не реалистична, и не потому, что всяк, кто взялся бы отыскать добродетельных политиков, остался бы ни с чем, а потому, что никогда не существовало неконтролируемой политической власти: даже, скажем, самый могущественный тиран и тот зависит от своей секретной полиции, от своих приспешников и помощников, а править он может, лишь ловко лавируя между различными группировками. Поппер считает просто безумием основывать наши политические действия на слабой надежде отыскать превосходных правителей. Опыт - и, ясное дело, не одного только Поппера, - свидетельствует, что правители редко поднимались над средним уровнем как в интеллектуальном, так и в нравственном отношениях.

Необходимо решительно отклонить нашпигованный всевозможными парадоксами вопрос "Кто должен править?". Теория демократического управления общественными делами не основывается на учении о добре и справедливости правителей или даже правящего большинства. "Демократия" это всего лишь краткое обозначение правительства, от которого мы можем избавиться без кровопролития. Гарантами такой обнадеживающей возможности являются, во-первых, общественно-политические институты, а во-вторых, общественные традиции как связующее звено между личностями и институтами. Акцент следует делать не на выборы естественных лидеров и обучении их руководству, вообще не на личности, а на организацию *безличностных* институтов контроля над властью и противовесов ей. Именно это обеспечит успешность правления и сделает власть этически оправданной, так как она не только станет служить гражданам, но и обеспечит их свободу.

Но, размышляет далее Поппер, было бы ошибочно противопоставлять институционализм персонализму. Любая долговременная политика опирается на институты, нагружая их, в частности, задачами по подбору будущих лидеров и качество функционирования институтов всегда будет зависеть и от вовлеченных в них людей. "Институты - как крепости: их надо хорошо спроектировать и заселить".(6) Однако критика институтов демократии по "моральным соображениям" за утрату политиками некоторых нравственных идеалов несправедлива. Если в нашей власти отправить в отставку морально недостойных политиков, то их критика должна перерасти в самокритику граждан (это тот случай, когда они имеют то правительство, которое заслуживают!).

В свою очередь, сократическое отождествление воспитательной и политической деятельности может быть легко искажено в духе государственного контроля над нравственностью граждан, так как поиск честного политика столь же легко влечет за собой подавление "лучших" путем ограничения интеллектуальных свобод. Воспитательная миссия может

трактоваться как пробуждение способности граждан к самокритике и критического мышления как такового, но не как формирование самодовольного держателя истины, высоко вознесенного над остальными людьми как по причине своей "мудрости", так и в силу своей власти.

К. Поппер приходит к следующему заключению: вряд ли можно придумать институты для выбора наиболее выдающихся лидеров, а потому надлежит готовиться к наихудшим лидерам, хотя стремиться, разумеется, надо к тому, чтобы обрести лучших. Вообще трудно найти человека, характер которого не испортила бы власть.

Заметим, что Поппер осторожно обходит стороной моральные аспекты реализации демократической власти. Он проявляет склонность к явным упрощениям при решении таких вопросов, как осуществление общественных предпочтений в условиях конкурентной демократии и политического плюрализма; достижение ценностного консенсуса; оценка достоинств плебисцитарной демократии в современных обществах; разрешение противоречий между волей правящих меньшинств, отнюдь не всегда избираемых и потому подлежащих замене (власть как привилегия бюрократии, финансовых групп, различных групп давления и т.п.) и волей большинства. А эти вопросы опять-таки кружным путем вновь подводят к интригующему платоновскому вопросу и его, нам думается, не решить небрежной отсылкой к проблеме минимизации возможного ущерба от действий "худших" правителей.

Как справедливо заметил канадский политолог Фред Эйдлин, призыв Поппера к защите демократических институтов без труда трансформируется в простую рационализацию институционального статус кво, подпирającego некое специфическое распределение власти и привилегий. К тому же, гарантиями выживания демократии в большей мере выступают не институты, ограничивающие власть, а система народных привычек, убеждений и верований, политическая культура "низов". Стало быть, вопрос "Кто должен править?" оказывается неотделимым от проблем легитимации, добровольного подчинения именно тем, кого граждане считают достойными для того, чтобы быть правителями, даже тогда, когда те предпринимают действия, которые не по нраву большинству из этих граждан (запас авторитета власти).

Снова о лучших

Постановка Платоном вопроса о "лучших", которым он разрешал ради пользы тех, кто им подвластен, прибегать ко лжи, морально релятивизированным поступкам, вопреки Попперу не лишена смысла совсем в другом плане. Постановка эта связана с античным идеалом прямой, непосредственной демократии, с "горизонтальным" измерением политики. В ту эпоху "первоначального накопления демократии" ее вертикальное измерение, ее иерархизация были относительно незначительными, малосущественными. Американский политолог Джованни Сартори замечает по этому поводу, что сравнивать вертикальное измерение полисной демократии с подобным же измерением представительной демократии национального масштаба - все равно, что сравнивать венецианскую колокольню с Эверестом.

Ограничимся сейчас несогласием с Сартори в том аспекте, когда автор убеждает, будто представительная демократия была сотворена "без ценностной опоры", без которой демократия непосредственная просто невозможна. Он считает, что представительная демократия остается без идеалов и хуже всего то, что в идеалах современных обществ демократия легко обнаруживает идеалы ей враждебные. (7) Такое суждение представляется нам излишне категоричным.

Но прислушаемся к доводам сторон. Конечно, не может быть двух мнений относительно справедливости упреков в адрес апологетической литературы, которая выставляет представительную демократию столь великой и непорочной политической системой, насколько вообще позволяет быть таковой человеческое несовершенство. Подобные претензии просто наивны, хотя энергия, с какой они высказываются, не испытывает пока признаков истощения. Без особого риска можно присоединиться к более мягкому суждению

Р.Арона, согласно которому "режимы, обычно называемые демократическими, не могут не вызывать разочарования в силу своей прозаичности и от того, что их высшие добродетели негативны. Они прозаичны, ибо считаются с несовершенством человеческой природы. Они мирятся с тем, что власть обусловлена соперничеством групп и идей. Они стремятся ограничить реальную власть, поскольку убеждены, что заполучившие власть люди злоупотребляют ею. Есть у таких режимов и позитивные качества - уважение к конституционности, личным свободам; все же наивысшие их добродетели скорее носят негативный характер. Осознаешь это лишь тогда, когда теряешь возможность пользоваться ими. Такие режимы препятствуют тому, чему не препятствуют все прочие". (8)

В чем же заключается проблема "ценностной опоры"? Реальную политику "делает" политическая элита, а возврат к непосредственной демократии и античным идеалам просто невозможен в современном, сложном и причудливо структурированном обществе (что не умаляет значимости ряда важнейших элементов прямой демократии - плебисцитов, непосредственности "низовой" демократии, местного самоуправления и др.). Что же собой представляет политическая элита с точки зрения ценностного подхода к ней: действительно "лучших" - или "отборных" (согласно Вильфредо Парето), по-настоящему "избранных", но не просто "выбранных"? Но разве в современном политическом наречии "элиты" не означают этически нейтральное понятие (согласно функционалисту Гарольду Ласуэллу), просто отождествленное с "власть и привилегии имущими"? Может быть, следовало бы взять, да и откреститься от термина "элита" и пользоваться менее выразительным, но зато более точным термином "правлящий класс" или же расплывчатым термином "политический класс" (по Газтано Моска)? Кроме того, где уверенность, что большинство предпочтет у избирательных урн такое "правлящее меньшинство", которое сплошь бы состояло из "лучших"? Что "лучшие", на худой конец, будут преобладать среди прошедших на должности как численно, так и по степени влияния при принятии политических решений?

Демократия, полагает Сартори, есть выборная полиархия и вопрос о ее деонтике заключается в уяснении фактической ситуации: способна ли она достигать политико-управленческих успехов (скорее безличностных, нежели персональных), оправдывая возлагаемые на нее надежды, если она не несет в самой себе собственного ценностного воздействия? Автор считает, что политическая жизнь остается аксиологически невоспринятой и выход из создавшегося положения видит во включенности в эту жизнь системы селекции конкурирующих избираемых меньшинств.

Далее, если при прямой демократии равенство граждан представляет собой важнейшую ценность, то при вертикальной демократии место равенства на вершине системы политических ценностей занимает свобода. Здесь приходится считаться, говоря несколько легкомысленно, с "правилом Монтескье", направленным на исключение элементарного равенства на основании общей "недостойности": лучше решения принимать меньшинством голосов, чем большинством - ведь все признают, что умных людей меньше, чем глупых!

Но это, на наш взгляд, не может служить основанием для линейного противопоставления свободы равенству. Более того, это ставит совсем иную проблему: поиска путей подотчетности властной политической элиты (понимаемой этически нейтрально) интеллектуальным, культурным элитам, вообще неполитическим элитам, в которых неразборчивая избирательная машина как бы уступает первенство ценностным критериям. Таким образом встает проблема поиска решения неоднородного равенства, точнее, равенства по меритократическим основаниям - достоинству, заслугам, способностям.

Тем временем демократия демонстрирует некоторые черты упадка, утраты авторитета, в том числе благодаря неустойчивости моральных стандартов политиков. Практически Сартори возвращается к веберовской идее особого типа моральной ответственности политиков (не только перед кем-то, но и за что-то) и демократия, при всем ее несовершенстве, просто не могла бы функционировать без такой ответственности, без "ценностных опор", заложенных в требованиях политической этики. Последняя, не исключено, сыграла

такую же роль в становлении демократических институтов, какую исполнила двойная бухгалтерия, созданная итальянским математиком XV века Лукой Пачоли в становлении рыночной экономики. Она требовала самоограничения власти, определяла нормы деятельности в "мегамашине" взаимодействия различных властей и институтов, освящала правила конфликтного поведения лиц, групп, объединений в многомерном политико-правовом пространстве, "обслуживая" бесперебойность и эффективность процессов в этом пространстве, регулируя моральными средствами сложные отношения "лидеры - политократы - массы".

Политическая этика сформировалась не на пустом месте - в виде некоей "пришлой морали", а в процессе переработки богатого духовного наследия. Таким исходным "материалом", как мы уже отмечали выше, служили аристократический, патрицианский и бюрократические этосы управления, этика романтизма, сентиментализма, дендизма, но прежде всего этика джентльменства. Такая переработка позволяла избежать апологии наличной политической практики и потому в своей критической направленности политическая этика содействовала углублению демократических процессов, преодолению кризисных явлений в политической сфере.

Следование нормам этики политического успеха во всех случаях является результатом самостоятельного свободного морального выбора политиков, оказавшихся в орбите наполненной опасностями и противоречиями политической деятельности. Она образует поле, усыпанное, по сравнению одного американского политика, яйцами, начиненными динамитом. Стало быть, верность этим нормам является безусловной заслугой совершивших такой ответственный и необычайно трудный выбор - путь к политическому успеху не усыпан розами.

(продолжение цикла следует)

-
- (1) Вебер Макс. Избранные произведения. - М., Прогресс, 1990, с.694.
 - (2) Вебер М. Цит. соч., С.697.
 - (3) Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Философские науки, 1991, N8, С.124,128.
 - (4) Вебер М. Цит. соч. С.691.
 - (5) Там же. С.706.
 - (6) Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992, С.167.
 - (7) Сартори Д. Вертикальная демократия // ПОЛИС, N2, с.84.
 - (8) Арон Р. Демократия и тоталитаризм. - М., 1993, С.135-136.

Е.Ш. Гонтмахер ***Корпорация политиков и ее влияние на жизнь*** ***России***

Мой взгляд на политическую корпоративность стереоскопичен: с одной стороны, как экономист, выступающий в качестве консультанта или эксперта, я общаюсь с политиками самых различных рангов, но с другой - мне все чаще и самому приходится участвовать в принятии политических решений. Такая позиция дает обильный материал для размышлений об основных чертах политической корпоративности в России.

Прежде всего определим, что такое корпоративность? С моей точки зрения, это система личных взаимоотношений между людьми, работающими в одной и той же сфере. Говоря точнее, корпоративность - это дух общности, осознаваемый всеми участниками корпорации и диктующий определенные "правила игры" и типы поведения.

Возникает вопрос: всегда ли атмосфера, определяемая духом корпоративности, является атмосферой взаимного сотрудничества? Думаю, что для некоторых форм корпорации, особенно наиболее патриархальных, например, цеха ремесленников, это действительно

так. В них главной целью сотрудничества была защита коллективных имущественных интересов (противостояние внешнему давлению, ограничение конкуренции и т.п.). Однако известно, что при этом существовали и семейные профессиональные секреты, которые передавались от отца к сыну и не могли влиять на коллективную атмосферу.

Корпорации, не имеющие формальных оснований (т.е. не объединенные в организации типа Союза писателей или Союза журналистов) отличаются несколько иным характером коллективного взаимодействия. Союз журналистов трудно сравнить с ремесленным цехом, однако не вызывает сомнения, что и эта структура нацелена на защиту определенных коллективных – корпоративных - интересов. При этом личные взаимоотношения между членами Союза журналистов могут носить ярко выраженный конкурентный характер. Тип политической корпоративности не знает формальной оболочки. У политиков есть Парламентский клуб, клубы типа "Реалистов", но это не более чем интеллигентские посиделки, повод пообщаться и обсудить что-то в неформальной обстановке. Коллективного имущественно - материального интереса здесь нет.

Именно поэтому политическую корпоративность можно охарактеризовать как общность людей, которые относятся друг к другу в лучшем случае настороженно и у которых, на первый взгляд, нет никаких общих интересов. И тем не менее политическая общность, основанная на взаимных интересах, в действительности существует. Что это за интересы? В первую очередь они связаны с возможностью межличностного общения. Политики стремятся к общению друг с другом, и это, как правило, обусловлено отнюдь не прагматическими целями, а тем, что собственная профессиональная среда является для них наиболее комфортной в культурном и психологическом отношениях. Возможно, это обстоятельство роднит политические корпорации и формальные организации: речь идет о "духе общности". Здесь важно все: знакомые лица, характерный жаргон, возможность не быть на виду, снять маску, которая неотделима от политика в другой профессиональной сфере. Большой взаимный интерес представляет общение ради обмена или получения информации о намерениях друг друга, неформальное обсуждение общих, "корпоративных" вопросов. Не надо сбрасывать со счетов и престижность подобного единения, своеобразные попытки самоутвердиться за счет того, что ты тоже "не лыком шит", а принят в круг, куда стремятся попасть многие (похожий эффект можно наблюдать в театрах или концертных залах, когда первые ряды на самых "дефицитных" зрелищных мероприятиях заняты "толстосумами").

Кто составляет корпорацию политиков? Безусловно, это прежде всего люди, в той или иной степени причастные к принятию политических решений. По степени влияния на политический процесс их можно разбить на несколько категорий: собственно политики, то есть люди, занимающие политические должности (депутаты, высокие чиновники из исполнительной власти); крупные предприниматели - "денежные мешки"; специалисты-интеллектуалы – консультанты и советники, обслуживающие потребности политиков высокого ранга; журналисты, к мнению которых зачастую приходится прислушиваться политикам, озабоченным своим имиджем. Все эти люди образуют ядро политической корпорации и формируют ее «дух».

Выше я отмечал, что этому типу корпоративности не присущ общий материальный или имущественный интерес. Но у каждой из перечисленных категорий он имеется, причем всякий раз свой. У политиков – приобретение и сохранение привилегированного материального положения, для чего подчас используются самые разные средства (вспомним, например, достаточно широкий арсенал способов увеличения личного дохода, к которым прибегали члены Государственной Думы); у предпринимателей – укрепление или приобретение привилегированного положения по отношению к своим конкурентам (например, льготное налогообложение, размещение госзаказа) путем удачной оплаты политических решений; у специалистов – обогащение за счет консультирования высокопоставленных политиков, которое является основным и часто очень неплохим источником дохода; у журналистов - приобщение к рынку заказных статей или программ, торговля эксклюзивной информацией.

Именно из-за переплетения столь разнообразных материальных интересов российская политическая корпоративность стала сферой общественной жизни, пропускающей через себя деньги, объем которых сопоставим с оборотными средствами некоторых отраслей нашей промышленности. Следует добавить, что эти деньги невозможно обложить никакими государственными налогами, поскольку они переходят из рук в руки в виде долларовой наличности. Отчасти по этой причине неотъемлемым «приложением» к корпорации политиков являются всякого рода закрытые клубы и бизнес-клубы, где в узком кругу "своих" можно не только пообщаться и развлечься, но и деньги спустить.

Можно ли такую структуру российской политической корпоративности считать вполне цивилизованным? Думаю, что да, при условии, если таковыми можно считать аналогичные структуры практически всех демократических стран, группируемые примерно таким же образом. Однако российские политические круги отличаются заметной пестротой персонального состава (возможно, обусловленной хроническим отсутствием механизмов «естественного отбора» людей для роли политиков), а также неприкрытостью того, что следует оставлять «за кулисами». Тем не менее, можно утверждать, что российская политическая элита начинает приобретать профессиональные черты.

Одним из доказательств этого является тот факт, что значительная часть претендентов на звание депутата в результате последних трех выборных марафонов смогла добиться успеха: при формировании Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета РСФСР, Государственной Думы. Добились политического признания также и те, кто при соблюдении демократических процедур (порой минимальном) стал мэром, главой администрации, председателем областного (республиканского) законодательного органа. Появились и те, кто сделал политику своей профессией, не работая в какой-либо из оплачиваемых государством политических структур (например, Константин Боровой).

Какова степень влияния политической корпоративности на жизнь России? Это еще один "клуб по интересам", или еще одна власть (четвертая, пятая...)? Для ответа на вопрос, видимо, нужна точка отсчета. Выше я упомянул, что по многим параметрам российская политическая корпоративность начинает напоминать свой западный аналог, хотя их отличает некоторая местная специфика. Здесь хотелось бы обратить внимание на одно фундаментальное различие: в состав политической корпорации России не входят высшие руководители государства - Президент и премьер-министр. Их общение с другими политиками подчеркнуто формально, обставлено многочисленными чуть ли не протокольными, церемониями. Между тем, например, в США президент регулярно посещает политические «тусовки», которые в неформальной обстановке устраиваются где-нибудь на периферии далеко не столичного штата. Там он (без галстука!) общается с узким кругом наиболее влиятельных бизнесменов, специалистов, не работающих в Белом доме, и не исключено, что именно здесь впервые возникают некоторые президентские решения, касающиеся внутренней и внешней политики.

Представить себе подобное в России пока невозможно по многим причинам. Это прежде всего жесткая заблокированность нынешнего Президента и в меньшей степени премьера ближайшим окружением, боязнь их выхода на те или иные неподконтрольные источники информации или, что еще хуже, влияния. В данном случае можно говорить о противодействии одной политической корпорации, назовем ее "широкой", - другой, "узкой", состоящей всего из нескольких человек, которые обладают монопольным правом общения с Президентом и премьером. Интересно, что "коллективы" этих двух корпораций (за очень редким исключением) практически не общаются между собой по неформальным, в том числе и корпоративным, правилам.

На степень проникновения высших представителей политической власти «духом» корпоративности не последнее влияние оказывают особенности их политической карьеры. Оба они - выходцы из верхнего эшелона прежней партийно-хозяйственной номенклатуры, у которой были свои, также корпоративные, правила общения. Прежде всего, они основывались на распределении представителей власти в партийно-правительственной иерархии.

Например, представить себе Генерального секретаря ЦК КПСС в бане с группой депутатов Верховного Совета СССР было просто невозможно. Продвигаясь по служебной лестнице, крупный партийный функционер, как правило, периодически менял круг своего корпоративного общения, который, по мере приближения к вершине пирамиды власти, становился все уже и уже. Дойдя до самой вершины, Б.Н. Ельцин, несмотря на значительные изменения в окружающей его политической системе, продолжает оставаться в русле этой традиции, видимо, считая, что как и с кем общаться - это его личное дело. Таким образом, его политическая культура пока не позволила ему принять те универсальные для цивилизационного Запада правила игры, которые начинают определять лицо и российской политической корпоративности.

Обособленное положение Президента в стране, где он имеет очень широкие полномочия, в большей мере обуславливает тот факт, что в рамках российской политической корпоративности пока не принимается сколько-нибудь принципиальных для России решений. До сих пор это прерогатива той, узкой корпорации политиков, которые непроницаемым кольцом окружают Ельцина. Думается, такое положение дел на российской политической арене не носит фатального характера. Многое будет зависеть от того, кто победит на выборах в июне 1996 года. Для предмета нашего разговора определяющее значение имеет политическое происхождение следующего российского Президента, поведение его команды.

Но пока корпорация политиков больше напоминает "клуб по интересам", чем одну из ветвей власти. Черты политической корпорации сложились только у столичных (московских и санкт-петербургских) политиков. В провинции местные политические элиты живут по старым номенклатурным законам, тем более что «новые» элиты – это фактически «перелицованные» старые. Подавляющее большинство активных выдвиженцев из демократической волны перебралось в Москву и составило значительную часть столичной политической корпорации.

Складывающаяся политическая корпоративность пока не вызывает заметного резонанса в общественном сознании. Это совершенно новое и малопонятное для России явление. Пожалуй, рядовые граждане могут столкнуться с ним непосредственно лишь при одном обстоятельстве – наблюдая за ходом голосования по вопросу о лишении депутатской неприкосновенности.

Однако сейчас говорить о слабости «духа» политической корпоративности совершенно недостаточно. Дело в том, что "узкой" политической корпорацией ведется достаточно успешная работа по дискредитации сферы публичной политики, политической деятельности как профессии. Стало уже банальностью повторять, что "политика - это грязное дело". В средствах массовой информации работа Государственной Думы подается как «большой балаган», поглощающий деньги налогоплательщиков, навяз в зубах разговор о депутатских привилегиях и т.д. и т.п. Безусловно, таким настроениям способствуют и сами политики, точнее те из них, которые то ведут себя как клоуны, то приватизируют служебные квартиры. Однако подобные явления вряд ли следует считать массовыми и преувеличивать их значение.

Для чего дискредитация публичной политики нужна "узкой" корпорации? Для того, чтобы фактически законсервировать созданную ею монополию на реальную политическую деятельность как область принятия решений. На деле речь идет о том, приобретет ли политическая жизнь России цивилизованные формы.

Л.А. Радзиховский **Корпоративный этос сообщества журналистов**

Любое человеческое, в том числе профессиональное сообщество включает ряд характеристик. *Плотность* сообщества - это частота связей между его членами, количество их контактов друг с другом за единицу времени, количество реальных или внутренних (мысленных) контактов с коллегами. Например, токарь, который работает на большом заводе, име-

ет сотни контактов с коллегами каждый день, а математик, работающий в провинциальном колледже, почти не встречается с реальными коллегами, но ведет с ними постоянный и напряженный внутренний диалог. В итоге плотность сообщества математиков выше, чем плотность сообщества токарей.

Рисковость сообщества также имеет реальную и социальную составляющую. Реальная - физический риск, связанный с профессией, например, пожарника, социальная - степень отвержения данного сообщества окружающим миром. Поэтому у того же пожарника социальный риск близок к нулю - это вполне одобряемая профессия. А скажем, работа палача, стукача или собаколова сопряжена с большим социальным риском. Очевидно, чем больше риск, тем прочнее связано сообщество. Риск (равно как и отверженность во внешнем мире) сплачивает. Это относится не только к профессиям. К примеру, быть евреем - тоже риск (а если ты к тому же еще и журналист...). Да, риск сплачивает, но может быть связан и с другой категорией - внутренней конфликтностью самого сообщества.

Всякая структура имеет две противоположные тенденции: прочность, связанность, которая выделяет ее во внешнем мире, и внутреннюю конфликтность (диссоциацию, если угодно), которая размывает, разрушает эту структуру изнутри. В структурах с максимально высоким риском конфликтность часто крайне высока. Возьмем классическое сообщество такого рода - мафию. Для мафии характерен едва ли не самый высокий из всех известных форм людского объединения риск, причем как реальный, так и социальный. По их сочетанию сообщество рискующих и отверженных действительно образует особый мир в куда большей степени, чем сообщество математиков, каскадеров или палачей.

Однако, когда те же отношения представлены внутри сообщества, это порождает столь же высокую конфликтность. Именно предельно высокий уровень внутренних конфликтов и создает основной физический риск мафиозного сообщества. По статистике, на одного преступника, убитого милицией, приходится несколько убитых "своими". То же характерно и для этнических сообществ, внутри которых нередко проходят криминальные нити. Бизнесмены чаще всего становятся жертвой преступников своей же национальности - так обстоит дело и с итальянцами, и с грузинами.

Однако внутренняя конфликтность не уменьшает прочности сообщества. Бандит, который боится других бандитов, не теряет корпоративной морали и этики. Даже пойдя на контакт с милицией ("ссучившись"), он, как правило, продолжает оценивать окружающий мир в категориях своего сообщества, психологически остается "по ту сторону" решетки. Другой пример - те же евреи. Как "включенный наблюдатель" могу сказать: слухи о нашей солидарности здорово преувеличены. Между любыми двумя евреями конфликт более вероятен, чем между любым из них и "внешним" миром. Внутренняя конфликтность в сочетании с прочностью позволяет оценить другое измерение сообщества - его "качество", *надежность*.

Надежность преступного сообщества очень невелика, хотя прочность огромна. А надежность мирной профессии врача-стоматолога куда выше, хотя прочность соответствующего рыхлого сообщества, члены которого могут очень мало общаться друг с другом, - ничтожна.

Есть сообщества более или менее *эзотерические*. Максимально эзотерическое сообщество - те же математики. Результаты их деятельности понятны только им самим. Вне своего сообщества математик не найдет ни судей, ни потребителей собственной продукции. А вот политики образуют сообщества с минимальной эзотеричностью. Их деятельность не просто предельно публична, как, к примеру, у спортсмена. Но если о секретах спортивного мастерства (скажем, в шахматах) судить могут немногие, то о деятельности политика практически всякий.

Исходя из своего знакомства с политиками, я не стал бы утверждать, что "мне не смешно, когда маляр ничтожный при мне уродует полотна Рафаэля". Не такие уж эти интриганы Рафаэли. Народ чаще любовно называет своих избранников "козлы". Может, народ не так уж и неправ? Элемент политики, «политические игры» есть в любой профессии, и

в политике они не более изощрены, чем внутри других сообществ. Разница лишь в том, что у политиков меньше (а, точнее, просто нет) собственно позитивного содержания. В любой деятельности есть интрига-ради-власти (денег), но есть дело-ради-результата. У политика же единственный результат - эта самая власть. Собственно "чистый", содержательный, позитивный элемент из деятельности "выпаривается". Поэтому политику и называют "грязным делом". В ней не больше грязи, чем в другом деле, но куда меньше чистоты - вот в чем правда.

Попробуем теперь обозначить основной набор категорий, с помощью которых можно описывать нелегкий труд журналиста.

Как у представителей любой творческой профессии, у журналистов велика плотность идеального общения. Они достаточно много напрямую контактируют друг с другом - для этого придуманы и редсовещания, и бесконечные "тусовки". Но еще сильнее можно ощутить свою цеховую принадлежность в минуты идеального общения с коллегами - когда читаешь их творения, смотришь ТВ и т.д. Здесь чаще (и чище) проявляются профессиональные критерии, "что такое хорошо, что такое плохо".

Свидетельствует ли это о высокой эзотеричности сообщества? Разумеется, нет. По своей открытости, по не слишком сложным секретам мастерства стоит журналистское сословие рядом с политиками. Это, кстати, легко определить даже чисто формально: журналисты все "учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь". Конечно, Пушкин написал это про благородную - и достаточно эзотеричную - профессию поэта. Но поэт, все-таки, в огромной мере существует в воображаемом мире, журналист же орудует в куда более грубом реальном.

Про нашего брата, "акробатов пера и гиен фарса" Грибоедов метко заметил:

"... И крепко на руку нечист;

Да умный человек не может быть не плутом;

Когда ж о честности высокой говорит,

Каким-то демоном внушаем:

Глаза в крови, лицо горит,

Сам плачет, и мы все рыдаем".

Как известно, прототипом этого персонажа был граф Ф.Н.Толстой - "американец" (Лев Толстой так гордился этим своим легендарным родственником, что описал его в сильно романтизированном и приукрашенном виде как Долохова). Так вот, рассказывают, Толстой-американец играл однажды в карты с Пушкиным. Александр Сергеевич заметил, что он передергивает. "Сам знаю про то, сударь мой, - грозно отвечивал граф, - да не люблю, когда мне об этом говорят!". Пожалуй, в этой великолепной фразе - основа профессиональной чести и этики представителей нашей профессии.

Когда-то журналистов называли "сердца беспокойные". Станешь беспокойным - надо и власть имущим угодить, и гражданскую доблесть продемонстрировать! Стресс, да и только.

Если журналист не будет бить себя по персям, говоря "о подвигах, о доблести, о славе", то кто ему поверит, кто, соответственно, заплатит? Актер изображает благородного отца только на сцене и вовсе не тщится быть им по жизни. Он произносит текст не от своего имени, а от имени персонажа. Журналист - дело иное. Он должен "ударить по сердцам с невиданной силой" от своего имени. Конечно, многие пытаются "отмазаться" хотя бы от такого обдуривания публики, говоря - мы не морализаторы, мы всего лишь даем информацию. Отчасти это действительно снижает моральную планку, которую журналист-резонер возносит выше крыши. Но и дающий информацию по меньшей мере молчаливо намекает, что его осетрина - первой свежести. В жизни это, мягко говоря, далеко не так - информация часто заказная. В общем, выдать из своего ремесла элемент морализаторства журналист не может - без этого бывает только прогноз погоды.

Журналисты всячески стараются раздуть якобы присущий их профессии реальный риск и уменьшить риск социальный. Наш брат из кожи лезет, чтобы объяснить, что его

"служба и опасна, и трудна". Здесь, без сомнения, срабатывает закон, описанный Хэмингуэем.

Есть, утверждал великий любитель боя быков, реальный риск, а есть его имитация. Матадор может стоять "на территории быка", где всякое движение действительно смертельно опасно. Вот там эта точная, жесткая и экономная игра со смертью красива, и всякое движение полно внутренней логики, а, значит, великолепно. Но если матадор стоит пусть даже в миллиметре за "территорией быка", он рискует уже на порядок меньше, хотя изображает все тот же великий риск. Турист из Алабамы, приехавший в Испанию, все равно заходится от волнения, но для настоящего знатока эти движения матадора отвратительны – они лишены всякого внутреннего оправдания, постыдны.

Почти все журналисты постоянно работают на «территории матадора», а делают вид, будто рискуют шкурой на «территории быка». Прошу понять меня правильно - я не осуждаю коллег и, уж тем более, не выделяю себя из общих дружных рядов. Аплодисменты слушать приятно и хотя бы по этой одной этой причине не хочешь, чтобы тебя по настоящему поддели на рога и перебросили через голову.

"Перейти на личности"? Это не вполне справедливо. Ведь люди, над которыми иронизируешь, ничуть не хуже остальных, их вина, пожалуй, лишь в том, что они более известны, что их имена на слуху. Впрочем, может, это действительно вина или, по меньшей мере, удовольствие, за который надо как-то платить - хотя бы выслушивая критику в свой адрес?

Ну а в целом наша профессия - вполне почтенная, не хуже многих других. И оплачивается недурственно.

А.Г. Быстрицкий
Корпоративизм в России

Хочется начать текст условным определением из возможного толкового словаря будущего русского языка: "Корпоративизм - ... один из принципов социальной организации российского общества, основан на объединении по общности профессиональных или меж-профессиональных интересов, оказывает влияние на политическую, экономическую, социальную жизнь общества..."

А если серьезно, то, к сожалению, корпоративизм в указанном выше смысле в России представлен весьма слабо. Не вижу необходимости вдаваться вообще в проблемы философии и социологии корпоративизма, замечу только, что, взятый сам по себе, он является весьма существенным обстоятельством в жизни любого общества. Говоря о корпоративизме, следует иметь в виду то, что можно назвать *профессиональным измерением* в социальной стратификации, причем это измерение выходит за пределы одного государства или одной страны. Более того, корпоративизм шире национальных культур и религиозных различий. Вместе с тем корпоративизм нельзя рассматривать как исключительно положительное или как исключительно отрицательное явление. Все зависит от того, в каком социальном контексте указанный корпоративизм находится.

Приведу пример. Во многих государствах на протяжении столетий существовали и существуют преступные сообщества, корпорации проституток, нищих, наркоманов и т.п. Особенность таких корпораций - их антиобщественная направленность, во всяком случае до известной меры. Конечно, длительное существование преступных корпораций свидетельствует о том, что они в симбиозе с обществом нашли какой-то "модус вивенди", позволяющий им сохраняться на протяжении многих столетий. Так, преступники, например, могут содействовать перераспределению и быстрому обороту денежных средств, проститутки - сохранять семьи и снимать агрессию, нищие - дать возможность почувствовать себя добрыми людьми.

Более интересно эпизодическое возникновение корпораций, ставящих своей целью сокрушить общество, уничтожить государство и т.д. Термин "профессиональный революционер" - в этом смысле весьма характерен. Самое поразительное - относительно длительное существование таких корпораций. Здесь есть две стороны: "стойкость" профессиональных революционеров, террористов и тому подобных деятелей, и одновременно - неспособность общества в определенные моменты им противостоять. Казалось бы, существует группа, главной целью которой является уничтожение общества, внутри которого она действует. А общество настолько теряет волю к сопротивлению, что оказывается не в состоянии победить эту группу. Россия остро переживала подобный момент в конце прошлого и начале этого века. Сходное положение и сейчас - достаточно проанализировать реакцию общества на Шамиля Басаева и его теракты (не только в Буденновске, но и в Абхазии, Карабахе).

Наконец, есть "нормальные" корпорации, главная цель которых - поддержка сплоченности своих членов и отстаивание их интересов. Как правило, такие корпорации разделяют господствующие ценности общества, принимают действующие правила игры, выступают коллективным субъектом социальной жизни, развивая ее и поддерживая. В сущности, такие корпорации играют весьма важную роль в становлении горизонтальных связей внутри социума, тем самым скрепляя его. Например, таксисты, независимо от места работы, этнической принадлежности, политических убеждений, обладают специфической формой идентичности: "мы - таксисты". Между прочим, общение представителей различных профессий действительно влияет на общий социальный климат. Внутри страны корпоративная солидарность оказывается очень важным фактором консолидации общества и общей же идентичности его членов. Программисты, врачи, учителя, слесари и т. д. своим корпоратив-

ным общением скрепляют общество. Однако для этого необходим определенный уровень цивилизованности общества в целом.

Но обратимся к России. К сожалению, дух корпоративности в его "нормальном" смысле слабо развит в нашей стране. Ярчайший пример - Чечня. Среди истерических правозащитников нет чеченцев. Чеченские демократы (если такое можно вообразить) почему-то не участвуют в заседаниях "Выбора России", чеченские монархисты не образуют секции в российском монархическом движении, даже чеченские коммунисты не заметны, за исключением Сажи Умалатовой. И это явное свидетельство слабой консолидированности нашего общества.

Другая сторона российской корпоративности - способ формирования корпораций. Теоретически основных способов формирования два. Первый заключается в том, что члены той или иной корпорации сами избирают своих новых членов, так же как Академия наук, в которой именно академики определяют, кому занять вакантные места. Второй связан с возможностью инициативных людей самим добиться членства в корпорации. Например, есть корпорация поп- и рок-певцов, однако, несмотря на известные трудности, предприимчивый человек в состоянии сам добиться места в ней.

В нашей стране традиционно преобладает первый способ, особенно в отношении корпораций интеллектуального труда. И здесь мы сталкиваемся с совершенно поразительным явлением - критериями принадлежности к корпорации. Это важный аспект, так как если существует "вход" в корпорацию, то должен быть и "выход".

Предполагается, что профессиональные корпорации возникают на основе **профессии**. Так, западные университеты появились из-за необходимости профессиональной солидарности и профессиональной независимости. Альфред Уайтхед прекрасно описал становление профессиональной солидарности в современном мире и раскрыл ее цивилизованно-образующее значение. Фактически, профессия стала новым измерением жизни, новым фактором общечеловеческой консолидации и глобальной социальной стратификации.

Россия - часть мира, и на нее распространяются общие закономерности. Профессиональное измерение свойственно и нам, однако особенности развития нашей страны привели к известным отклонениям. Суть их в том, что в России есть совершенно поразительная группа, которая называется интеллигенция. Модель интеллигенции как социального слоя наложила колоссальный отпечаток на развитие профессиональных корпораций, не позволив, как ни странно, создать им в России прямую связь с профессиональными критериями.

Русская литература впечатляюще показала драму становления профессиональных слоев в России. Лесков, Чехов, Писемский весьма ярко описали отторжение профессионализма в России. В одном из произведений Чехова рассказывается о конфликте инженера с женой. Фабула такова. В одной из губерний разразился голод. Жена инженера проводит сбор средств для помощи голодающим. Вокруг нее - недоучившиеся студенты, каких-то телеграфисты с гитарами и художники-неудачники. Все они погружены в суету, в бесконечные вечеринки, где они много говорят об очередной десятке, поступившей в фонд помощи голодным. Инженер манкирует этими собраниями, высказывая им всяческое презрение. Он считает, что его деятельность неизмеримо полезнее, поскольку строит железнодорожный мост, который, во-первых, дает работу многим нуждающимся, а, следовательно, заработок, и, во-вторых, связывает губернию с Россией, открывая рынок и давая возможность создать многие новые рабочие места. Кроме того, инженер, естественно, дал некоторую сумму на помощь голодающим. Однако эти доводы не действуют ни на жену инженера, ни на ее окружение. Они обвиняют инженера в том, что он служит бесчеловечному режиму, и в том, что у него отсутствуют гражданские чувства.

Для нас важна сама модель отношений, которая явно антипрофессиональна. Более того, она построена на псевдоличностной идее, что противоречит духу европейского корпоративизма. Как ни странно, интеллигентский подход противоречит и азиатской модели профессионального сообщества. Здесь мы имеем дело с фальсификацией принципа профессионализма, подменой его другими, может быть и значительными принципами. Особенно-

сти интеллигенции в России привели к тому, что профессиональное измерение человеческой жизни здесь стало отрицаться. Это, если хотите, главный конфликт образованной среды конца XIX - начала XX веков.

Попробуем сформулировать ключевое отличие. Дело в том, что можно выделить два типа профессиональной деятельности: экспертизу по целям и экспертизу по средствам достижения целей. Упомянутый выше инженер был экспертом по средствам: он не рассуждал о целях общества, он утверждал, что знает *как* построить мост. Его жена и компания интеллигентов занимались вопросом *зачем*. Они пытались пересмотреть цели деятельности, причем любой деятельности, утверждая, что цель важнее средств. Видимо, именно отсюда появилась "коммунистическая" наука и "коммунистические" мосты. В сущности, мы имеем дело с воинствующим дилетантизмом.

Можно сказать, что революция и представляет собой бунт дилетантов в преддверии развития профессионализма в России. Другое дело, что сталинщина истребила интеллигентов. Однако интеллигенция возродилась в России в 50-х годах. А возродившись, немедленно принялась за свое дело - утверждать дилетантизм. Горбачев, яркий образец шестидесятника, был явным дилетантом. Вообще перестроечной братии свойственен дилетантизм. Борьба за права человека в Чечне, точнее подмена политики такой борьбой и сплочение демократов вокруг Ковалева - пример дилетантизма в политике.

Но вернемся к корпорациям. Их становление идет крайне медленно. Казалось бы, предприниматели или, скажем, программисты должны с необыкновенной быстротой создать профессиональные объединения, отстаивать свои интересы и, в конечном счете, приобрести влияние на политику. Но ничего подобного не происходит. Характерно, что даже традиционно сплоченные писатели и художники бьются в недрах союзов и никак не могут создать действительно современных форм. Иными словами, прежние, социалистические общественные отношения сохраняют свое господство, хотя и сильно деформировались.

Однако это не значит, что вообще ничего не создается. На место открытой и публичной корпорации заступают клика, клан, банда. Это свидетельство крайней атомизации общества, полного отсутствия консолидации. Важно понять, что хотя профессиональные корпорации часто и имеют наднациональный характер, формируются они в пространстве нации, города, то есть общества. А у нас общества нет. Нет консолидированной нации как коллектива граждан, обладающих своей идентичностью, нет системы, иерархии ценностей для этой консолидации, нет социальной иерархии, признанной обществом как социально приемлемой, нет элиты и т.д.

Ситуация не изменится до тех пор, пока не завершится революция в России, начатая в 1989 году. Мы все помним, как в 1990-м на улицы выходили тысячи людей, они несли демократические лозунги. Экономисты-реформаторы, такие как Гайдар, сумели изменить экономическую структуру нашего общества, но не смогли поменять основу социальных отношений. В результате обновления элиты не произошло, еще более утвердилась отрицательная социальная селекция, общество оказалось законсервированным в некоем промежуточном состоянии.

Более того, ценность труда, минимальная и при социализме, окончательно рухнула. А без ценности труда, как совокупности усилий и таланта, нет профессии. А когда нет профессии, нет и корпорации.

Возможно, было бы выходом забить все нефтяные шахты, так как суть современного богатства и успеха в России - мародерство. Но и это не даст результата. Подлинный выход - в совершении социальной революции, в отстранении от власти нынешней элиты и в обретении новой консолидации на основе ценности профессионализма. И вот тогда корпорации смогут занять достойное место в системе российского общества. Пока же мы - хаос, движимый полуживотными мотивами и иррациональными мечтами.

А.Б.Франц
Корпоративная форма организации власти как
альтернатива тоталитаризму и анархизму

"Основной вопрос текущего момента - это вопрос о власти"

Я ничуть не сомневаюсь, что в России найдется дюжина-другая людей, понимающих толк в "обуздании инфляции", "налоговой политике", "едином правовом пространстве" и т.д. Это действительно так. Но, не кривя душой, скажем себе, что рацеи и эмоции подавляющего большинства россиян определяются древней как мир сентенцией: "О горе нам! Кто будет нами править?" И это тоже действительно так. Более того, сей факт не дает ни малейшего основания для снисходительного отношения к этому большинству, ибо жизненный инстинкт должен ему справедливо подсказывать, что главный вопрос любой ситуации и любого момента - это вопрос о власти. Так что, когда большевики устами своего лидера во всеуслышание объявили, что "основной вопрос текущего момента - это вопрос о власти", - они были правы и неправы одновременно.

Правы в том, что это действительно главный вопрос. Ошибались же они в следующем: вопрос о власти является главным вопросом не только "текущего момента", но всегда, с тех самых пор, как первый вооруженный пришелец покорил первого автохтона и, заняв его территорию, создал первую сложную социальную структуру вождества (chiefdom – в терминах англоязычной политической антропологии), где один властвует, а другой подчиняется. И этот вопрос будет главным всегда, до тех пор, пока лев не встанет рядом с ягненком, и невинный ребенок не поведет их за собой.

И еще в одном, значительно более существенном, ошибались большевики. Основной вопрос вовсе не в том, кому принадлежит власть. Это всегда вопрос второй. Первый же - о технологии власти, о том, как, какими процедурами осуществляется власть. Именно от этого, в свою очередь, зависит, кому власть будет принадлежать, кто будет ее технологом. И уже десятым, двадцатым и двадцать пятым окажутся вопросы об "обуздании инфляции", "налоговой политике", "правовом пространстве" и т.д. Ибо их решение зависит от доминирующей технологии власти.

Итак, остановимся на том, что вопрос о технологии власти – далеко не праздный. В самом деле, власть может осуществляться через процедуру приставления ножа (меча, алебарды, пистолета, гранатомета и т.д.) к горлу. Тогда она принадлежит военному сословию и создает эпос, воспевающий победу, убийство и смерть (например, "Илиада" Гомера, или более современная модификация того же самого социокультурного кода - эпос уголовного мира), и тогда она создает специфические социальные ритуалы, структуры и стили - сам жизненный мир человека, выстроенный на фундаменте "причинения смерти".

Скажем, когда кочевники степной Сибири и Монголии, обладавшие бронзой и колесницами, пришли на Китайскую равнину, населенную представителями неолитических культур и основали первое в этом регионе государство (цивилизация Шан-Инь), одним из базовых социальных ритуалов стали массовые человеческие жертвоприношения. То же самое, кстати, было и в большинстве озникающих государств (так, например, наименование египетского раба "секер ангх" - "живой убитый" - наилучшая иллюстрация данного социального кода), ибо здесь базовой технологией власти служило причинение смерти.

Впрочем, человеческое жертвоприношение очень быстро приняло символически-знаковый характер. Принесение в жертву другого самым радикальным образом позволяло отличить "нас" - господ, повелевающих жизнью и смертью, от "них", других, покоренных нами и покорившихся нам. У спартанцев, например, убийство илотов из ритуала превратилось в нечто вроде игры или спорта. Но символическое значение убийства как исполнения власти осталось неизменным. Здесь наиболее уместной оказывается та формула права, которую использует М.Фуко при анализе феномена чистой и абсолютной власти. Это право Распоряжаться жизнью и смертью. "Право,- пишет Фуко,- которое определяется как право "над жизнью и смертью", фактически является правом предавать смерти и оставлять в живых".

Механизм абсолютной власти как бы заклинивает на одной операции - превращении в смерть всего того, что препятствует, ограничивает, восстает, преступает - превращении в смерть всего Другого.(1)

Впрочем, власть может быть организована и по другим технологиям, в частности, - технологии отчуждения труда, где владелец отчужденного труда (капитала) неизменно властвует над владельцем живого труда (рабочих рук). И тогда эта власть принадлежит сословию собственников, создает эпос, воспеваящий подвиги, романтику и героику наживы (скажем, "Титан", "Финансист" Т. Драйзера). Тогда в мир приходит "этика протестантизма", описанная М. Вебером, и язык вещей (овеществленного труда) и их эквивалентов становится основным языком социальной коммуникации, а грамматика распределения и обмена начинает задавать правила мироощущения.

Потребление целостного мира вещей обретает при данной технологии власти статус исполнения власти. Вещи получают значимость, которая не исчерпывается лишь их непосредственными потребительными качествами. Взятые в своей совокупности, они отсылают к смысловым сферам, совсем иным, чем просто вещные, - социальному статусу и иерархии. Собственно говоря, вещная совокупность как некое значащее бытие и образует теперь властную тотальность. Христианский Бог телесных цивилизаций уступает место потреблению - этой евхаристии цивилизации вещной. Потребление теперь становится "системой, которая обеспечивает регуляцию символов и интеграцию общностей (групп): это одновременно и мораль (система идеологических ценностей), и система коммуникаций" .(2) Вещный мир, сконструированный по всеобщим законам, начинает возвращать эту всеобщность в виде той власти, которая теперь, скорее всего, коренится именно в вещах.

В XIX, а особенно в XX веке, вещь становится видимой, различимой, чувственно воспринимаемой властью индустриального мира. «Вещи, - писал Ж.Бодриар,- их синтаксис и риторика обращены к социальным стремлениям, целям и общественной логике. Они говорят нам не столько о потреблении или о технической стороне дела, сколько о социальных притязаниях на какую-нибудь значимость, о социальной мобильности и инерции, о включенности и невключенности в культуру, о стратификации и социальной классификации. Посредством вещей каждый индивид или социальная группа находят свое место в общем порядке, одновременно пытаясь привести этот порядок в соответствие со своей собственной траекторией. Посредством вещей стратифицированное общество говорит». (2)

Власть, наконец, может осуществляться в информационных технологиях, когда причастность "знанию, как" ставит в неизменно привилегированную социальную позицию по отношению к "незнающему". Я полагаю, что одним из самых больших блефов современной социологии явилось "открытие" информационного общества. С этим можно было бы согласиться, если бы делалось уточнение: "информационное гражданское общество". Информационное общество - институт столь же древний, как сама человеческая цивилизация (хотя в те времена оно еще не отличало себя от государства). Властвующей структурой информационного общества является бюрократия - слой людей, "знающих, как": знающих как управлять, как осуществлять социальный ритуал, знающих, как сеять и как починять повозки (три-четыре тысячи лет назад об этом сочинялись весьма развернутые государственные документы во многих регионах мира), знающих, наконец, как ступить, как слово молвить. Образцовым информационным обществом являлась, пожалуй, Китайская империя эпохи Хань, когда практически любой мог стать чиновником, сдав экзамены по каллиграфии, поэзии, ритуалу, истории и т.д., т.е. продемонстрировав свою причастность к "знанию, как". Ибо именно знание в данной технологии власти отделяет господина от раба.

Как справедливо говаривал Маркс, тайна есть сущность бюрократии. И такая технология власти задает свой собственный эпос, своих героев, проявляющих чудеса мудрости, пронизательности и интуиции, свою поэзию, свою литературу, где главной фигурой оказывается не похожий на простых смертных Начальник. (Кстати, не случайно во всех культурах Чиновник, Военный и Торговец относились друг к другу, мягко говоря, прохладно. Ведь

они представляют несопоставимые и конкурирующие технологии властвования, технологии господства (3), а вместе с этим, и принципиально несовместимые жизненные миры).

Торговец, манипулирующий вещами и их эквивалентами, долгое время - практически всю цивилизованную историю - оставался на задворках мира Власти. Однако, в последнее время, за каких-то 4-5 столетий все изменилось радикальным образом. Манипулирование вещами и их эквивалентами в одночасье стало господствующей технологией власти. Более того, в лице науки она приобрела и свою информационную составляющую, которая, в свою очередь, позволила обеспечить военное доминирование вещной технологии власти, военное господство Буржуа – властелина вещей.

Современный мир - это мир доминирования единственной технологии власти - технологии, основанной на манипулировании вещами, их производством, распределением, обменом и потреблением, которая, в свою очередь создала собственные составляющие доминирования – силовую (атомную бомбу) и информационную (компьютер). После некоторого перерыва втягивается в смену властной парадигмы и Россия. Но насколько отличается этот процесс от воцарения буржуа в Европе!

Европа: корпорация "Левиафан и К"

Сравнивая процессы реформирования властных технологий в Европе Нового времени и в России, с очевидностью приходишь к очередному выводу об их принципиальных различиях. Однако, оказывается, что схватить суть этих различий чрезвычайно трудно. Можно до бесконечности описывать те или иные несовпадения, но так и не дойти до главного. Если таковое вообще имеется. Предположим, что так и есть! В чем же тогда состоит это принципиальное несовпадение? Совершенно очевидно, что результат реформирования властной технологии в обоих случаях одинаков или, по крайней мере, сходен. Это переход к вещной технологии господства, где обладание вещью есть ее изначальное условие, а манипулирование вещью - процедура властвования. Принципиальные различия коренятся в исходных условиях.

Исходная технология власти, которую следовало нейтрализовать европейцам, являлась военно-силовой, ибо как по происхождению, так и по организации военным было феодальное европейское государство. Совершенно не случайно мыслители Просвещения, моделируя идеальную исходную точку современности, сформулировали антиутопию «естественного состояния» как «войну всех против всех». Это, разумеется, идеализация, но идеализация, схватывающая суть дела. Именно война (оперирование силой вообще) была той внутренней осью, вокруг которой выстраивались властные структуры и институты европейского Средневековья. Война была ключом к властному и социально-культурному кодам европейского социума. Поэтому против оперирования силой как базовой властной технологии были направлены реформаторские усилия европейцев Нового Времени. Возникающее в Европе государство, Гоббсу, например, виделось гигантским зверем, монстром – Левиафаном, главной задачей которого должно было быть пресечение любой силы, не санкционированной "волей народа". Итак, главной задачей реформ технологии власти в Европе было "закупоривание силы" в бутылку закона. Государство, всей своей мощью пресекающее несанкционированную силу, становилось тем самым гарантом беспрепятственного осуществления иной властной технологии - технологии манипулирования вещами и их стоимостными эквивалентами.

Какую позицию в этом процессе занимали представители третьей, информационной, технологии власти? Напомним, что в Европе информационная технология власти в основном осуществлялась не государственной бюрократией, но внутри Церкви. Церковь же в силу целого ряда исторических обстоятельств изначалью находилась в состоянии конкуренции с мирской властью. Более того, теократический проект Римской Католической Церкви вообще предполагал "поглощение" мирской власти. Борьба церковных иерархов и мирских государей составляла один из господствующих сюжетов европейской истории. Возникновение городской независимости, всего того, что позднее сделало европейские города

"рассадником" и двигателем грядущего царства буржуа, с самого начала опиралось на те привилегии, которые города получали от мирских государей как резиденции церковных иерархов. Городские привилегии исторически происходили от иммунитетов, даваемых церковным владыкам. Когда европейская буржуазия начала строить свой мир, вытесняя военно-феодалные властные и социально-культурные коды на периферию общества, именно религиозная Реформация стала спусковым крючком буржуазных революций. Таким образом, глобальной расстановкой европейских сил были объединены представители двух технологий власти - информационной (религиозная Реформация) и вещной (движения третьего сословия) - против третьей - военно-силовой. Это закончилось вытеснением ее в социальный анклав, забаррикадированный "правами человека".

В византийской, а затем и в российской истории противостояние Церкви и мирских властей, напротив, скорее исключение, чем правило. Православная Церковь главным образом существовала в лоне государства, за его спиной. Социальные позиции служителя Церкви и государственного бюрократа в православном мире находились значительно ближе, чем в Западной Европе. Церковная реформа Петра I, окончательно превратившая священника в государственного чиновника, лишь довела до логического конца тенденцию, которая имела длительное историческое и культурное прошлое.

Российскому буржуа, пытающемуся сегодня простроить свой мир с помощью вещных технологий власти, противостоит не столько архаическая модель власти как голой силы, сколько информационная технология властвования, представляемая практически нерушимым в прошлом союзом бюрократов / идеологов. Не удивительно, что силовые модели власти в этой связи оказываются более чем привлекательными, ибо криминализация капитала дает российскому протобуржуа те дополнительные возможности, которых он лишен, оставаясь лицом к лицу с мощной и тщательно проработанной информационно-бюрократической технологией власти. Более того, совершенно очевидно, что информационная составляющая власти не существует только как власть. На деле она оказывается тем каркасом, вокруг которого организуется множество иных культурных кодов данного народа, составляющих его лик, традицию, идентичность (в данном случае культурную идентичность "совка").

Иными словами, российскому буржуа противостоит совершенно иная властная реальность по сравнению с той, которую приходилось прорывать буржуа европейскому. Более того, российскому "обладателю ресурсов" сегодня грозит опасность вообще не состоять как буржуа в полном смысле этого слова. Ибо в его развитии катастрофически отсутствует принципиально важная стадия - стадия социальной корпорации.

Российский буржуа: поиски "буржуазной" идентичности

Попытаемся сформировать проблему социальной идентичности возникающего сегодня в России класса буржуа. Для того, чтобы стать хоть сколько-нибудь консолидированной реальностью, "новым русским" необходимо научиться узнавать себя в близлежащих, (стоящих и т.д.) других "новых русских". Необходимы более или менее общие ответы на старые как мир вопросы: "что такое хорошо, и что такое плохо?", "какие границы можно переступать в обращении с ближним, а какие - нельзя?", "каковы правила игры, позволяющие по возможности не обжигаться о соседа?" и т.д. Другими словами, для консолидации в качестве властвующей элиты "новым русским" нужен свой этос. Последний же, как известно, на дороге не валяется, писателями не изобретается, и на разного рода съездах, клубах и прочих «тусовках» не утверждается. Этос, как правило, должен быть исторически выстрадан.

Весьма известные экономисты, не чуравшиеся даже премьер-министерских постов, достаточно убедительно повествовали нам, что, дескать, при первоначальном накоплении капитала всяческих безобразий просто не избежать. Ну, неизбежны они! О чем это говорит? Да о том, что экономическая история известна этим экономистам в основном из романов, написанных в XIX-XX столетиях. Нормальный же экономический анализ такой, например, вещи, как вексельные обороты в средневековой Европе, показывает совершенно

иное! Вексель, главное оружие торгового капитализма, обращался почти исключительно в пределах христианского мира(4). Даже в XIII веке эти границы практически не переступались ни в одну из сторон - к миру ислама, Московской Руси, Дальнему Востоку. Конечно, в XV веке существовали генуэзские векселя на рынках Северной Африки, но подписывал их какой-либо генуэзец или итальянец, а в Ороне, Тлеменсе или в Тунисе их принимал крупный купец-христианин. Таким образом, вексель обращался между своими. Существовали, скажем, венецианские векселя на Левант, но чаще всего они выписывались на венецианского представителя в Константинополе или им подписывались. "Не оставаться в кругу своих, в кругу купцов, руководствующихся теми же принципами и подчинявшихся той же юрисдикции, - писал Ф. Бродель, - означало бы рисковать сверх меры". (4)

Кстати, такие же плотные вексельные обороты существовали и в исламском мире, среди армянских или индийских купцов. А ведь именно вексель, то есть кредит, поднял интенсивность торгового общения на ту высоту, на которой стало возможным первоначальное накопление капитала. Границы кредита задавались не чем иным, как границами общей веры, то есть, правилами, принятыми в особого рода религиозной корпорации.

Модель протестантского этоса, описанный М.Вебером, взята им с представителей наиболее фанатичных протестантских сект, в истории которых многие поколения сложили головы, ведя европейские "войны за веру". Именно здесь выковывались "новые европейцы". Их правила игры возникали как нечто более высокое и ценное, чем сама жизнь. Они действительно переживались как высшие принципы, как абсолютный разум, перевешивающий власть, богатство, жизнь и смерть.

История "новых русских" несколько иная. В подавляющем большинстве это все те же старые русские. В течение двух десятилетий (начиная с 70-х годов брежневской эпохи) они поменяли информационно-бюрократическую технологию, оказавшуюся недостаточно эффективной, на вещную технологию власти.

Зададимся вопросом: а вдруг завтра окажется, что военно-силовая технология власти по каким-то причинам стала еще более эффективной? Или возникнет какая-то новая разновидность доминирования в обществе? Что произойдет? Ответ очевиден: сегодняшние "новые русские" столь же быстро сбросят личину Буржуа и всем монолитом наденут новую властную маску. Точно так же и двадцать лет назад можно было с заведования леспрохозом перейти на заведование НИИ, отсюда - на заведование сельхозкооперацией, горпромторгом, баней, авиапредприятием и т.д. Таким образом, различие между "новыми русскими" XX и, например, "новыми европейцами" XV столетий заключается в следующем: новые европейцы в течение долгого времени существовали в качестве отдельных социальных корпораций, которые не доминировали в обществе. Условием их выживания было создание мощного корпоративного этоса, ценности которого превышали ценность власти и жизни. "Новые русские", напротив, в значительной степени принадлежат "корпорации власти", где власть является главной и доминирующей ценностью, а следовательно, правила игры как таковые отсутствуют.

Удастся ли сегодня властвующей элите сформировать корпоративный этос, способствующий ее консолидации и создающий основные правила игры для всего общества? Или главным правилом останется властвование любыми способами и при помощи любых технологий? От ответа вопрос зависит и ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи. Ожидает ли нас в будущем власть некой социальной корпорации, которая привнесет в общество свой этос с соответствующими правилами игры? Или общество обречено оставаться лицом к лицу с единственной корпорацией - корпорацией власти?

1. Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М.Фуко) //Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.С.206-255.

2. Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge: Polity Press, 1988.Р.46.

3. На первый взгляд, можно было бы выделить и четвертую технологию власти - духовную власть Жреца и Храма (или, если угодно, власть идеологии и идеологов). Однако более тщательный анализ показывает, что это не более, чем разновидность информационной технологии властвования. Не случайно в развитых бюрократических (т.е. информационных) цивилизациях (Египте Древнего и Среднего Царства, Китае ряда эпох, отчасти послепетровская и уж точно советской России) жречество функционально составляло единый блок с чиновничеством, а доминирование военных (например, в феодальной Европе) вело к обособлению жреческого сословия и противопоставлению его господствующей элите.

4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3-х т. М.: Прогресс, 1992. Т.2.С.61.

А.Г. Левинсон ***Российская бюрократия как корпорация и объект критики***

В российской традиции "бюрократия" - понятие с изначально встроенной негативной оценкой. Оно выражает отношение к деятельности специализированной социальной группы или корпорации (государственных) служащих, а именно: упрек этой группе со стороны общества в неисполнении ею своих обязательств перед обществом, в злоупотреблении той властью над другими группами в обществе, которой она располагает. Понятие имеет, таким образом, собственный полемический потенциал и потому может служить средством любому социальному субъекту, нуждающемуся в том, чтобы обосновать интересами всего общества свои претензии к государственной власти (или претензии на государственную власть).

Это понятие - традиционное оружие любой российской оппозиции. Оно фигурирует как инструмент социальной критики в трудах видных российских историков XIX в. Оно прочно входит в начале XX в. в риторический арсенал левых, в частности, Ленина.

Это существенно и для современности, поскольку высказывания Ленина о бюрократии, вошедшие в обязательные учебные программы, оказались тиражированы и распространены в СССР/России в масштабах, не сравнимых ни с какими иными текстами о бюрократии. Именно они и стали для большинства современных советских/российских авторов, трактующих этот предмет, первым, а иногда единственным образцом суждений о бюрократии. Унаследованное от марксизма представление о бюрократии как власти, отчужденной от народа и именно потому несущей зло, сохраняется у многих авторов до сих пор.

На его основе Ленин обличал чиновничество и бюрократию как корпорацию в царской России. Так, вскоре после превращения российской социал-демократической партии в правящую, обвинения в бюрократизации становятся сильным оружием в борьбе отдельных группировок внутри социал-демократии. Побеждает в этой борьбе, как известно, та самая ленинская группировка, которую более всего обвиняли в бюрократизации партии К.Каутский, Р.Люксембург, российские оппоненты-марксисты. Можно отметить, что корпоративизм комбюрократии оказался очень высок в силу наложения на бюрократическую структуру дополнительных скреп партийной дисциплины. Обвинения, которые направлялись против группы Ленина, последний "перехватывает" и переадресовывает своим собственным противникам. Инвективы Ленина в адрес "комбюрократии", "совбюрократии", "совбюров", сыграв свою роль во внутривнутрипартийной борьбе 20-х годов, становятся в годы сталинизма "ленинским наследием", превращаются в традицию "борьбы с бюрократизмом", обличения "бюрократов".

Когда в конце 80-х годов утратившие защиту КГБ старые партийные структуры оказались открыты для критики со стороны поборников "перестройки" и "гласности", одним из главных инструментов этой критики стало понятие бюрократии. Этому способствовала универсальность и диффузность имплицитных им смыслов, удержание в нем - наряду с "актуальностью" - отмеченных выше исторических адресаций, наконец, демонстрируемые са-

мой иноязычной формой "научность" и "объективность" этого понятия при нерелевантном, но явно ощущаемом его мощном ценностном заряде.

В относительно доступном для воспитанных в СССР умов марксовом теоретическом наследии существовало понятие "азиатского способа производства", которое многим казалось средством объяснения и разоблачения - руками Маркса! - негодного советского режима. Чиновничеству азиатских деспотий легко находилась при этом параллель в лице советской бюрократии. Заметим, что этим приемом воспользовался Михаил Восленский, заслуживший высокой похвалы Джиласа исследователь "номенклатуры" - т.е. партийной бюрократии. (см. М.Восленский "Номенклатура" М. 1990). Концепт бюрократии оказался способным совместиться и с содержаниями обличительных книг Авторханова, Солженицына, и других, в эти годы дошедших до советских читателей и сообщавших им о том, чем "на самом деле" являлась окружавшая их советская действительность. Объяснением причин открывшейся национальной исторической трагедии у многих писавших на эту тему в конце 80-х годов служило понятие неправильной власти, власти не такой, как надо обществу, корпорации чиновников, злоупотребляющей его доверием или узурпировавшей его права. Под правильной организацией власти разумелась демократия, под ложной - бюрократия. Характерным образом размножились временные синонимы этого понятия, такие, как "власть аппарата", и особо популярный эвфемизм Г.Х.Попова - "командно-административная система". К ним добавилась плеяда пришедших в это время из западной советологии на страницы открытой советской печати слов "партократия", "тоталитаризм", "этатизм" и др. (Отметим, что идея корпорации и корпоративизма в этот период еще не получила широкого хождения.)

От всех них понятие бюрократии отличалось не только значительным и непрерывным стажем участия в отечественной общественной мысли и политической борьбе, но также наличием собственного кореллята в массовом сознании, обозначаемого словосочетанием "засилие бюрократов". По исследованиям ВЦИОМ, в 1988 году на вопрос "В чем основная причина наших сегодняшних трудностей?" именно ответ о засилии бюрократов был самым частым, его дали 46% жителей СССР. Это свидетельствовало о несомненном успехе новых сил в руководстве в их борьбе за общественное мнение. Оно приняло их сторону: ведь Горбачев и его окружение выступили за "перестройку", то есть изменения, реформы, а это едва ли не автоматически превращало их противников в бюрократию, которой свойственно быть консервативно-охранительным началом.

Традиция антибюрократизма долгое время сосуществовала с традицией антибуржуазности. В одной из статей Ленина в разных изданиях в качестве объекта критики фигурируют то "совбюры", то - позднее - "совбуры". По мнению издателей, выходит, и те и другие в одинаковой степени могли быть достойны ленинского гнева. Но по мере компрометации этого наследия утратила свою эффективность антикапиталистическая риторика, более того, распространилась обратная тенденция: указывать на капитализм как на "нормальный" строй жизни. (На это обратил внимание французский исследователь А.Берелович).

Соответственно, понятие "буржуазия" в текстах той поры оказалось частично реабилитировано, оно получило возможность употребляться как нейтральное. Понятие "бюрократия" не только сохранило свой безусловно-негативный смысл, но и вобрало те обвинения, которые господствовавшая в СССР идеология обращала к буржуазии. Некоторые авторы - критики бюрократии - давно утверждали, что она на протяжении всей истории советского строя являлась совокупным (теперь можно сказать: корпоративным,) и исключительным собственником средств производства в СССР. При отсутствии юридического статуса частной собственности в советское время данное утверждение не может быть ни опровергнуто, ни подтверждено. Но его обличительный пафос понятен, оно построено на скрытой аналогии бюрократии с буржуазией. При этом подразумевается, что у бюрократии (как, согласно Марксу, и у буржуазии) нет не только моральных прав на эту собственность, но (в отличие от буржуазии) нет прав и формальных.

Немаловажно, что в советских условиях у антибуржуазных и антибюрократических идеологических конструкций мог быть единый источник в виде уже упомянутой концепции отчуждения (труда, власти). Вслед за Джиласом и Восленским советскую бюрократию (она же "аппарат", "партаппарат", "КПСС") многие ее советские критики старались уличить в превращении в "класс". Далее ей придавались основные признаки эксплуататорского класса, поскольку, по одной версии, она обратила в свою (частную) собственность государство, по другой - средства производства, по третьей - все общественное богатство и т.д. Такой прием позволял мобилизовать для борьбы с бюрократией весь накопленный советской политической культурой арсенал "классового подхода", включать в одних случаях его социально-психологический компонент, ("классовая ненависть"), в других - этический, (обвинения в роскоши и разврате).

Практически все теории бюрократии, разработанные к концу 80-х годов советологами или советскими/российскими авторами, совпадали, как отмечалось, с обыденными представлениями о бюрократии в трактовке ее как "лишней", паразитической части общества, присутствие и деятельность которой ему вредят и удаление которой было бы благом.

В то же время следует подчеркнуть прямое противостояние всех этих теоретических представлений и обыденного сознания другой – веберовской - концепции бюрократии как образца рациональной организации, необходимого исполнителя одной из главных функций в обществе, функции управления. В 1989 г. социологом Л.Д.Гудковым в отечественной печати анализировалась веберовская трактовка бюрократии и указывалось на ее значение для анализа политической ситуации в нашей стране, особенно в период реформирования политических институтов. (Мировая экономика и международные отношения. 1989.№ 5-7.)

Выйти к отечественной традиции, сохраняя ортодоксальность веберовскому пониманию бюрократии, попытался А.П.Огурцов. Оценивая современную ситуацию в веберовских категориях, он заявил, что в России вместо "представительной бюрократии" начинает усиленно разворачиваться "авторитарная бюрократия" как корпоративная группа, которая склонна к коррупции и не допускает над собой правового контроля.(Вопросы философии. 1993. №2)

Однако, в основе всех прочих концепций бюрократии, возникших или опубликованных тогда же, лежал прежний комплекс представлений о разделении труда и отчуждении, которым пользовался Маркс, развивая свои построения относительно буржуазии и имея в виду обоснование ее неизбежного удаления с общественной сцены.

Сказанное касается и аналогии между "азиатским способом производства" и советским строем (М.Восленский, Л.Седов), и концепции бессмысленной занятости населения (Ю.Круусвал), и выкладок С.Андреева о 18 миллионах бюрократов в СССР, и идей Г.Х. Попова. Все эти авторы, настроенные отнюдь не прокоммунистически, остаются в пределах марксистско-ленинской традиции. К ним примыкает и В.М.Макаренко, опубликовавший монографию "Вера, власть и бюрократия. Критика социологии М.Вебера" (Ростов-на-Дону 1988). Отдавая дань силе веберовских идей, он сам отказывается мыслить о бюрократии иначе, как о паразитическом классе.

Заслуживает внимания тот факт, что "марксистская" критика бюрократии последнюю явно не пугала. Ведь настоящая советская бюрократия никогда не позволила бы проведение разоблачающего ее анализа и публикацию, обсуждение его результатов. Из этого можно заключить, что обсуждался социальный труп или предыдущая мутация, с которой нынешняя бюрократия не склонна себя идентифицировать. Этот факт был недооценен в те годы. Точно так же тогда никем не ставился вопрос о том, во что перейдет или трансформируется этот феномен, что произойдет при разложении этого слоя или этой группы.

Все участники дискуссий конца 80-х годов были убеждены в исторической обреченности или завершенности этого явления, а политически безусловно были противниками советского режима как бюрократического. Отмеченная выше имплицитная ценностная нагрузка такого определения открывала далее возможность для свободного присоединения к нему практически любых предикатов (репрессивного, авторитарного, имперского, деспоти-

ческого и пр.) Нанизывание подобных синонимических понятий и конструкций на их базе создавало ощущение понимания, проникновения вглубь феномена бюрократии. Однако зачаровывавшая и всеобъясняющая сила таких концептов, как "тоталитаризм" или "бюрократия", исчезла при изменении политической конъюнктуры. В силу этого многое из написанного в конце 80-х годов о бюрократии как советском феномене утратило свой интерес.

После коллапса советской империи обсуждаемая тема ушла на задний план. Публикации той поры торжествовали победу над КПСС, номенклатурой, партбюрократией. На краткий период возникла эйфория: бюрократия будто бы перестала существовать. Затем начали появляться заявления, показывающие, что состоявшийся приход к власти в России той политической группировки, которая была поддержана либерально-демократическими кругами, принес гораздо меньшие - против обещанных и ожидавшихся - политические и экономические успехи стране. Это были признаки дифференциации тех разнообразных сил, которые считали себя союзниками-победителями в 1991 году. Часть из них перешла к союзу с побежденными и вместе с ними стала требовать пересмотра итогов победы.

Следует заметить, что системный характер власти в бывшей империи предполагал, в частности, ее культурное обеспечение. Развал империи как системы власти вызвал идеологический кризис. Среди горько сожалеющих об этом распаде не только властители, утратившие власть, не только идеологии - поставщики символических конструкций, обрамляющих власть, но и обслуживающая повседневное функционирование системы интеллигенция. Для последней культурное пространство империи было универсумом, заменяющим "весь большой мир", а организация тотальной власти размечала ей смысловые ориентиры в этом универсуме. В устах этой новой оппозиции снова появляется тема бюрократии. Ясно, что при этом сменилась адресация критики - поскольку сменились борцы с бюрократией.

Социологи Л.Гудков и Б.Дубин в своих статьях последних лет ("Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях". Москва, Харьков, 1995) положили начало новому направлению в критике бюрократии. Отступив от веберовской трактовки бюрократии и присоединившись к описанной выше российской традиции, эти авторы использовали новое слово-«пейоратив», применив его для характеристики отечественной интеллигенции. Таковой отказано в (почетном) звании элиты и напротив, присвоено непочетное звание "массовой бюрократии". Поскольку это сделано авторами, провозглашавшими (наряду с рядом иных голосов), конец интеллигенции как социальной категории или корпорации, напрашивается вывод, что объявление интеллигенции бюрократией есть средство ее символического уничтожения. Уличенная в несоответствии предъявляемым авторами нравственным социальным требованиям, интеллигенция-бюрократия за это лишается права на существование в признаваемом авторами мире. Откладывая на будущее дискуссию на этом направлении, заметим, что отечественный концепт бюрократии обнаружил свою незаурядную живучесть, проникнув в инструментарий столь методологически искушенных специалистов.

События последнего времени не позволяют надеяться на то, что в России бюрократия сойдет со сцены или значительно трансформируется. Но нельзя также рассчитывать на то, что функционирование этой бюрократии может быть удовлетворительно объяснено на базе рассматривавшихся выше наиболее распространенных подходов. Как мы видели, и в самых последних вариантах своего употребления понятие "бюрократия" остается политическим оружием.

Характер российского государственного чиновничества будет меняться. Можно ожидать появления в этой среде тех феноменов, о которых писал Вебер. Несомненно, что в ней же долгое время будут сохраняться черты, возмущавшие всех критиков бюрократии во все времена. Более важным, однако кажется иное. Место и роль государства в жизни российского общества значительно изменились. Изменилась, стала более ограниченной власть государства, власть бюрократии. Оказавшись относительно ограниченным социальным явлением, бюрократия, как мы надеемся, более не будет становиться героем тотальных, как она сама, социальных доктрин и концепций.

Зато отношение российского общества к бюрократии - хотя и узкая, но безусловно интересная тема,- быть может, привлечет теперь внимание социальных исследователей.

И.М. Клямкин, В.В. Лапкин
Российское общество: стихийный поиск формулы согласия

Отношения между различными группами общества, их предрасположенность к конфликтам или согласию можно исследовать на уровне интересов, ценностей, политических предпочтений и т.п. Учитывая особенности постсоветского общества, только что вышедшего из идеологизированного состояния, его сохраняющуюся восприимчивость к социально-политической и идеологической риторике, можно сделать предметом анализа саму эту риторiku и характер отношения к ней разных слоев населения. В феврале нынешнего года в ходе очередного опроса элитных и массовых групп российского общества Фонд "Общественное мнение" предложил своим респондентам определить отношение к ряду высказываний политиков и журналистов, представляющих собой, как правило, чисто риторические словесные фигуры.

Знание об их восприятии массовым сознанием мало что добавит к нашим представлениям об интересах, ценностях и императивах поведения тех или иных социальных и политических групп. Задача в данном случае ставилась совсем другая: выявить, насколько население восприимчиво или, наоборот, невосприимчиво к определенному политическому и идеологическому языку, к определенным словесным символам и знакам, не обязательно формализованным или не всегда поддающимся однозначному толкованию, что в преддверии выборов может представить некоторый интерес для практических политиков и тех, кто помогает им в проведении предвыборной кампании.

Респондентам было предложено высказать свое отношение к четырем группам высказываний, охватывающих достаточно широкий диапазон частной и политической жизни. При этом сам выбор высказываний диктовался нашими представлениями как о некоторых особенностях постсоветского человека, выявленных и описанных в прежних публикациях, так и о наиболее существенных особенностях переживаемого страной периода, характеризующегося распадом прежнего типа организации труда, резкой имущественной поляризацией, новым отчуждением власти от общества и кризисом посткоммунистической демократии.

Первая группа высказываний - об отношении к труду, принципам его оплаты, гарантиям занятости и некоторым другим аспектам; вторая - об отношении к богатству и бедности, а также к критериям благосостояния; третья - об отношении к тому, как должны соотноситься богатство и власть; четвертая - об отношении к демократии, ее нынешнему состоянию России, перспективам ее развития и возможным альтернативам ей. В статье рассматриваются оценки этих высказываний представителями различных социальных и электоральных групп.

1. Социальные группы : область согласия и область конфликта

Нетрудно заметить, что в отношении к некоторым вопросам, касающимся труда, в российском обществе царит чуть ли не полное единодушие. Очень редко бывает, чтобы руководители предприятий почти не отличались от рядовых рабочих, а предприниматели - от председателей колхозов и работников бюджетной сферы в оценке тех или иных экономических принципов. И, тем не менее, представители всех групп проявляют солидарность в признании права человека на любую оплату его труда и непризнании права государства ограничивать его доходы, даже если они чрезмерно высоки (несколько выделяются разве что пенсионеры, чья трудовая деятельность уже в прошлом). Поэтому политик, выступающий за такие ограничения (а они имеют место даже в условиях развитых рыночных экономик), скорее всего услышан и понят сегодня не будет.

Это, однако, вовсе не значит, что подавляющее большинство наших сограждан примирилось с колоссальным имущественным расслоением, образовавшимся в последние го-

ды. Это означает лишь то, что они не хотят возвращаться к прежней искусственной уравниловке, а хотят иметь все возможности для реализации своих реальных или потенциальных, действительных или иллюзорных преимуществ перед другими. Это может означать также, что их трудовой доход не соответствует (или не соответствовал раньше) в их глазах их трудовому вкладу. Но тут (об этом нам еще предстоит говорить подробнее) происходит как бы абстрагирование от содержания того, что есть трудовой доход (и что считать трудом вообще), и чем измеряется трудовой вклад. Иначе говоря, тут может сказываться идущее от советской эпохи представление о ценности того или иного вида деятельности, которой человек непосредственно занимается, никак не соотносимое (в условиях административного хозяйствования такое соотношение невозможно) с ее качеством и общественной полезностью.

Подобное представление в силу отсутствия конкурентной экономики скорее всего сохраняется и сегодня. Более того, в условиях, когда предприятия, продукция которых казалась такой важной и нужной, останавливаются, а работа часто не сопровождается своевременным получением зарплаты, такие настроения могут только усиливаться. Стремление к максимальному расширению свободы конкуренции частных потребителей при отсутствии конкуренции производителей - эта унаследованная от времен "застоя" (и неоднократно отмечавшаяся нами) особенность менталитета постсоветского человека скорее всего и определяет, в конечном счете, массовое нежелание разрешать государству ограничивать доходы.

Короче говоря, ко всему, что кажется новым, надо относиться чрезвычайно осторожно: это новое, будучи реакцией на старое и его распад, вполне может оказаться лишь обновленной версией все того же старого, а не его преодолением.

Осторожности в оценках требует и другая риторическая фигура, воспринимаемая подавляющим большинством представителей всех без исключения групп максимально доброжелательно. Речь идет о логике строгой дисциплины труда, как основном условии процветания страны и ее граждан. Эта доброжелательность свидетельствует опять-таки лишь о восприимчивости к определенному идеологическому языку, но никак не о ценностях и императивах личного поведения.

Правда, нам в свое время приходилось отмечать, что дисциплину труда довольно заметная часть россиян считает значимой ценностью и для себя лично [1]; мы говорили даже, что это вселяет некоторый оптимизм, так как речь идет о проблеме, которую отечественные мыслители (например, Петр Струве) еще в начале столетия выдвигали в качестве одной из основополагающих и трудноразрешимых проблем индустриального развития России. Но все же готовых принять идею дисциплины труда, как важную и полезную для "процветания России", несравнимо (в несколько раз) больше, чем считающих ее собственной ценностью. Политики могут ее использовать - если и без гарантий успеха, то уж во всяком случае не во вред себе.

Но надо отдавать ясный отчет в том, что идея эта, как и целый ряд других [2], чаще всего принимается постсоветским человеком лишь постольку, поскольку он адресует ее не себе, а другим, видя в их "недисциплинированности" источник общего неблагополучия и примиряя себя тем самым со своей собственной "недисциплинированностью" и самоосвобождаясь от ответственности за нее.

Советские десятилетия закрепили в массовом сознании "трудовую дисциплину" как универсальную идеологию, но не оставили устойчивых механизмов ее перевода на уровень индивидуального поведения. Репрессивно-административные механизмы внешнего принуждения исчерпали себя уже в сталинскую эпоху; административно-экономические (принуждение наряду с угрозой увольнения, понижения в должности и т.п.), характерные для брежневского периода, во-первых, не сложились, а во-вторых, обнаружили свою неэффективность; внешнее принуждение чисто экономического ("раннекапиталистического") типа в условиях коммунистического хозяйствования не могло возникнуть по определению, в условиях же нынешней полугосударственной экономики он не может

утвердиться, а потому не может быть и трансформацией его в "посткапиталистическую" самодисциплину.

Так что согласие по этому вопросу в лучшем случае свидетельствует об осознании обществом стоящей перед ним проблемы, а не о готовности решать ее. И отличие ответственных политиков от безответственных может заключаться лишь в том, чтобы не отождествлять восприимчивость к данной проблеме (и соответствующей риторике) с готовностью общества быстро и успешно одолеть ее.

Примерно то же самое можно сказать о восприимчивости сегодняшнего российского общества к мысли о том, что доход человека должен зависеть от его предприимчивости и инициативности, а не только от профессионального уровня. Здесь - прямая связь с почти всеобщим желанием иметь право на любую оплату своего труда без всяких ограничений. Здесь же можно уловить согласие на неравенство трудовых доходов, на их зависимость от способностей человека (нам уже приходилось отмечать, что принцип "каждому по способностям" воспринимается как противостоящий прежней уравниловке "внизу", сочетающийся с системой привилегий "наверху" [3].

Но и в данном случае речь идет лишь об общем принципе, об идеологически окрашенной универсальной норме, а не о том, что предприимчивость воспринимается как императив личного поведения: напомним, что значимой для себя ценностью ее считает крайне незначительное число россиян [4]. Поэтому, с одной стороны, у нас есть основание говорить о готовности населения благосклонно воспринимать "рыночную" риторику (по крайней мере о важности предприимчивости), с другой - мы должны отдавать себе отчет в том, что благосклонность эта относится не столько к новым высокодоходным видам деятельности, действительно требующим предприимчивости, сколько к сохранившимся в памяти прежним видам поощрения за перевыполнение норм выработки или, скажем, за рационализаторские предложения.

О том, что новое ("капиталистическое") понимание предприимчивости и инициативности вызывает настороженность, можно судить хотя бы по тому, что даже в предельно общей формулировке зависимость дохода от предприимчивости в массовых группах (городские рабочие, бюджетники, не говоря уже о пенсионерах) многими отвергается. Но еще показательнее и симптоматичнее другое: руководители колхозов и совхозов и их рядовые подчиненные, отличающиеся наибольшим экономическим консерватизмом и наибольшей приверженностью традиционно советским ценностям, проявляют в данном отношении настороженность несколько меньшую. Это лишний раз свидетельствует о том, что многие подразумевают под предприимчивостью ее архаически- "социалистические" формы (типа приносящего определенный доход мелкотоварного производства на личных земельных участках, которые раньше именовались приусадебными).

Таким образом, возможности "капиталистической" риторики достаточно ограничены даже в тех случаях, когда люди готовы ей внимать: словесные символы и знаки они могут воспринимать совсем иначе, чем хотелось бы произносящим эти слова политикам и идеологам. Россияне в массе своей не хотят прежней уравниловки, не хотят, чтобы государство ограничивало их доходы, и хотят, чтобы восторжествовал принцип "каждому по способностям". Но они же, стремясь утвердить неравенство и независимость экономики от государства, хотели бы сохранить то, что делает преодоление уравниловки принципиально невозможным, а именно: сохранить равное для всех (и гарантированное государством же) "социалистическое" право на труд.

Можно сказать иначе: постсоветский человек испытывает потребность в полной индивидуальной свободе продажи своего труда по рыночной цене и - одновременно - в том, чтобы при отсутствии рыночного спроса на этот труд оставался бы гарантированный спрос со стороны государства. Последнее обязано обеспечить работу каждому независимо от его образования и квалификации - этот "социалистический" принцип, как показывают наши данные, глубоко укоренен в сознании большинства массовых групп российского общества, что создает достаточно благоприятную социальную почву не только для индиви-

дуалистической (антигосударственной по своей направленности), но и для "государственной" риторики.

И все же политики, склонные обещать стопроцентную занятость, сегодня уже вовсе не обречены на успех у избирателей. Во-первых, они не найдут поддержки среди большинства элитных групп (причем не только "новых", но и "старых"), которые успели понять, что искусственное сохранение рабочих мест противоречит экономической эффективности, а в конечном счете, и той самой стабильности, которой вроде бы и озабочены апологеты стопроцентной занятости. Исключение составляют лишь руководители совхозов и колхозов, но и они ближе по данному вопросу к расколу, чем к консенсусу.

Во-вторых, и массовые группы (кроме традиционалистски настроенных пенсионеров и колхозников) далеки в данном отношении от согласия; доля сторонников рыночных условий продажи труда в них уже достаточно велика (треть и больше), а главное - именно здесь сконцентрированы наиболее перспективные слои населения (молодежь, люди с высоким уровнем образования).

И, наконец, в-третьих, восприимчивость к риторике о стопроцентной занятости вовсе не означает доверия к политикам, переводящим ее с языка общих призывов и критики властей на язык обещаний насчет практического воплощения таких призывов [5]; восприимчивость свидетельствует о массовой потребности в политизации и идеологизации новых проблем, но никак не о том, что общество готово признать старое "право на труд" в качестве нового политико-идеологического императива.

Продолжение в следующем выпуске

1. ПОЛИС. 1994. N 5

2. ПОЛИС. 1994. N 4

3. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // ПОЛИС, 1994. N 2.

4. ПОЛИС // 1994. N 4

5. В анкете был вопрос: "Есть ли политики, которые обещают населению России: "Мы дадим Вам работу и зарплату". Верите ли Вы, что это обещание выполнимо?" Положительно ответивших на него среди населения в целом не набралось и 10% , причем между сторонниками государственных гарантий занятости приверженцами "свободной продажи труда" в отношении к этому обещанию почти не обнаруживается различий (соответственно 9 и 7% верящих в его выполнимость).

А.С.Ахиезер

Как возможна корпоративность в России?

В России слишком часто подыскивают реальность под понятие, которое возникло в иной реальности, в обществе с существенно иным социокультурным опытом. Таких слов великое множество: "социализм", "капитализм", "революция" и "контрреволюция" и т.д. В этом есть свои плюсы: заимствованные слова намекают нам, что есть некая реальность, с точки зрения которой мы должны оценить свое прошлое, настоящее и будущее. Впрочем не следует и обольщаться. Эти слова могут нести в себе утопию, более того, попадая к нам, они превращаются в утопию.

Тем не менее, такие понятия задают ориентиры для решения наших практических и теоретических задач. Нельзя, правда, забывать об опасности навязывания обществу схемы, догматизации знаний. А этим грешат самые разные направления - от марксистов, которые подгоняли всю историю России под некоторую псевдозападную схему, до романтического либерализма. В работе с такими словами существует непреложное требование. Необходима

их достаточная конкретизация, т.е. превращение в некоторую иерархию знаний, включающую мощный эмпирический пласт.

В поисках истоков корпоративизма

Характерный пример сказанного выше - корпоративность. Ее широкое распространение в других странах заставляет отнестись к роли и месту корпоративности у нас с достаточным вниманием.

Среди важнейших признаков корпоративности можно назвать следующие: 1) добровольность вступления и выхода из корпорации; 2) наличие у ее членов особого интереса и способности реализовать последний внутри организации, принимая участие в установленных процедурах управления, принятия решений. Каждый член ассоциации должен осознавать общность своего личного интереса и интереса корпорации, воплощать своей личный интерес через корпоративный, рассматривать развитие корпорации как свою личную цель. Однако это не значит, что личность растворяется в корпорации, не имеет специфических интересов. Корпорация не может претендовать на контроль над интересами вне нее; 3) корпорации существуют как участники воспроизводства такого государственного, общественного строя, который направлен на поддержание необходимого минимума условий корпоративности. Этот строй обязан обеспечивать корпорациям режим функционирования, который бы препятствовал их перерождению в группу криминального типа; они должны отстаивать свое существование не за счет разрушения окружающей общественной среды, но способствуя формированию гражданского общества, правового государства.

Можно указать и еще на некоторые важные признаки, но в рамках поставленной задачи достаточно перечисленных. А она заключается в том, чтобы ответить на вопрос - существовали и существуют ли в России корпорации и в каком смысле следует говорить о возможности их возникновения.

Корпорации не могут возникнуть одновременно - это особый тип поведения множества людей, в конечном итоге всего общества, требующий особой культуры, если угодно ментальности.

Корпорация является прежде всего воплощением некоторого нравственного принципа, она имеет некоторое нравственное основание, заложенное в ее (суб)культуре. Разнообразие и динамизм массовых нравственных идеалов России позволяет сделать вывод, что нравственные основания для корпоративности в стране могут существенно меняться. Речь в первую очередь идет о вечевом (традиционном) идеале, который в процессе усложнения общества, формирования государственности распался на авторитарный и соборный. Именно они создавали нравственные устои на протяжении почти всей истории России.

Были ли в вечевом идеале, в его формах нравственные основания для корпоративности? Значительную часть нашей истории от возникновения государственности до падения монархии занимало крепостничество. Господство последнего не было связано с корпоративным строем, либо оно основывалось на жестком порядке принуждения, подразумевалось, что каждый "был крепок" своей функции, санкционированной государством. Речь идет не только о крестьянах. Принцип "чтобы никто без дела не шатался" носил всеобщий характер. Крепостничество касалось и дворян, и приближенных царя. На каком бы уровне социальной иерархии человек не находился, он не имел права покидать свою службу без разрешения. Нарушение подобного порядка рассматривалось как бунт, "воровство", подлежащее наказанию. Это был по сути антикорпоративный строй, который не позволял вступать людям в организации, корпорации, защищать свой специфический интерес, независимый от государства.

Вместе с тем на ситуацию оказывали влияние ряд существенных факторов. Основная масса населения, т.е. крестьянство, состояло в общинах, сначала в кровно-родственных, а затем и территориальных. Община отличалась особой прочностью. Ее положение при крепостничестве было сложным. С одной стороны, она служила основанием государственной системы. Более того, ее жесткие архаичные, хотя и модифицированные со временем отно-

шения распространялись на общество в целом. С другой стороны, это была ячейка, которая пережила века, сохраняя, несмотря на государственное насилие исторический образ жизни, формы культуры.

Можно ли эти общины рассматриваться как некоторый, пусть отдаленный зачаток корпоративности? Думается нельзя. Для общины характерно прежде всего полное подчинением ей личности. Ценность последней определялась способностью раствориться в целом, осознать себя тождественной миру, сходу. Человек не мог добровольно покинуть свою общину. Зависимость от нее была полной. В самой общине, практически, человек не имел права на собственное мнение, отличное от сформулированного мнения большинства, меньшинству запрещалось отстаивать свое несогласие с решением схода. Этот порядок при Ленине был перенесен в партию. В общине господствовали догосударственные представления, т.е. идеалом была жизнь без повинностей, без "начальства". Община представляла собой "естественную" форму существования личности - психологически для нее как бы не имелось альтернатив.

Разумеется, давление государственности вносило свои коррективы. Власть помещика могла принимать форму патерналистской заботы о крестьянах и создавать представление будто он также входил в эту первичную ячейку. Славянофил А. Хомяков считал, что помещик крестьянину "друг и брат". Однако такой взгляд мало что менял по существу.

Влияние общины (точнее влияние архаичных локальных форм социальной жизни вообще) оказалось исключительно мощным. Она было фактором, определяющим хозяйственные, общественные, государственные формы жизни. Поэтому, что бы мы не думали о судьбах корпоративизма в России, важнейшей задачей является анализ его соотношения с общинностью, общинной культурой, выявление преемственности в развитии идей и практики корпоративности, если таковая существует. Разумеется, такой анализ должен быть конкретно-историческим - ситуация меняется. Тем не менее гигантский пласт традиционализма в России не позволяет его игнорировать даже при исследовании самых ультрасовременных процессов, действий и намерений самых передовых людей.

Сказанное относится и к крепостничеству, которое по своим культурным, нравственным основам также далеко от корпоративности, как и формы крестьянских общностей.

Словом, необходимо постоянно отслеживать исторические изменения, скрупулезно выявлять новые тенденции, своевременно определять их масштабы и значимость. В частности, крайне важно проследить судьбу тех социальных образований, которые в России двадцатого века можно рассматривать в качестве преемников общинных форм и культурных принципов. Важнейшей из них является колхоз. Мнение о том, что колхозы - искусственная форма, созданная большевиками и державшаяся исключительно силой, представляется неубедительным - большинство крестьян прочно ее придерживается. Меньшинство, которое пытается вести самостоятельное фермерское хозяйство, подвергается преследованию со стороны соседей, колхозников, местных властей. Значит ли, что колхозы превращаются в некоторую корпорацию, защищающую интересы своих членов от государства, от частного? Это предположение не подтверждается фактами. Сплошь и рядом жизнь современного колхоза определяется произволом одного лица, что при отсутствии государственного контроля делает колхоз, его имущество легкой жертвой демагогов-жуликов.(1). Иначе говоря, колхоз не является формой организации, нацеленной на защиту своих членов. Это - некоторая гибридная хаотическая форма, необходимая, однако, колхозникам как промежуточное звено для получения благ от государства. Здесь нет ни одного признака корпоративности.

Прошлое завещало нам много такого рода общинно-артельных форм, каждую из которых нужно тщательно проанализировать. Сюда относятся артели, т.е. различного рода попытки перенести общинные способы жизни и труда в город, на производство. Артели существовали еще до отмены крепостничества, затем получили распространение и в городе. Однако они не могли конкурировать с другими формами производства. Важнейшим социальным образованием являются советы, которые были не чем иным, как поднявшейся из архаичных глубин народной жизни древней вечевой формой. В далеком прошлом в локаль-

ных общинах они были вполне функциональны. Но в большом обществе оказались совершенно беспомощными. Быстро и без борьбы они уступили свою власть авторитаризму партии.

От утилитаризма до либерализма

Среди нравственных идеалов важнейшее место занимает либеральный. Он указывает возможную в современном мире альтернативу, основанную на возрастающем значении личности, на стремлении к росту и развитию, на науке и прогрессе технологии. Корпоративность в условиях гражданского общества и правового государства является существенным элементом этой альтернативы. Либеральный соблазн велик, за ним стоит успех многих стран, решивших проблемы, к которым мы пока еще не можем реально подступиться. Однако в России либерализм пока еще не опирается на критическую массу сторонников. Колхозники, предпочитающие замыкать свой хозяйственный интерес приусадебным участком, терпя жуликов, живущих за их счет, никогда не пойдут сложным путем либерализма. Забегая вперед, отметим: корпоративность в России возможна лишь в тех масштабах и степени, в какой либерализм будет способен получать массовую базу и утвердится в стране.

Помимо вечевое и либерального сегодня существует утилитарный идеал, который в определенном смысле можно рассматривать как промежуточный. В отличие от традиционного он нацелен на возрастание эффективности и пользы от своего труда, на получение реального результата от созданной организации. Значение развитых форм утилитаризма помимо прочего заключается в том, что в его рамках постепенно созревает представление о полезности, необходимости ориентироваться на конечный эффект, совершенствовать старые формы организации и создавать новые. Хотя сказанное и будет некоторым преувеличением, но именно здесь, в этой точке открывается реальная нравственная основа корпоративизма. Думается, что определенные перспективы для нее в России открылись в 1762 году, когда дворянство получило определенные права на свою защиту. Во всяком случае именно понимание того, что существует возможность изменить отношения между людьми, например, в процессе улучшения организации труда, повышения эффективности и создает определенные предпосылки корпоративности, позволяет людям, осознавшим некоторый общий интерес, создавать организацию для его защиты и реализации. Словом, судьба корпоративизма во многом зависит от того, получат ли развитые формы утилитаризма массовую базу.

Утилитарный или либеральный корпоративизм?

Корпоративизм на основе утилитаризма и либерализма отличаются друг от друга, причем в крайне важном пункте. И в этом отличии суть проблемы корпоративизма в современной России. Первый исходит из ранее сложившихся утилитарных целей, возможно заимствованных из вечевского идеала, и пытается изменить мир, окружающую среду (т.е. превратить их в реальный и потенциальный набор средств), исходя из своей центральной, высшей задачи. В утилитарной нравственности отсутствует представление, что доведение этого принципа до логического конца угрожает миру разрушением, экологической катастрофой, истощением ресурсов, гибелью людей, государства. Следует предпринимать любые усилия во имя целей, которые той или иной группе кажутся важными, при этом они не измеряются с ценностью существования целого. Тем не менее утилитарный корпоративизм может приспособиться к обществу. Однако проблема в том, что это за общество. Если колхозников, которые позволяют разграбить общее имущество, лишь бы им не мешали заниматься своим огородом, то налицо опасность всеобщего разрушения.

Утилитарная корпоративность не сдерживается нравственными принципами, несет в себе возможность превращения в мафиозную, возможность разгула насилия. В этом угроза не только для общества, но и для самой корпоративности. Оно может по разному ответить на нее, включая и массовый террор против "воров", "буржуазии" и иных групп, которые массовое сознание будет рассматривать как виновников всех бед.

Запад, разумеется, не избежал этой опасности полностью, но нашел нравственный выход: постепенно большинство превратилось в массовую базу либерализма. Последний же изменил сами исторически сложившиеся цели, превратил их в предмет обсуждения и критики. Опираясь на христианство, он отвел социально значимые цели от узко понятой пользы. В качестве важнейшей задачи либерализм поставил формирование гражданского общества и правового государства. Это накладывало нравственный запрет на те формы корпоративности, которые бы защищали изолированный интерес лица или группы, без его соотношения с общим интересом. Либеральная нравственность не позволяла рассматривать мир только как набор реальных или потенциальных средств. Корпоративность оправдана лишь в том случае, если она, решая свои специфические задачи, одновременно воспроизводит, защищает гражданское общество и правовое государство, противостоит дезорганизации. Путь реализации российского корпоративизма лежит через утилитарные попытки формировать корпоративность, может быть принята обществом в качестве условия подъема производства, творческой активности. Со временем это должно привести к смене масштабов либеральной корпоративности.

Корпоративные гибриды

Какова повседневная реальность наших сообществ, ассоциаций, корпораций, их нравственные основы. Здесь все чрезвычайно сложно и запутано. Прежде всего, в изобилии представлены докорпоративные сообщества соборно-авторитарного типа, например, колхозы. Затем следует отметить организации, которые условно можно называть корпорациями; они базируются на утилитаризме, но вышли за рамки полезного и безопасного для общества. И наконец, существует корпоративность либерального типа.

Исключительная трудность теоретического освоения этой реальности заключается в том, что наверное в стране нет такого сообщества, где бы фантастическим образом не ужились все упомянутые элементы. Все они сосуществуют в одной организации, в каждом человеке. Это даже не эклектизм, а стремление вернуться к синкретизму, что, фактически, приводит к формированию псевдосинкретизма. Создать полное описание этой картины трудно, хотя она и является абсолютно необходимым элементом нашего самопонимания. В основе такой реальности лежит вечевой идеал с его неспособностью формировать сообщества чисто производственного типа, решать собственно социальные задачи. Подобный синкретизм, где все функции слиты, не может считаться основой для сообществ корпоративного типа.

Сегодня слияние разных видов сообществ, разных нравственных устоев наиболее отчетливо можно наблюдать в феномене локализма. Локализм - это дезинтеграция общества в условиях распада организационных связей и слабого интеграционного потенциала соответствующей культуры. Россия периодически страдает от мощного локализма. Ныне наиболее яркий пример тому - независимость предприятий, сообществ от высших уровней управления. Главные причины этого явления - слабость форм культуры, лежащих в основе государственности, господство натуральных форм хозяйства. Однако природа таких локальных образований не является чисто архаичной. Она наполнена и новым утилитарным содержанием. Процессы распада сопровождаются бесконечными попытками воспользоваться всеобщей неупорядоченностью, ослаблением законности, государственности для максимального захвата ресурсов. Формируются сообщества, которые могут рассматриваться как результат развития утилитарного корпоративизма, с вкраплением элементов либерального. Однако с классической, либеральной точки зрения это псевдокорпоративизмом.

Словом, наиболее сильные позиции сегодня занимает утилитарный псевдокорпоративизм. Позиции либерального корпоративизма слабее и в условиях раскола и кризиса общества он постоянно находится под угрозой вытеснения, подавления. Ныне корпоративизм в России возможен, причем, как один из элементов расколотого общества. Эта порождает в свою очередь конфликты внутри самих сообществ.

Схема развития корпоративности через утилитаризм к либерализму может быть справедливой и убедительной. Проблема в том, что нет и не может быть гарантии, что России предначертан именно этот путь, что утвердился принцип "либерализм неизбежен" вместо "коммунизм неизбежен". Можно себе представить и иной вариант, когда утилитаризм в условиях низкого тонуса хозяйственной жизни, разорительных налогов пойдет по пути криминальной корпоративности, когда овладение дефицитными ресурсами окажется главной целью таких корпораций, что позволит им укреплять свою монополию. В этой ситуации влияние либерализма, на которого будут по старой традиции вешать всех собак, будет подавлен и в стране воцарится утилитарный беспредел. Не исключено, что страна вновь обратится к авторитарно-вечевым принципам, когда все проблемы стремятся решить с помощью дубины, или к соборно-вечевым идеалам, что повлечет за собой максимальное снижение центров власти, а то и распад власти. Нет никаких гарантированных средств исключить подобные исходы кроме одного - наращивать влияние либеральной нравственности, одновременно усиливая самокритику либерализма, преодолевая его абстрактность.

1. Коновалов В., Миролевич В. Как корреспонденты «Известий» покупали колхоз // Известия. 1995. 18 мая. С.5.

С.Я. Матвеева
Место корпоративных ценностей
в культурной и социальной динамике

С понятием современной корпорации связывается рационально организованная совместная деятельность. При слове "корпорация" в сознании возникает образ крупной организации, успех которой в рыночной сфере определяется взаимозависимостью средств, целей, ценностей, разделяемых как организацией в целом, так и каждым ее членом. Личные интересы участников корпорации реализуются через общий успех.

Имеются ли у нас сейчас такие организации? Каковы их перспективы?

Слабость корпоративности

Вряд ли правомерно утверждать, что в современной России отождествление личного успеха с успехом производственной организации имеет массовый характер. Это не всегда наблюдается даже в новых формах негосударственного бизнеса, и тем более в государственных или квазигосударственных организациях, лишь номинально поменявших своего собственника.

Недостаточное развитие корпоративности имеет несколько причин. Одна из них имеет ситуационный характер, не становясь от этого менее болезненной, и связана с тем, что население России еще не оправилось от шока, вызванного утратой прежней государственности, ее ценностей и идентичностей. Общественное сознание получило сильный социально-психологический удар, за которым обычно следует желание на людей на какое-то время уйти в себя, поразмыслить, а не искать новых контактов.

Другая причина имеет более глубокие исторические корни. Запаздывающая, продолжительная, тяжело протекающая модернизация ввергла общество в состояние аномии. Советский порядок не сумел ее преодолеть. По меньшей мере с 1861 года Россия в той или иной степени переживала стрессовое состояние, обусловленное постоянным разрушением сложившихся норм и правил и сопровождавшееся столь же постоянными попытками творческого формирования новых. Драматически пережитый обществом распад сословий, их нравственных устоев, патологические формы секуляризации, массовые миграции населения, неоднократные террористические удары государства, длительное время проводившего политику стирания классовых и этнических различий, по вновь формирующимся общностям - все эти причины ослабления групповой, в том числе и корпоративной солидарности.

Этот процесс иногда прерывался патриотическими подъемами, например, в 1914 и 1941-1945 гг., что, однако, не меняло его основную направленность.

Под давлением исторической инерции корпоративные ценности уступали и до сих пор уступают место ценностям должностной иерархии, общинно-соседских, земляческих, личных отношений. Важную роль в этом играет недостаточное развитие ценностей профессионализма, делового успеха, которые длительное время были принижены, прежде всего официальной государственной идеологией, и только в самые последние годы начинают соответствовать более высокой отметке на шкале общественных ценностей. Однако нельзя игнорировать и мощную противоположную тенденцию. Профессиональные сообщества у нас относительно мало дорожат своими ценностями. Ими готовы поступиться и перед большими деньгами, и перед властью. Если принятие в члены корпорации, как и исключение из них, - это вопрос, не требующий учета профессиональных и корпоративных ценностей, то трудно ожидать их укрепления.

Между тем зрелая корпорация, выработавшая собственные правила, ценности и нормы, способна их персонифицировать в поведении тех, кто к ней причастен. Такая корпорация проявляет верность принципам и заставляет другие сообщества и социальные силы считаться с собой, не идя ни на какие уступки, связанные с ослаблением правил и снижением стандартов. Даже во времена СССР встречались свидетельства силы корпорации. Например, президенту АН СССР А.П.Александрову было предложено в ЦК КПСС исключить академика А.Д.Сахарова из членов этого научного сообщества, на что президент не согласился, мотивируя отказ невозможностью искусственно обеспечить требуемый результат голосования.

Ростки корпоративности

Несмотря на неблагоприятные условия исторического формирования корпоративности в нашей стране, сегодня потребность в ней, вызванная и развитием личности, и поиском новых форм организации производства, стала очевидной. Важной чертой социальной и культурной динамики постсоветской России является возникновение новых идентичностей, новых общностей на основе разделяемых норм и ценностей. Не последнюю роль в этом процессе следует отнести нормам и ценностям корпоративных объединений. Как показывают исследования, наиболее отчетливыми являются идентификации с группами повседневного общения, прежде всего семьей, в то время как солидарность на макрогрупповом уровне, включая и этнокультурную идентичность с российским народом, российское гражданство, проявляется незначительно. (1). В этом обнаруживается существенный переход людей, преимущественно отождествляющих себя с абстракциями типа «советское государство» (что, кстати, было одной из причин поддержки тоталитаризма), к групповым идентификациям. Вектор развития идентификации сегодня благоприятен для формирования корпоративных ценностей, соответствующей структуризации общества.

Однако, это не безоблачный процесс. В нем скрыто противоречие, имеющее, на мой взгляд, имеющее ключевое значение для наблюдаемых перемен. Происходит расщепление «власти-собственности», которая до сих пор в значительной степени характеризовалась синкретичностью. Усиливается вероятность обретения собственности реальным владельцем. Идет скрытая борьба внутри и между различными группами правящей элиты, в которую по мере уменьшения делимого "пирога" заметнее втягивается и все общество.

Вряд ли здесь стоит подробно останавливаться на расщеплении старой властвующей номенклатуры, выделении в ней реформаторского крыла, ощутившего необходимость перемен и ставшего их инициатором. Этому активному меньшинству пришлось искать поддержку вне своего круга, в результате чего возникла новая элита, которую в наших условиях можно считать собственно предпринимательской. Именно она, в силу отсутствия или слабости налаженных аппаратных связей, большей активности, молодости, таланта, и, соответственно, незащищенности, наиболее заинтересована в поддержке, а также укреплении корпоративных ценностей. При этом последние начинают приобретать современную форму,

т.е. прежде всего ориентированной на рыночную среду, ее продуцирование, укрепление, развитие и воспроизводство. Здесь следует искать потенциал корпоративности.

Однако и старая элита, прежде всего те, кто оказались владельцами или распорядителями контрольных пакетов отечественных монополий-гигантов (особенно в отраслях, для которых успех на рынке трудно достижим) заинтересованы в поддержке своих корпоративных ценностей. Они надеются сохранить свои предприятия, возможность воспроизводства синкретической «власти-собственности», главное преимущество которой - свободное распоряжение капиталом без риска личного разорения. Борьба этих групп внутри хозяйственной элиты лежит в основе ее глубинных изменений и будет иметь важнейшие последствия. Эта борьба отражает существование двух основных типов корпоративной солидарности.

Один из них - государственно-монополистический, социалистический, административно-командный, то есть докапиталистическая по своей природе. Это корпорация чиновников, распоряжающаяся чужой (скорее всего псевдогосударственной) собственностью. Сошлюсь на утверждение, что нашим наиболее удачливым предпринимателям "были переданы в управление их наделы-корпорации"(2). Но главное даже не в способах получения этих «наделов-корпораций», а в том, как теперь ими распоряжаются предприниматели: несут ли они за них ответственность, рискуя собственным капиталом и репутацией, формируют ли рыночную среду, или воспроизводят атмосферу советского обмена (бюрократического рынка).

Другой тип корпорации складывается в результате стремления к рыночным отношениям. Важнейшее отличие между обоими таково: в первом ценности отношений внутри корпорации, с другими корпорациями, властью и т.п. выше, чем ценности, определяющие эффективность деятельности. В корпорации рыночного типа дело обстоит противоположным образом. Из этого вытекает ряд важных различий, которых здесь нет возможности рассматривать. Следует лишь отметить, что рыночные корпорации ориентированы на интенсификацию труда, более тщательны в подборе персонала, стремятся к использованию инноваций для достижения эффективных результатов деятельности. Такие корпорации по типу должны приближаться к хорошо изученным на Западе, которые ориентированы на успех в конкурентной среде. В России, однако, различие между указанными типами корпораций может стать традиционным и сохраняться в любых сообществах.

Важная особенность корпоративности в России - преобладание чиновника. Тем не менее, не все находится в руках "приватизаторов и распорядителей" синкретической «власти-собственности». Сейчас происходит изменение характера связи власти и собственности, и чиновникам приходится принимать новые решения, воплощать элементы нового порядка. Возможно, через некоторое время это изменит и соотношение между разными группами элит.

Роль чиновника определяется тем, что буржуазия в России всегда осталась второстепенным, экономически и политически уязвимым слоем, прикармливаемым государством. Она плохо воспринималась традиционной элитой - аристократией и дворянством, ее ненавидели разночинцы, деревенские и городские маргиналы. М.Вебер в начале века полагал, что историческое время для формирования буржуазии в России ушло и ничто не указывает на такую возможность в будущем. Однако и в истории бывают парадоксы.

Большевики уничтожили исторического противника буржуазии - элиту традиционного общества. Новая советская элита полагала, что чиновники вполне справятся в задаче модернизации страны, не в последнюю очередь уповая на стоявшую за ними силу организации. Но чиновники - профессионалы организации, а потому могут быть сильны лишь в области организации и управления, контроля и распределения. Двигателем общественных изменений они быть не могут.

В конце XX века в России, наконец, пришли к догадке, что кроме предпринимателей заниматься экономическим творчеством некому. Сейчас приходится прибегать к их реанимации. А делают это сами чиновники и не только из-за желания втихую легализовать "прихватизированную" ими собственность, как пишет Е.Гайдар. Причина также и в том, что об-

щество задыхается от неэффективности хозяйства, управляемого чиновниками. Возникла необходимость разрешить свободное творчество тому, кто на него действительно способен. Однако именно в этом вопросе выявляется мощное противоречие между двумя формами корпоративности. Первая, тяготеющая к синкретизму, способствует слиянию собственности и власти, подчинению собственности - власти. Вторая тяготеет к независимости от власти, что выражается в стремлении подчинить, подкупить, коррумпировать властные структуры.

Трудность типологизации корпоративных форм заключается в том, что ценности и интересы предпринимателей не всегда соответствуют друг другу. Здесь много романтизма и неясных представлений, ситуационных действий, основанных на интуиции. Не вполне сложилась предпринимательская идеология, у многих психологически доминирует ощущение враждебности окружающей среды, некоторые группы действительно подвергаются прямой физической опасности. Чем рациональнее, осознаннее будут представления предпринимателей о себе и своей роли в общественной структуре, социальном порядке, чем массовее станет предпринимательский слой, чем большее число людей заведут свои «дела», тем дальше исторический вектор станет уводить нас от переходных "недомодернизированных" состояний, зависания "между" то ли азиатским способом производства, то ли социалистическим монополизмом в сторону рыночных отношений, капиталистического порядка, господства ценностей городской культуры.

Стратегии дорыночной и рыночной корпоративности

Эти стратегии различаются основными концепциями хозяйственно-экономической деятельности. Например, государство рассматривается с точки зрения дорыночной стратегии как основной источник ресурсов, а с точки зрения рыночной – как источник правовой регуляции, устанавливающей равные правила для всех субъектов независимой экономической деятельности. Соответственно, и внутри корпораций поведение персонала и руководителей будет различным. Руководитель, ориентирующийся на остатки патерналистской государственности, скорее всего не станет возражать против забастовок рабочих. Это поможет ему требовать обеспечения ресурсами, списания долгов и дотаций у правительства и сохранять личные связи в соответствующих министерствах и ведомствах.

Рыночные корпорации преимущественно тяготеют к установлению горизонтальных связей с другими хозяйственными субъектами, заботятся о рекламе, успехе у потребителей. Дорыночные корпорации, напротив, экономят на рекламе и ощущают себя достаточно независимыми от потребителей, так как их основной кредитор и заказчик - государство. Соответственно, рыночные корпорации своим существованием способствуют формированию конкурентной среды и вынуждены добиваться повышения эффективности своей деятельности путем снижения издержек, разработки и внедрения инноваций. Дорыночные структуры достаточно безразличны к себестоимости своей продукции и издержкам, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется патронаж со стороны государства. Они ищут ресурсы в окружающей социальной среде, стремясь отвоевать их у государства и общества. Одновременно в них проявляется сильная тенденция к автаркии.

Рыночные корпорации, напротив, выступают генераторами ресурсов, которыми обмениваются с другими производителями товаров и услуг. В тенденции они ориентированы на интенсификацию производства, открытость по отношению к социально-экономической среде. Их деятельность направлена не на дележ, но на приращение общественного "пирога".

Различие этих ориентаций теоретически связано с формой собственности. Однако, практически стремление вырвать дотации, безвозвратные кредиты присуще и негосударственным структурам. То, что недоступно и разорительно для среднего и малого бизнеса, вынужденного ориентироваться на самого себя, доступно для крупной постсоветской корпорации. Она подкреплена своими масштабами, социальным весом, возможностью при случае саботировать выпуск необходимой продукции, угрожать стачкой, другими осложнениями.

Вместе с тем в корпорации, ориентированной на дорыночную стратегию, возможно снижение конфликтности между трудом и капиталом, формирование атмосферы согласия

на основе сниженной требовательности к результатам труда. Такая стратегия вполне рациональна для самой корпорации. Корпоративная солидарность здесь не только не препятствует, но, напротив, активно поддерживает требованиям, предъявляемые к окружению - другим отраслям, государству, обществу. Например, корпоративная солидарность врачей, учителей, торговцев может заставить общество считаться с собой, а угроза забастовок в сырьевых отраслях - серьезно беспокоить правительство. Здесь, кстати, классический конфликт между трудом и капиталом, описанный К.Марксом, превращается в конфликт между трудом и государством.

Нетрудно заметить, что корпоративность рыночного типа выгоднее, ибо способствует приращению ресурсов. В наших условиях одной из наиболее важных ее черт является способность формировать рыночную среду, новые производственные отношения и культуру. Опыт рыночных отношений создает необходимые, хотя и недостаточные, условия для совершенствования механизмов гражданского общества, установления правовых норм хозяйственной деятельности и тем самым стимулирует формирование правового государства.

Личность в корпорациях и перспективы развития корпоративности

Наличие в обществе как рыночных, так и дорыночных отношений, соответствующих типов корпоративности обуславливает двойственную мораль и противоречивые мотивации, складывающиеся у личности. Опыт советской жизни диктовал необходимость следовать правилам и нормам, отражающим ситуацию, в которой личные связи господствовали над безличными требованиями, синкретический (коллективистский, симфонический, соборный) человек - над специализированной личностью, в том числе профессионалом. В отношениях между людьми внутри организаций также личные отношения преобладали над профессиональными. В этой ситуации условия для превращения капиталистической корпорации в ценность складывались крайне неблагоприятно. В художественной литературе, например, у М.Горького показаны предприниматели, которые тяготились своей деятельностью. Что же говорить об их подчиненных? В советские времена позитивные ценности организаций складывались вокруг специфических социальных и личностных сфер (вроде приверженности разведению цветов в отделе или совместному празднованию календарных дат и дней рождения сотрудников), не связанных с производственным процессом как таковым.

Изменения ведут к распаду синкретизма «власти-собственности», (псевдо)синкретической личности, путавшей рабочее время с внерабочим, а профессиональные отношения - с личными. Условием корпоративности, в основе которой лежит ценностная ориентация человека на целое (организацию), является возрастание его роли как специалиста и профессионала.

Власть личных отношений над производственными, профессиональными, корпоративными в дорыночных корпорациях порождает личностные конфликты. Это затрудняет деловое общение, снижает коллективную требовательность к качеству труда, ибо любое замечание по поводу исполнения чисто профессиональных обязанностей немедленно нарушает непрочный мир в группе. Следствием этого могут стать недостаточная интенсивность труда, атмосфера всеобщего попустительства, парализующие производство конфликты.

Дорыночные корпорации постоянно воспроизводят патерналистскую личность со свойственной ей мотивацией деятельности и отношений внутри организации. Эта мотивация проявляется как конфликтная и противоречивая и в отношении подчиненных к своему "начальству". С одной стороны, бывший советский служащий стал формальным мелким собственником, превратился в социального "партнера". С другой - он лишен реального права влиять на решения, по-прежнему принимаемые достаточно келейно, привык быть пассивным и не нести ответственности. В этом смысле для него ничего не изменилось. Вместе с тем начальству, фактически ставшему частным владельцем, но использующему государственную "крышу", подчиненный не доверяет, поскольку резонно подозревает его в использовании корпоративной поддержки для реализации личных интересов. Он может также на-

блюдать увеличение социальной пропасти между "простым рабочим" и новым номенклатурным предпринимателем из-за растущих ножниц между доходами, а также потому, что богатство ныне демонстрируется открыто. Именно действие механизма доверия-ненависти разрушает корпоративность более всего, ибо делает интерес подчиненных частным, нереализуемый через организацию и, как правило, неразвитым, отвлекая от ориентации на общий успех корпорации.

Вектор развития профессиональной культуры, достижения делового успеха направлен от экстенсивных к рыночным отношениям. Это особенно ощущается среди восходящих групп и фиксируется социологами прежде всего у молодых, образованных, деятельных жителей больших городов.

Перспективы дальнейшего роста корпоративности рыночного типа связаны с ростом активности больших масс людей, их постепенным избавлением от патерналистских комплексов, пассивности, связанных не только с надеждой на государство и его высшие управленческие инстанции, но и с иллюзией, что руководство собственной организации обязано выражать интересы рядовых членов. Массовость корпоративных ценностей рыночного типа зависит от роста способности работников организовывать себя, осознать и выразить свои интересы, умения преодолевать конфликтность и обиды, достигая действенных компромиссов внутри организации. Рост современных корпоративных ценностей - один из важных механизмов вовлечения людей в активную производственную деятельность, который согласует личный и коллективный успех, а, значит, способствует преодолению разобщенности как внутри корпорации, так и между личностью и обществом.

1. Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 г. По разделу общегосударственной программы «Альтернативы социальных преобразований российского общества» / Под ред. В.А.Ядова. М.: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.
2. Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И.Бакштановского, Г.Э.Бурбулиса, А.Ю.Согомонова. Москва-Тюмень: Центр прикладной этики Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН; Гуманитарный и политический центр «Стратегия», 1995.

Р. Хубер

Почему люди стремятся преуспеть

Макс Лернер считал, что Америка стоит в одном ряду с "Грецией и Римом как одна из самых великих цивилизаций в истории". Большая часть того, что можно считать наиболее примечательным (и с положительной и с отрицательной сторон) в этой цивилизации содержится в ценностях и условиях, питающих идею успеха.

Почему американцы стремятся стать преуспевающими? Почему, как отметили иностранные визитеры в 1903, "эта неослабевающая амбиция имеет почти универсальный характер"? Самый важный элемент в фундаменте американской цивилизации – не экономический, не политический и не этнический. Это - элемент религиозный. Пуританский протестантизм особенно важен в объяснении стремления американцев к успеху.

Целью средневекового христианства было познать и воплотить в жизнь волю Бога. Традиционное общественное воспитание культивировало добродетели смирения и довольствования малым и пыталось свести к нулю дух соревнования. Хотя честолюбивые амбиции не были полностью нивелированы, от каждого ожидалось исполнение своего долга именно в тех жизненных обстоятельствах и в таком положении, с которыми Богу было угодно связать судьбу данного человека.

В пуританской Америке цель христианского служения также заключалась в том, чтобы познать и исполнить волю Господа – иное дело, что отношение людей к Божьей воле изменилось.

Поиски милости превратились в стремление к богатству. Если, по словам Гунара Мюрдаля "американцы поклоняются успеху", то это происходит потому, что они с самого начала своей истории поклонялись Богу, который настойчиво желал им успеха и процветания. Последствия такого религиозного убеждения безграничны. В сфере производственно-экономической жизни качество человеческих ресурсов более важно, чем количество природных ресурсов. Именно в огне человеческих ценностей природные ресурсы переплавляются в средства производства и богатство нации. Основные виды деятельности - одни и те же в каждом обществе. Но значение, придаваемо этим видам деятельности, существенно различается. В Америке наиболее значимой деятельностью считается "делание жизни" (making a living). Это чистая правда не потому, что делание жизни превозносится ради себя самого, а потому, что оно обрамлено набором ценностей, которые позволяют понять его символическое значение. Люди проявляют целеустремленность, когда работают за вознаграждение, например, за деньги или получая внутреннее удовлетворение от своих достижений. Но они становятся более целеустремленными, когда работа сама по себе включает высшую ценность. Именно сакральное содержание превращает светскую работу в ценность. Ирония в том, что духовный контроль становится контролем материальным. Но это отнюдь не означает, что материальное подчиняет духовное.

Все общества преследуют определенные цели, которые называются святынями. Однако некоторые из них, в том числе Америка, приобретают благосостояние, стремясь к святыням. Другие общества остаются в бедности. Фатализм мусульманской религии не поощряет целеустремленности. Мистицизм индуизма, буддизма и конфуцианства осуждает, а не поощряет заботу о своих правах в этом мире. Такая религия препятствует развитию индустриализма.

В Америке религия пуританского протестантизма поощряла человека быть производителем. Обхитрить судьбу считалось способом выразить преданность Богу и явным доказательством его благосклонности. Как писал Эрих Фромм, такая этика "поддерживала чувство безопасности и заботилась о том, чтобы придать жизни смысл и религиозное чувство завершенности. Комбинация стабильного мира, стабильной собственности и стабильной этики давала членам среднего класса чувство уверенности в себе и гордости".

Пуританский протестантизм был главным импульсом творческого напряжения. Некоторые общества пытались превратить напряжение в гармонию. Американский дух создавал противостояние человека и его Богом (грех и спасение), человека и его внутреннего мира (вдохновение, испытываемое от достижения), между людьми (конкурсный конфликт за превосходство в отстаивании своих прав), человека и природы (мастерство). Именно это психическое напряжение личности (в общем, но не всегда) осуществлялось в целенаправленном действии. Когда среднему классу, экономически радикальному и политически консервативному, предоставили в распоряжение сделанные прикладной наукой изобретения и открытия, это привело к промышленной революцией, более значимой, чем любые предшествующие и последующие политические революции.

Поскольку пуританский протестантизм идеологически обосновывал способности человека производить, возможно, он помогал и формированию подобных психологических качеств у верующих. Как пуританский протестантизм создал предпринимательские черты - инициативу, уверенность в себе и принятие риска? Он подчеркивал прямую связь между человеком и Богом: «Каждый человек сам себе священник. Он стоит перед Богом в свободной молитве с личной ответственностью за свою собственную судьбу. Достижение милости является личной заслугой человека и его отношениях с Богом. Бог никогда не смотрит сквозь пальцы на безалаберность. Существует некая моральная бухгалтерия, в соответствии с которой воздается и святым и грешникам». В этом свободном реформаторском отно-

шении человека к Богу всегда присутствовал риск, принесенный личной ответственностью за принятие решений.

Протестантизм устранил из жизни большую часть таинственного и заменил тайны совокупностью проблем. Мистика была неудовлетворительным объяснением мира, пригодного к рациональному освоению. Образование было необходимым требованием для всех классов и профессий, поскольку в Библии записано слово Божье. Но более важным, чем грамотность, был сам процесс мышления, который принуждал и индивидуума искать свои собственные ответы.

Важно заметить, что большая часть протестантских вероисповеданий демократична, а не авторитарна. Но психологические последствия веры являются в данном случае ключевым пунктом. Вместо священника, постоянно находящегося между человеком и Богом в авторитарном мироустройстве, что может привести к пассивной зависимости, протестантизм делает упор на индивидуальное принятие решений без посредников между человеком и Богом. Этот процесс ведет за собой децентрализованное индивидуальное принятие решений в светских делах. Авторитет и ответственность, перешедшие к индивидууму в решении религиозных вопросах, сопряжены с уверенностью в использовании авторитета в светских делах. Индивидуалистический склад ума руководствуется уже не авторитетами, а всеобщими стандартами. Отпущение греха находит выражение в деловой справедливости, уверенности в себе в момент принятия решений, инноваций, действий.

Цена, заплаченная за пуританский протестантизм - эмоциональная стерильность. Этика характера была частью шестого чувства, которое заморозило остальные пять. Самодовлеющее стремление стать борющимся, а не чувствующим существом подавило человеческие чувства и сделало невозможным их непосредственное выражение. Результатом стало ограничение глубоких чувств, подавление страсти, боязнь экстаза. Одной из черт пуританского протестантизма было чувство вины, обусловленное навязчивой идеей сексуального греха. Это не так важно. Мы не рассматриваем здесь викторианский протестантизм девятнадцатого века с его одержимостью респектабельным образом жизни, или колониальный протестантизм, который прятал секс за лицемерием, вызывающим бешенство у следующих поколений. Мы не обязаны по-школьному повторять, что колониальный пуританизм на самом деле был увлечен сексом, хотя в то же время непременно испытывал чувство вины по поводу соблазнов плоти. То, на чем мы действительно фиксируем внимание, - это отрицание чувств и вытекающее из этого освобождение эмоций для производительной деятельности. Если вы эстетически пресыщены красивыми картинами и музыкой, изысканной пищей и парфюмерией, даете дорогу эмоциям, пробуждаемым плотью, это означает, что именно внешняя среда действует на вас, а не вы на среду. Это означает, что внешние стимулы, эстетические и сенсорные, управляют вашими чувствами. В общем, эстеты не становятся полноценными аскетами. Теологически мирские удовольствия нечестивы. Психологически же они доминируют. И если существует нечто, чего требует от своих приверженцев идея успеха, то это - контроль. Контролировать же свою внешнюю среду можно только посредством подавления чувств.

В глубине религиозные ценности и их психологические последствия усиливаются другими причинами, которые помогают объяснить, почему американцы стремятся быть преуспевающими. Пуританизм бьет лень палкой вины, капиталистические ценности поощряют амбиции морковкой личной заинтересованности. К концу восемнадцатого века достижение "морковки" было благом не только для себя, но и для всех. Адам Смит выдвинул доктрину, согласно которой оправданием нерегулируемого следования своим собственным интересам является в целом непреднамеренный вклад в общественное благосостояние. Так экономическая доктрина встала в один ряд с религиозными убеждениями. Пуританизм и Адам Смит завещали нации чистую совесть в делании денег. Вы способствуете общественному благу, стремясь к своему собственному.

Доктрины экономического и политического индивидуализма поощряли стремление к успеху. Достижения самостоятельно добившегося своих целей человека являлись для эко-

номической демократии тем же, чем права избирателя - для политической демократии. Индивидуализм поощрялся оптимистической верой в то, что каждый мог бы возвыситься в "стране возможностей". ("Вы не можете удержать хорошего человека внизу"). "Америка", - провозглашал Эмерсон, - "является синонимом Возможности". Статуя Свободы повторяла обещание: «Приходите ко мне утомленные и обездоленные, все жаждущие свободно дышать, несчастные, отвергнутые вашим плодородным берегом, приходите ко мне ввергнутые в бурю, я поднимаю мой факел перед золотой дверью!» С 1886 года Статуя Свободы высоко держала свой факел и символизировала обещание возможностей в той же мере, что и реальность свободы.

Фактором роста возможностей является мобильность, готовность людей мигрировать. Не Возможность создала Америку. Это сделали люди, выбравшие возможность вырвать себя с корнем из родной земли и начать борьбу за новую жизнь. Столь же важным был способ овладения землей. На протяжении трех тысяч миль землю колонизировали и обменивали независимые собственники с незначительным имуществом, представители среднего класса, а не нетитулованное мелкопоместное дворянство, надзирающее за баронскими имениями, обрабатываемыми зависимыми наемными работниками.

Где бы ни подвергалась опасности лелеемая ими надежда на Возможность, глубоко прочувствованные либеральные движения порождали идеи и действия, стремясь защитить ее. Сильными пунктами платформы «Джексоновской Демократии», «Популизма», «Прогрессизма» и «Новой Свободы» было повторение попыток устранить привилегии и заново открыть засорившиеся каналы продвижения вверх. Застарелый страх, что Америка идет по пути Европы, сжимал сердце. "Что в первую очередь нужно нашей стране, - заявлял Вудро Вильсон в 1913 году, - это ядро законов, которые будут охранять человека, делающего себя, а не того, кто уже себя сделал". Вера в Возможность и забота об ее сохранении до некоторой степени объясняют, почему социалистическая доктрина перераспределения благ с таким трудом пробивала дорогу в сознании американцев. "Капитализм, в долгосрочной перспективе, победит в Соединенных Штатах", - предсказывал Г.Л. Менкен, - хотя бы потому, что каждый американец надеется стать капиталистом еще при жизни".

В американской открытой классовой системе статус зависел от достижений, а не приписывался. Никакие титулы или юридические ухищрения не защищали человека от возможности скатиться в низший класс на протяжении всей его жизни. В то же время формально ему не было заказано и продвижение в высший статус. При отсутствии феодальных традиций, права первородства, майората, аристократии, крестьянского и пролетарского классов американцев чувствовал себя как бы на эскалаторе, способном двигаться в обоих направлениях. Эта текучая классовая система являлась вертикальным выражением фактора мобильности в американском образе жизни, точно так же, как его горизонтальным выражением являлась готовность мигрировать в пространстве - на земле и в городах, а затем в пригородах. Целенаправленное безостановочное перемещение было движением вдоль по направлению к Возможности и движением вверх по направлению к достижению.

Каждое поколение в Америке расплющивает носы об оконное стекло, мечтая о своем общественном положении - ценности общества поощряют его делать это. В Европе отличие от тех, чье положение выше, компенсируется надменностью по отношению к тем, чье положение ниже. "Англичанину невозможно открыть рот, - жалуется Бернард Шоу, - не поставив другого англичанина ненавидеть или презирать его". Классовых акцентов можно избежать, но во французском и немецком языке различия встроены в их глубинную структуру. Должно ли лицо, говорящее с вышестоящим, обращаться на "вы" (vous) по-французски (vous) или по-немецки (Sie)? Или к нему, как к нижестоящему, должны обращаться на "ты" (you) по-французски (tu) или по-немецки (Du)? Если американская классовая система на сто процентов и не похожа на бесклассовое общество, которого требуют столь многие патристические декларации, она все же достаточно отличается от европейской или азиатской как более формальных и жестких классовых систем, чтобы сделать присущие ей контрасты значимыми.

Все эти черты выражаются и усиливаются конкурентным началом американской культуры. "Изначально американская жизнь была соревновательной снизу доверху, - пишет Д.В.Броган, - ни для кого не существовало настоящей стабильности, настоящей безопасности". Если представители других культур могли бы сломаться под таким давлением, то американцы работают наилучшим образом именно тогда, когда их подстегивают условия конкуренции. В том, что касается эмоционального саморазвития, конкуренция считается менее благоприятной. Карен Хорней отмечает, что "в нас так глубоко укоренилась идея, что каждый хочет опередить своего собрата, стать лучше его, что мы ощущаем эту тенденцию как "естественную". Однако факт, что принудительная мотивация успеха возникает только в конкурентной культуре, не делает ее сколько-нибудь менее невротизирующей. Даже в конкурентной культуре существует множество людей, для которых иные ценности - в частности, такие как саморазвитие личности - важнее, чем конкурентное превосходство над другими".

Одно из определяющих влияний на соревновательную мотивацию оказывает школьная система. Целью образования в семнадцатом веке было религиозное служение. К девятнадцатому веку образование само по себе стало религией со своей собственной уверенностью и верой. Это уверенность в том, что демократия способна функционировать только опираясь на образованных граждан, способных принимать решения в духе американских традиций. Это вера в образование как в эскалатор, поднимающий моих детей на более высокую экономическую и социальную позицию.

Если свобода образования для всех является талоном на питание, то одна из его массовых функций будет - воспитание детей иностранцев в духе базовых ценностей американской культуры. В некоторых обществах ребенок посредством неуловимых признаков усваивает, что он занимает данное ему место в общественной иерархии. В Америке ребенка учат, что его место может быть выше, чем у его родителей. Поощряя детей преуспевать, школьные учителя выражают ценности среднего класса своего общества. Для того, чтобы возбудить соревновательную мотивацию у детей, разработаны целые батареи оценок, призов и степеней с первого класса до высшей школы, которые измеряют, на каком месте располагается ученик в ряду его школьных товарищей. Конкурентное оценивание в учебной, спортивной, общественной и внешкольной деятельности разработаны для того, чтобы воспитать в ученике готовность бороться за себя в мире, где узаконена жестокая конкуренция. Исподволь детям внушается модель мышления, в которой достижения измеряются зафиксированными наградами. После окончания школы измеряемые награды просто переводятся в денежное выражение.

Успех можно записать как "\$ucce\$\$". Природа цели успеха вносит свой вклад в амбицию. Деньги объективны и безличностны. В отличие от благородного титула, их может приобрести любой. В отличие от профессии, их можно приобрести быстро - и потерять еще быстрее. Деньги не имеют качества, только количество. У них нет внутренней ценности, а есть только та, что на них написана. Парадокс, конечно, в том, что мы приписываем наибольшую ценность тому, что само по себе не имеет стоимости. Деньги свободны от предубеждений. Они говорят с миром языком звенящих монет или шуршащей бумаги. Мы поклоняемся им как "всемогущим долларам" и ненавидим их как "презренный металл".

Страсть к обладанию деньгами может вырастать из глубокого эмоционального конфликта, прослеживаемого до тех первых лет, когда ребенок начинает понимать связь между деньгами и властью. Он изучает способы получить деньги от своих родителей, сталкивается с мукой двойственного желания потратить их сейчас или приберечь на потом, с ужасным ощущением, что родители не являются "рогом изобилия" монет и поэтому не всемогущи, открывает возмутительный факт, что некоторые дети богаче его. То, как ребенок разрешает эти эмоциональные конфликты, формирует его позицию по отношению к деньгам во взрослом возрасте. Пример, знакомый каждому - скряга. Скряга может показаться жадным на деньги, но на самом деле он жаден - на любовь. Большинство этих скупых, принудительных нетранжир, как отмечает Уильям Кауфман, "подвергались в раннем возрасте воздейст-

виям, подавляющим любовь и проявления чувств, и испытали бедность, суровое обращение и регламентацию. Символически деньги представляют собой любовь, аффектацию и безопасность, которых они никогда не имели и которых они ненасытно жаждут".

В ранней ортодоксальной психоаналитической литературе деньги приравнивались к грязи, нечистотам. Основой иррациональных способов поведения по отношению к деньгам являлось символическое равенство: деньги = feces (фекалии). Происхождение стремления к обладанию деньгами как таковыми (как самоцель) искали в периоде детства - особенно в обучении физическим отправлениям. Фрейд полагал, что определенные черты характера модифицируются сексуальным возбуждением, опыт которого ребенок приобретает в анальной области. Другие утверждали, что для ребенка, подвергающегося обучению оправляться, является существенной позиция лица, надзирающего за обучением. Образ гневной женщины, настойчиво требующей жесткой регулярности действий, включается в различные личностные характеристики ребенка, а не только в те характеристики, которые причинно или менее тесно связаны с элиминацией экскрементов.

Ключ к позиции взрослого по отношению к владению деньгами связывали с его детским опытом выбора между двумя монументально приятными возможностями - придержать или выпустить (упорствовать или выкинуть из головы). Феничел объяснял: "Анальный эротизм имеет более важное значение в желании копить собственность по сравнению с оральным или генитальным эротизмом, потому что в анальной сфере, сдерживая и накапливая, можно позволить себе опыт эрогенного удовольствия". Если "держаться" запоминается человеком как жизненный образец, - полагал Найт, - то в нем может доминировать черта "иметь и держать". Таким образом, золото становится символическим заместителем экскрементов..."

Ференци проследил стадии, через которые ребенок в конце концов устанавливает связь между экскрементами и деньгами. Первая стадия это фекалии как таковые, с которыми манипулируют как с игрушкой; за ней следует влажная грязь (испражнения без запаха); затем переход к песку, галькам, детской игре в шарики и, наконец, к монетам. Деньги представляют собой "не что иное, как лишённые запаха высушенные отбросы, которым придан блеск. Resunia non olet (Деньги не пахнут)". Ференци пришел к заключению, что, какие бы формы деньги не принимали, - бумажных денег или обычных акций, "удовольствие обладания ими имеет своим наиболее глубоким и наиболее обширным источником копрофилию" - любовь к навозу.

Более очевидная трактовка денежной природы цели успеха состоит в том, что не существует фиксированной точки, которой необходимо достигнуть. При делании денег, по сравнению с завоеванием институционального ранга (служебного положения), лестница успеха не имеет конца. Деньги являются также мерой стоимости человека. Сто лет назад Томас Николс удивлялся: "Почему универсальна и вечна борьба за богатство? Потому что это единственная необходимая вещь, единственная безопасная сила, единственное реальное отличие. Американцы говорят о человеке, что он стоит сколько-то тысяч или миллионов. Нигде деньги не ищут так страстно, нигде их так не ценят... Реальная работа Америки - делать деньги ради самого процесса делания денег. Это цель, а не средство... Талейран сказал, что Америка отвратительная страна, где человек готов продать любимую собаку. Я думаю, что привычка определять фиксированную цену всему могла вводить в заблуждение дипломатов. Возможно, человек совершенно не желает продавать свою собаку; но ему бы очень хотелось опознать ее как нечто, что стоит так много долларов... Все, каждая вещь, продающаяся или нет, имеет цену в денежном выражении. Деньги являются привычной мерой всех вещей."

"Вещи" являются мерой людей на оценочной шкале частного бизнеса в Америке. Однако, "никто в мире не отдает свои деньги с большей легкостью", - декларировал британский наблюдатель Джеффри Горер.

Эксперту по делам администрации Линкольну Стеффенсу было непонятно, "как европейцы могут говорить, что американцы поклоняются деньгам, когда они (европейцы)

покупают за деньги все - статус, честь, бизнес, искусство...". Все в мире любят деньги за их могущество в приобретении жизненных удобств. В Америке деньги являются в первую очередь символом. Это способ поддержания статуса.

Культивирование денег в Америке имеет и дополнительной измерение В высококомбинированном обществе, делающем упор на индивидуальной ответственности, существует несколько конкретных стандартов, по которым следует судить о человеке. Чарльз Гортон Кули в 1899 году пришел к заключению: "Действительно доминирующий мотив в значительной мере социален и морален - это желание быть чем-то в представлении других людей, завоевать уважение, честь, социальную власть определенного сорта". Деньги являются символическим эквивалентом медали на груди солдата, благоприятных отзывов в школьных журналах, или достижения высокой должности. Но неужели мотив заключается только в том, чтобы "быть чем-то в представлении других людей"? Наши представления о себе изменяются под влиянием наших представлений о том, что другие думают о нас. То, как человек делает свою работу, помогает очертить его представление о самом себе. Более глубокий мотив, скрывающийся за деньгами и славой - это стремление показать свою стоимость самому себе. Если успех подтверждается внешне, внутренне его движет потребность в самоутверждении и самоуважении. Успех является утверждением самоуважения и подтверждением самооценности».

Все это помогают объяснить, почему именно американцы так стремятся преуспеть. Пишущие об успехе добавляют другой показатель - "хорошая мать" ("добрая матушка"). Есть ли какие-то основания для этого? Если вообще речь заходит о родителях, почему не отец? Почти забытый эпизод из истории американской живописи объясняет это.

Одной из наиболее популярных картин в Америке конца девятнадцатого века (возможно, самой популярной, созданной американским художником) была сцена, описывающая не демократию или патриотизм, а прощание матери с ее уезжающим сыном. Эта картина затрагивала нечто глубинное в американском опыте тех десятилетий. Когда "Семейное расставание" Томаса Ховендена было выставлено впервые в 1893 г на Колумбийской выставке в Чикаго, толпы были так велики, что ковер перед картиной пришлось несколько раз заменять. В центре картины стоит мать, в длинном белом переднике, со своим сыном. По обеим сторонам группируется вся семья в мрачном расположении духа, а мужчина, возможно, отец, идет к двери с маленькой сумкой мальчика. Мать держит обе руки на плечах сына и пристально глядит на него. Он уносит надежды семьи в город. Его отъезд означает вход в новую жизнь. Во взгляде матери на ее сына, в ее позе, определенности и подавлении эмоций оживает пуританско-протестантская мать сельской Америки конца девятнадцатого века.

Чувствуется, что главный психологический побудительный импульс, который уезжающий сын сохранит в себе, исходит не от отца, отошедшего в сторону, а от этой "хорошей матери", по мере того, как сын окончательно разрывает узы зависимости от своего дома.

Каждый претендент на успех подобен дереву, глубокие корни которого - в его детстве, а широкая крона - в его культуре. Взросление детей универсально, но воспитательная практика имеет особенности в каждой культуре. Взрослые выбирают свои пути потому, что, когда они были детьми, у них были родители, которые психологически влияли на них определенными способами. Может показаться, что эти психологические побудительные стимулы индивидуальны, но они в большой степени культурно обусловлены. Люди выбирают свои пути не просто следуя своим матерям и отцам, а потому, что их матери и отцы подвержены влиянию особых ценностей их класса, этноса и религии. Если мы - строители нашего успеха, то архитекторами являются те бесконечные психологические побудительные стимулы, которые начинают действовать с момента нашего рождения. Взросление является сложным процессом. Но если мы снова ограничимся "американизированными", неюжанами, представителями белого среднего класса, то можно предложить некоторое объяснение роли американской семьи и воспитательной практики в отношении рассматриваемого стремления.

Ребенок в Америке представляет собой еще один шанс для родителей. Родители лишают себя многого, чтобы дать ребенку, особенно сыну, "хороший старт" в жизни. Эти лишения также являются торговой сделкой. Сын "ставит пределы" для жертв, которые сделали возможным его старт, создавая для себя место в мире, которое его родители могли бы разделить вместо него. Маргарет Мид свидетельствует, что со дня своего рождения ребенок оценивается в сравнительных терминах. В быстро развивающемся урбанизированном мире, в котором сын участвует в деятельности, далекой от опыта его отца, родители вынуждены оценивать своих потомков по рейтинговой шкале, ориентированной на других детей, а не на внутренние качества или абсолютные стандарты. При таком способе ребенок быстро узнает, что любовь и одобрение его родителей определяются результатами его деятельности в конкурентном мире среди других детей: "Мы можем распознать ту жажду достижений, которая возвращается в сознании каждого американского ребенка условной улыбкой его матери". Далее Мид предполагает, что глубоко в традициях американской семьи пылает желание сына превзойти своего отца. В культуре вторых и третьих поколений американцев стремление к ассимиляции и достижению очень интенсивно.

Как родители создают у своего ребенка сильную потребность в достижении? Мы часто ссылаемся на «лестницу успеха», но более функциональным образом может служить «канат успеха». Чтобы вскарабкаться по канату, ребенок должен отпустить одну руку и рискованно удерживаться до того момента, пока он подтянется и ухватится за канат другой рукой. В самом начале своей жизни сын узнает, что он должен быть похож не на свою мать, которая его родила и вскормила, а на своего отца. Позднее он должен разорвать узы зависимости от своих родителей, особенно от матери, если он хочет быть мобильным. Если он будет жадно держаться за канат и не отпустит одну руку, чтобы перехватиться повыше, он не вскарабкается.

Чтобы внушить ребенку потребность в достижении, некоторые исследователи предпочитают счастливое семейное прошлое, а другие делают упор на несчастливую обстановку в семье. Дэвид Макклелланд, подчеркивая влияние счастливой семьи, выделял несколько ключевых факторов в процессе воспитания. Родители должны ожидать от своего ребенка великих свершений. Они должны установить высокие стандарты достижения, тепло поощрять его деятельность, и отец не должен быть доминирующим и авторитарным.

Бернард Розен также делал упор на счастливую семейную обстановку. В создание потребности в достижениях вовлечены оба родителя, но главной силой является мать. Отец действует наиболее эффективно, если поощряет в сыне независимость и надежду на собственные силы. Отец "склонен манить вперед, а не подталкивать сзади". Мать может быть более требовательной и выражать большее неодобрение плохими поступками. Возможно, это связано с тем, что мать воспринимается как навязывающая свои стандарты мальчику, тогда как доминирующий отец воспринимается как навязывающий сыну себя. Взросление в семье, которая создает у сына сильную потребность в достижении, может рассматриваться как бесконечный цикл психологических механизмов мотивации. Родители навязывают стандарты и цели, которые ребенок должен достичь. Если он добивается успеха, они тепло одобряют его. Мать более требовательна в соблюдении стандартов, тогда как отец поощряет независимость. По мере того, как ребенок продвигается к большей автономии в стремлении к превосходству, устанавливаются все более высокие цели. В результате ребенок получает огромное удовольствие от хорошо сделанной работы. Он заиклен на свершениях.

То, каким образом родители и дети взаимодействуют друг с другом, помогает объяснить, почему у сына развивается сильная потребность в достижениях. Что является источником такой воспитательной практики в США? Она исходит от ценностей, которых придерживаются родители на протяжении своей жизни. Эти ценности формируются религией, особенно доминирующим и постоянным этосом пуританского протестантизма. Но пуританский этос существует не в вакууме. Он постоянно взаимодействует с социальными и экономическими условиями. Развитие воспитательной практики является еще одним примером того, как условия Нового Света модифицируют институции Старого Света.

Ранние американцы унаследовали елизаветинскую структуру семьи. Мать, отец, дети, незамужние тетки и иногда племянницы, племянники, кузены - все жили под одной крышей. Мужчина - глава семьи - был несомненным законным боссом, и дети воспитывались послушными и зависимыми. В условиях Нового Света эта елизаветинская семья трансформировалась. Возникла мобильная единица, сократившая дистанцию между родителями и детьми. Распределение власти растворилось в большем равенстве, при возрастании важности женщины, снижении власти мужчины - главы и росте независимости детей. Там, где агрессия и независимость сдерживались, они были освобождены. Детей начали раньше отнимать от груди, кормить по расписанию, меньше укачивать и пеленать. Поощрялись индивидуализм и независимость, была принята более мягкая позиция по отношению к агрессии. По мере того, как расширенная елизаветинская семья, ставшая во главу угла послушание и групповую ответственность, превращалась в американскую нуклеарную семью, делающую упор на уверенность в себе и индивидуализм, возникало проклятие всего земного шара - отвратительно недисциплинированный американский ребенок. Но этот тип ребенка в глазах американцев выглядит не столько недисциплинированным, сколько решительным, уверенным в себе, принимающим риск и полагающимся на свои собственные силы. Он может выжить в дикой местности. Он может отправиться в города, растущие как грибы по всему континенту, способный выбрать свой собственный путь независимо от своих родителей.

Хотя писавшие об успехе не имели научной подготовки, они знали, как из опыта, так и из чтения биографий великих людей, что то, что они называли "хорошей матерью", являлось критическим фактором в развитии амбициозного ребенка. Полагают, что при этом подразумевается грамотная женщина, которая устанавливает определенные стандарты для своего сына, поощряет его идти навстречу этим стандартам, учит его читать и писать, защищает его от отца, который может вести себя деспотически, и, когда сыну приходит время жениться, выталкивает его из гнезда, чтобы он шел своим собственным путем и строил свою собственную семью. Несомненно, во многих случаях она лелеет свои собственные тайные амбиции по поводу личности сына. Эта мать - не неграмотная, крестьянски ориентированная женщина низшего класса, живущая в стратифицированном обществе, где женщин имеется в избытке. Это образованная, американская, принадлежащая к среднему классу, протестантская мать в мобильном обществе, где нехватка женщин сделала ее необходимой для мужчины, так как без жены он не мог бы выжить как цивилизованный человек. Заповедь "Рука, которая качает колыбель, управляет миром" достаточно правдива, чтобы быть интересной.

Суммируя упомянутые исследования и другие наблюдения, которые свидетельствуют о важности счастливого семейного уклада, можно сказать: ребенок рано обучается независимости и ответственности; мать больше доминирует в воспитании, чем отец; мимолетные удовольствия уступают отдаленным целям; ребенок учится рассматривать людей инструментально, а не эмоционально; родители и другие взрослые вовлечены в мир ребенка в большей степени, чем его сверстники.

Именно с отчаянием, а не с радостью взросления психоаналитики связывают невротическую амбицию в отличие от здоровой. Аналитики обнаружили зависимость определенных видов стремления ввысь и драйва мобильности от ущемленного достоинства в детстве, родительского неприятия или несправедливого предпочтения брата или сестры на фоне дисгармонирующих межличностных взаимоотношений в семье. «Биография типичного самостоятельного человека, - заключает Алфред Мессер, - воспроизводит очень немного от родительской любви и поддержки и почти полностью исключает эмоциональное удовлетворение, которое является частью детства обычного ребенка. Единственная вещь, в которой он уверен - это его способность работать; это он делает с фанатической энергией и самоотверженностью.

Сделавший себя человек, у которого было неадекватное воспитание со стороны матери и отца, с трудом может рассматривать себя как личность, имеющую самостоятельную

ценность. Он пытается компенсировать свое ощущение ненужности постоянным "доказыванием" своей важности... Он создает мир, в котором его собственная деятельность и свершения являются главной опорой его личности".

Большинство людей в гонке за успехом являются не водителями, а ведомыми. Они преследуют не столько просто деньги, славу или статус, сколько удовлетворение потребности, которая имеет для них глубокое психологическое значение. Они зарабатывают именно психическую выгоду наряду с большим домом и машиной.

На высшем уровне обобщения можно согласиться, что материальные достижения Западной Цивилизации представляют собой тотальную перекомпенсацию для Эго, глубоко уязвленного тезисом Коперника, что земля не является центром вселенной, и шокирующим открытием Дарвина, что человек является отдаленным родственником обезьяны, а не Адама и Евы, созданных промыслом Божьим; а также публичным разоблачением Фрейда - что мы находимся во власти инстинктивных побуждений, слишком ужасных, чтобы их обдумывать.

На эмоциональном уровне индивидуального опыта некоторые охотники за успехом одержимы трудовой этикой из-за скрытой ненависти к себе, неразрешимого чувства вины, или стремления к отстаиванию своих прав. Других ведет потребность компенсировать чувства неадекватности или неполноценности.

Некоторые с кровосмесительными мотивами проверяют свои потенции в чреве бизнеса (деловых сделок). Многие успешно сублимируют свою энергию в продуктивную или творческую работу, но другие обращаются к внутренним конфликтам - агрессивным амбициям в сочетании с детской потребностью в зависимости и любви.

Если некоторые обязаны успехом своему неврозу, то другие обречены на неудачу из-за своих эмоциональных расстройств. Как отмечал Самуэль Уорнер: "Тревожность имеет свойства мотивации: она побуждает нас делать что-либо, чтобы сохранить ее уровень ниже определенных пределов". Тревожность побуждает некоторых к достижениям, а других - к поражению. Чтобы достичь успеха, необходимо подвергнуть рискованной проверке вердикт о возможной неудаче. Самозащитные противотревожные механизмы могут происходить из величественной концепции собственного «Я» или, наоборот, из уничижительного взгляда на собственную личность с мелкими целями.

У каждого своя квота страданий, которые он должен пережить. Эта квота у самозащищающегося невротика превращается в ненасытного демона. Она как монстр пожирает самозащитные механизмы и изрыгает их, чтобы пожрать снова, производя кровосмесительные самовоспроизводящиеся механизмы защиты.

Этот демон - никогда не заживающая рана, никогда не излечивающаяся болезнь, горе, слишком глубокое для слез. Лекарством является совершенно свободное желание укротить болезнь. Лекарством является храбрость противостоять в самосознании демону, который питается неудачами и внушенным себе ощущением собственной посредственности под слоями самообмана.

Кто прав? Счастливый или несчастливый семейный уклад создает амбиции у ребенка? Ответ может быть такой: оба. Амбиции остаются амбициями, порождены ли они здоровьем или неврозом. Если многие психоаналитики делают упор на невротическую мотивацию, то только потому, что пациенты, которых они анализируют, страдают от эмоциональных расстройств.

Стимулы достижений могут быть здоровыми или невротичными, психологическими или культурными. Они могут зародиться в детстве или во взрослой жизни. Что можно сказать наверняка - они возникают из сложного сплава многих переменных.

Различия в личностной позиции зависят от того, имел ли ребенок братьев или сестер, был ли он старшим или младшим, какие "образы отца" дополняли реального отца, воспринимали ли родители свою мобильность как направленную вверх или вниз, каково было влияние внесемейных обстоятельств, например, взаимодействия с группой сверстников.

Мы также должны знать, что субъективное ощущение отверженности не совпадает с объективными фактами. И стремление к достижению не является синонимом готовности вести себя таким образом, чтобы достичь мобильности. Гераклит был мудрым в своем смирении: "Вы не смогли бы обнаружить границы духа, даже если бы прошли по всем путям: столь глубокие измерения он имеет". Однако идея успеха в девятнадцатом веке была мудра в одной частности: вы можете отнять ребенка у матери, но вы никогда не сможете отнять мать у ребенка.

Перевод с англ.
И.В.Бахитановской

В.Л.Каганский

Страна побеждающего регионализма ?

Россия столь велика, что частично она всегда в будущем - вся не умещается в настоящем. Но по этой же причине ей не хватает места и в будущем. Россия не раз бывала «первой развивающейся страной», «тоталитарной сверхдержавой», «самопровергнутой социалистической теорией». Сейчас Россия - первая страна регионализма. Что это – новая нетривиальная корпоративность? (1)

Каждый мировой город - современный Нью-Йорк, императорский Рим, Багдад халифов - не сгусток своей страны. Он - метрополия, космополитическое окно в мир, плавильный тигель - но не суть страны. Наверное, Москва - мировой город. Она есть, живет, пытается править страной, не видя ее. (Странны способы осуществления власти Москвы-Центра: регионы бомбят, покупают, подкупают, уговаривают, рекламируют, замалчивают, перед ними заискивают, наделяя фиктивными и реальными статусами. Но с подвластным - не торгуются; с собственными частями - не воюют).

Диссонанс картины в Москве и реальности "провинции" - страны регионов - огромен. Оптика политико-публицистической тусовки Москвы-Центра - оптика галлюцинации, мифотворческая психоделика. Предаваясь игре в "единую и неделимую" Центр-Москва не может увидеть очевидного. Протекая разнообразно и даже экстравагантно, регионализация продолжается и углубляется. Она куда глубже проникла уже в самое повседневность, чем обычно кажется [1-5]. Регионы больше, чем когда-либо, стали универсальными рамками и жизненными аренами.(2) Однако феноменология страны регионов отнюдь не очевидна.

Слоисто - ячеистое пространство

Советское и несоветское (3) пространство структурировано очень жестко. Его проще всего представить, вообразив властную пирамиду, опирающуюся на территорию и вросшую в нее. Это пространство, где сплетены вертикально-иерархическое и горизонтально-территориальное направления [7,8]. Каждое место, всякая территория одновременно имеет горизонтальное и вертикальное положение, статус.

Пространство расслоено и ячеисто, сегрегировано не только горизонтально, но и вертикально. Каждому уровню иерархии регионов соответствуют собственные территории с огромными различиями в укладе жизни. Соседствующие территории центрального (бывшего союзного), областного, районного подчинения радикально отличаются. С уровнями и статусами связаны и группы населения, совершенно по-разному воспринимающие свое положение и ситуацию; налицо статусная чересполосица земель, особенно в центрах и на границах.

Люди и группы живут не только в разных пространствах, но и в разной мере в земном пространстве. Для многих территориальное положение само по себе малосущественно и производно от других реалий. Структура не только жестко разводит и изолирует места и людей, но и нетривиально их смешивает. Физическое (территориально-географическое) и фазовое (социально-административное etc) пространства переплетены, слиты. Живущие рядом люди, семьи и группы могут "на самом деле" пребывать в разных блоках административного пространства, реализуя в силу этого совершенно различные стратегии поведения, ведя разную жизнь, ощущая, переживая (не скажу - осознавая) ситуацию совершенно по-разному. В первом приближении блоки - результат одновременного "растрескивания" региональной пирамиды на слои и разлома по вертикали иерархических "слоев".

Коль скоро за единицей пространства закрепилось название "регион", уместно все составные части, слоисто-ячеистые конструкции также называть регионами. Каждый из них пребывает одновременно в фазовом и территориальном пространстве. Регионы фазового пространства - фазовые регионы. Всякая «отдельность» - место, человек, структура - од-

новременно покрывается множеством разных регионов, размещенных в разных пространствах. (4) И лишь при очень сильном огрублении и выборе одного значимого уровня-контекста видения ситуация предстает "суммой пространств сумм регионов".

Регионы одновременно внутренне тотальны, но частичны внешне. С внутренней позиции регион - тотальное сплошное пространство. Но с внешней позиции всякое конкретное место - суперпозиция (иногда очень сложная и громоздкая) - многих фазовых и территориальных регионов.

В этом смысле каждая область и ее центр, каждый административный район и город, закрытый город и лагерная зона, трудовой коллектив, деревня, обжившийся дачный поселок, двор дома и многое другое - это регионы. Жизненные миры, экспонированные в физическом пространстве, если они заданы в социальном, и экспонированные в социальном, если они заданы в физическом. Очевидно и малозаметно, что фазовые регионы стремятся обрести место в физическом пространстве, а территориальные регионы - в фазовом. Пример первого - территориализация крупных соединений вооруженных сил, отраслей хозяйства, берущих территории под фактически прямой контроль; пример второго - получение регионами нетерриториальных статусов и обретенные функции социальных и политических субъектов [6,8]. Тем самым "страна" являет собой интерференцию регионов, внутренне консолидированных, разнотипных и разномасштабных.

Интерференция структур была бы почти тривиальной, если бы не две ее особенности. Во-первых, каждое частное регионализованное пространство плотно заполнено регионами, расчленено на регионы практически без остатка. Во-вторых, все структуры регионализованы, нерегионализованных структур почти нет; даже ветви власти РФ - регионы фазового политического пространства. (5) Тем самым предопределяется пространственная форма функциональных ниш возможных (возникающих) структур. "Новые" структуры воспроизводят и даже утрируют прежнюю структуру пространства [3].

Регионализм и регионализм

Почти на всей территории бывшего СССР победили регионы [4]. Почти на всей этой территории нет места регионализму в традиционном смысле, сколь бы странным это ни казалось.

Регионализм – идеология и практика достижения существующими во внесударственной реальности пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса; интенция географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же суверенизирующиеся регионы - уже институциональные районы; надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов (нео)советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути - псевдорегионализм. Регионализм - это строй жизни. Мы живем при регионализме.

Хотя представить себе полную суверенизацию фазового региона гораздо сложнее, нежели территориального, оба процесса суверенизации регионов идут "рука об руку" и стимулируют друг друга [8]. Кроме того, упомянутая дополнительная экспонированность территориальных и фазовых регионов означает, что всякий фазовый регион имеет свои территориальные проекции. Например, для экстерриториального относительно административно-территориального деления СССР ядра ВПК в СССР таковым были "закрытые" города - особые "внерегиональные регионы" (6).

Жизненный мир "регион"

Пространство бывает "своим". Вернее сказать, что основа ситуаций повседневности, где нормы и стереотипы жизни имеют спонтанно-автоматический, нерелективно-структурированный характер - это регионы. Каждый регион - это особая реальность [10]. Ограниченный мир, где условности - безусловны. Дело не сводится к тому, что разные места несхожи или даже очень различны; иногда очень схожи. Суть гораздо глубже. Ре-

гионы - жизненные миры. В них царят свои порядки. В том числе порядки речи. Регионы - тотальные контексты. Зоны дискурса. Анонимной автоматической власти.

Всякий внимательный путешественник знает, сколь многое подразумеваемое жителями им должно специально постигаться. Это - общая, глобальная, мировая, человеческая, биологическая норма. Однако наше пространство обладает феноменальной дифференцированностью, его блоки различны не столько значениями некоторых семантических координат, сколько самим их набором. Трудно назвать это иначе, нежели «порядок жизни». Этот порядок самообоснован, он не может быть мотивирован иначе как эмфатической тавтологией "у-нас-это-так!". Эти порядки - по-прежнему яркие и для самого СССР как суперрегиона - недискурсивны и внерациональны (например, запрет гражданам РФ пешком пересекать границы РФ). Вам могут объяснить, что именно в конкретном месте дело обстоит именно так, но само вычленение этого "так", его проблематизации и аргументации глубоко травмирует аборигена. Именно сочетание изолированности региона с пронизанностью его иными регионами рождает характерное амбивалентное сочетание "апатия - агрессивная ксенофобия" (7).

Пока сказанное туманно. Дискурс очевидности труден. Регион - жизненный мир, где норма-, право-, властеположение и т.п. не вычленены из жизни и свершаются как бы автоматически. Они могут быть очень далеки или совсем близки для соседних регионов - но ведь меры-то нет? Это можно назвать "обычным правом", однако оно все же осознано как право. Жизнь же региона контрдискурсивна и контррефлексивна. Очень яркое проявление сего - хорошо известное различие "норм" для местного жителя и приезжего: они могут касаться использования ненормативной лексики, перевозки багажа, покупки товаров, контакта с властями, приобретения и пользования имуществом, и так до бесконечности. Жизненный порядок региона - порядок для жителей региона. Включенность в этот порядок и обретение в нем (далекого) аналога прав достигается не нахождением в "юрисдикции" (8) региона, а укорененностью в ней. Разумеется, жители бывшего СССР чудовищно бесправны, но их спонтанно санкционируемые жизненные возможности совершенно различны для разных регионов.

Корпорация "регион"?

Когда в 1991-1992 г.г. власти Сочи попытались захватить все предприятия отдыха на территории города (кроме правительственных), то предметом городских и внешних дискуссий были проблемы успешности этого предприятия и его последствий. Вопрос о праве даже не возник. Возник вопрос о способах отстоять "прежде свое". Этот пример - прототипичен. Нечто в пространстве региона - его достояние, если только не "принадлежит" более сильному (имеющему статус выше) региону; (именно в это время статусная система регионов резко проблематизировалась). Вся текущая история несоветского пространства именно такова. Для фазовых регионов точный аналог - захват предприятий их работниками или начальством.

В фиксируемой феноменологии отношения типа отношений собственности не вычленены и не обособлены от пространственных отношений нахождение в регионе и пр. (9) Право, собственность, коммуникация без "опыта на пространство", не работают, попросту не существуют. Властно-юридически-экономико-лингвистическое единство. Контекстуально-свободная деятельность (10) не существует. Владеть чем-то в регионе - значит (со)владеть некоторым регионом; регионы (как фазовые, так и территориальные) - единственный предмет собственности здесь и теперь (11).

Итак, возможности существовать, иметь и понимать осуществляются путем принадлежности к региону. Именно таким путем осуществляется и регион. Главное утверждение статьи: регион - это основной тип контекста, универсальный и доминирующий; любая структура может существовать исключительно как регион того или иного пространства.

Регионизм и его "идеология"

Специфика российско-неосоветской системы идеологических ниш - инверсия рамочных и политических идеологий. Ярче всего это выражается в регионализме. Под ним здесь понимается комплекс политико-идеологических дискурсов и практик, по цели ориентированных на реализацию интересов регионов и/или региональных элит (того, чем они представляются этим элитам). В современных условиях глубоко регионализованной страны именно взаимодействие регионализма и дополняющего его контррегионализма - основная сфера реализации политик и идеологий [7]. (Этот общий всем типам регионов тематизм рассмотрен в основном на материале территориальных регионов как более ярком и прозрачном).

В этой ситуации для политики как таковой нет места, нет функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и "программ", что в обычных условиях невозможно - политические субъекты (силы) заведомо нетождественны по своим целям и программам. Регионы - политические субъекты ситуации без политики [8]. Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, текущей ситуацией и т.д. Конструкция региона обязывает его к аполитичности. Коммунисты, демократы, технократы, националисты, либералы, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обесмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Тогда регионализм - политика спонтанной деполитизации (и деидеологизации).

Проводя собственную политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манифестирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации, маскировки и пр.) используют почти любые "обоснования", пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации "справедливость", на самом деле состоящую в "дефиците статуса". Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т.п. Например, одновременно используются ссылки на попранные в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и пр. (можно напомнить идентификацию Турции Ататюрка с хеттским государством и культурой). В идеологических комплексах регионализма фрагменты любых идеологий (не только их) практически свободно сочленяются, исходя из доминирования прагматики над содержанием.

Регионализм - метаидеология и метаполитика неразборчивости, очевидно череватая региональным шовинизмом и ксенофобией, в чем сказывается преемственность с идеологической практикой СССР. Тогда регионализм - постидеология. В "идеологии" регионализма причудливо сочетаются деформированные и частью инвертированные фрагменты национализма, экологизма, социализма, технократизма, постиндустриализма, консерватизма, сепаратизма, шовинизма, etc; менее всего - регионализм в обычном смысле. Использование любых идеологических концептов и их фрагментов, априорная инструментальность ценностно фундированного, произвол комбинаций, склонность к инверсии символических позиций (инверсии ролей Центра и регионов и пр.) делают регионализм "идеологией" постмодерна. (Впрочем, в мировых культурных координатах иначе и не определить хронотоп современной РФ). Учитывая, что регионализация - фрагментаризация не только пространства, но и времени, диверсификацию судеб регионов, обилие символических и функциональных анахронизмов и полихронизмов, свобода (произвол) в обращении к культурно-политическим образцам, смешение и взаимные замещения дискурса и действия, регионализация - постмодернизм в действии.

В ситуации регионализма любые семантико-политико-идеологические клише начинают жить новой жизнью. Свобода, справедливость, равенство, собственность, etc - это уже предикаты субъектов, которыми являются регионы - части-фрагменты былого советского

целого. Ранее я выдвинул интерпретирующую гипотезу "буржуазной революции регионов" [1,2,8], однако постидеологический характер регионализации в сочетании с ее тотальностью позволяют в принципе говорить о либерализме, социализме, анархизме регионов.

Самобытность современной несоветской идеологической ситуации во многом состоит в непроясненном, а потому и непреодолимом конфликте одноименных идеологем, укорененных в разных пространствах - набора регионов и возникающего (частью фантомно) в их зазорах собственно общества. Реальна конкуренция одноименных идеологем, носителями которых являются разнотипные регионы (например, острый конфликт собственно либерализма и "либерализма регионов", или, иначе говоря, антиномика "прав региона" и прав человека [7]. По-видимому, все участники политического рынка - регионы разных типов, причем основное противостояние должно было бы состоять в конфликте территориальных и фазовых регионов - но это не так.

Приватизация регионов ?

Регионализация - тотальна, региональная фрагментаризация – часть ситуации. Ее характерная примета - универсализация регионов путем приобретения ими статусов в многих разных пространствах. Территориальные регионы становятся фазовыми - и наоборот. Всякий значимый субъект экспонирован в хозяйственном (легальная и/или теневая "финансово-промышленная группа", концерн), властно-политическом (группа влияния в нескольких властных структурах) и публично-политическом (партия), информационном (средство mass-media), даже программно-концептуальном пространстве (платформа критики и преодоления кризиса) и т.д.

Фундаментальная особенность советско-несоветских регионов состоит в том, что они одновременно суть рамки и структуры, живущие по законам этих рамок. Эти фундаментальные аспекты действительности неотделимы друг от друга, как разные стороны одного листа. Именно поэтому реальная приватизация может быть исключительно тотальной и состоять в приватизации самих регионов. Что и означает одновременную приватизацию всех атрибутов регионально-государственной системы - институциональных структур, власти, "права", насилия, etc. Процесс так и идет [5,8], а создание новых структур осуществляется по типу прежних. (12)

Новизна процесса приватизации регионов - в быстро растущей сложности их совокупности: увеличивается число регионов, и, что существеннее, число пространств фазовых регионов, тем более – связок этих пространств. Только на этом пути дробления может быть - видимо, спонтанно и неожиданно - найден некий порог, за которым региональная структура пространства вынуждена будет допустить нерегионное дополнение как условие собственного выживания.

Страна регионов. Регионы - жизненные горизонты, универсальные и частные. Тотальные арены деятельности. Универсальные контексты. Комплексные субъекты. Обычная корпоративность социально частична, социум не делится нацело на корпорации; корпорации задают частные рамки для деятельности, но сами всегда "живут" в статусно и субстанционально иных рамках. Наши регионы - самодействующие рамки. 0 Часть атрибутов и функций регионы тождественны корпорациям. Но регионы - не корпорации потому, что они - *ультракорпорации*.

"Некорпоративности" региона есть и иное объяснение: необходимость мыслить связку нашей реальности, регионов и корпоративности определяет вывод, что в реальности регионы - квазикорпоративная среда. Аналогом корпораций выступают совокупности регионов, экспонированных в одном пространстве: осмысленно говорить о квазикорпорациях территориальных, экономических, криминальных и т.п. регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Каганский В.Л. Война и революция районов//Независимая газета, 1991, 31 декабря.
- [2]. Каганский В.Л.: Российское пространство: части сильнее целого// "Век XX и мир", 1992, N5.
- [3]. Каганский В.Л. Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект//Исследования и разработки/ ИКИ КБ. Вып.2. М.:1992.
- [4]. Каганский В.Л. Реальности регионализации: основные аспекты процесса//Куда идет Россия? М.: Интерпракс, 1994.
- [5]. Каганский В.Л. Россия в "беловежском" пространстве//Пределы власти, № 2-3, 1994.
- [6]. Каганский В.Л. Тюмень в несоветском пространстве//Этика успеха. Вып.2, 1994.
- [7]. Каганский В.Л. Идеологемы российского несоветского пространства//Куда идет Россия? Том II. М.: 1995.
- [8]. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация// Общественные науки и современность, 1995, N 2-3.
- [9]. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. Под ред. Ю.А.Левады. М.: Мировой океан, 1993.
- [10] Розин В.М. Опыт гуманитарного исследования художественной реальности поэтических произведений//Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск: Наука, - 1986.

(1) В статье излагаются некоторые результаты проекта Междисциплинарного академического центра социальных наук.

(2) Символически-информационный пласт реальности - опережающий.

(3) "Постсоветское" - неадекватное понятие. Ситуация не может быть понятна и описана иначе как трансформация прежних структур и отношений между их автономизировавшимися фрагментами, то есть как несоветская.

(4) Идентификация населения основана на регионах. Регион – арена обыденной жизни, жизненный горизонт масс. Можно сопоставить с нашей точкой зрения концепцию, интерпретирующую советского человека как одинокого, социально атомарного, где между отдельным человеком и государством в целом отсутствуют реальные значимые группы и структуры [9].

(5) Взаимодействие ветвей власти - аналог взаимодействию обычных регионов. Фрагментаризации территориального пространства СССР и РФ на регионы и пространства политического структурно сходны; налицо конфликт институциональных структур (регионы), неинституциональные же районы (географические единства, политические партии и пр.) не могут приобрести статус иначе, нежели ассоциируясь с регионами.

(6) Закрытые города, резко выделяясь из окружения, будучи территориально изолированы в нем, не обнаруживают обычного регионализма и продолжают самоопределяться в (частью фантомном) фазовом "общегосударственном" пространстве; эта гипотеза полностью подтвердилась на материале Арзамаса-16. Видимо, если предельно четко территориально определен Арзамас-16 все же регион *par excellence* фазовый, то и некоторые представляющиеся фазовыми регионами образования могут оказаться регионами территориальными.

(7) Вывод из опыта путешествий: этот синдром не выражен именно на монорегиональных территориях без интерференции статусных систем и порожденной ей неопределенности ("патриархальная глубинка").

(8) Разумеется, между "юрисдикциями" регионов есть свои иерархии, и, если раньше москвич вне Москвы имел привилегированный статус, то теперь скорее что-то вроде слабо дискриминирующего. Важно, что ситуация статусного порога сохранилась.

(9) Экономическая периодика живописует "произвол", творимый местными "элитами" в разборках по поводу контроля крупных предприятий. И контрольный пакет акций в АО есть

у чужаков, и инвестиционный конкурс они выиграли - а контроля нет, и местные "власти" почему-то на стороне местных.

(10) Обобщение различия контекстуально свободных и несвободных сообщений в лингвистике (семантика которых независима или зависима от контекста). Стоит говорить о контекстуально свободных и несвободных экономиках и пр., фиксируя типы контекстов.

(11) Это не означает неизменности системы регионов: меняется соотношение сил, возникают новые - преимущественно фазовые – регионы, однако сохраняется сама региональная метаструктура [3].

(12) Идет не "строительство капитализма", а конструирование новых негосударственных регионов.

М.Г.Ганопольский ***Региональная общность: истоки корпоративности***

Мощное индустриальное наступление на малозаселенные территории к северу от Транссибирской магистрали, предпринятое в последние три-четыре десятилетия привело к формированию крупных поселенческих образований. По сути дела, речь может идти о становлении особого типа региональных общностей.

Пожалуй, самым существенным в их возникновении является то, что обживанию территории предшествовали индустриальные, внеличностные факторы. Выступая в качестве утопической программы-приза и одновременно мощной адаптационной машины, индустриализация диктовала строй жизни. Технологические цепочки производства и соответствующие им организации людей, вовлеченных в трудовой процесс, распространялись и на внепроизводственную жизнь. Тем самым складывалась единая организационно-технологическая матрица заселения. Ее «очеловечивание», постепенная замена формальных уз сцепления живыми общностными связями происходили по месту работы, в трудовом коллективе и, в значительно меньшей степени, по месту жительства. А местом жительства был, как правило, ведомственный поселок, являвший собой проекцию производственной иерархии. Таким образом, корпоративно-ячеистая структура региональной популяции была заложена в нее изначально, на первом этапе освоения.

Прежде чем проследить эволюцию этой структуры и тем самым движение от организации к общности, попытаемся дать эскизный набросок того понимания корпоративности, которое используется нами в дальнейшем. В первом приближении корпоративность - это осознанный групповой интерес. В некоторой схематизации данного определения мы видим способ избежать идиом, неизбежных при переводе понятия, сформированного в недрах иной культуры. Здесь и попытка отойти от излишнего морализаторства.

Корпоративность как отличительная особенность нравственной жизни - это не столько результат воздействия на нее производственных и профессиональных корпораций, сколько предпосылка возникновения их появления и устойчивого существования. В какой-то степени корпоративность, возникающая естественным образом, это нравственное освоение процесса дискретизации общества, то есть формирования дискретного индивида - "хозяина своего тела и своего дела". В более поздних моделях социума он представлен как "тело", которому присущ вектор "дела" - интерес. Отсюда и возникновение нового типа социальности, вытесняющей и замещающей вековые традиции кровно-родственных связей и отношений личной зависимости. Теперь основой социальности становятся не органические связи традиционного общества, а формальные способы организационного сцепления. На этом и вырастают впоследствии корпорации. В сфере общественной нравственности они доделывают работу, изначально санкционированную нравственным обособлением индивида.

Как пришла корпоративность в нашу культуру, каким образом стала неотъемлемой чертой индустриального освоения слабозаселенных сибирских регионов? Речь идет об эволюции этоса в контексте рационализации культуры. По мнению Ильи Пригожина, "европейцы живут на пересечении по крайней мере двух различных систем ценностей: научной

рациональности и рациональности коллективного поведения». Подобный подход помогает понять, что индустриальная корпорация и индустриальный этос успешно репрезентируют друг друга в силу взаимной двойственности порождающих феноменов: рациональной организации и "расколдованного" этоса.

Возвратимся теперь к формированию региональной популяции и рассмотрим факторы, стимулирующие общностные процессы.

Как уже говорилось, основной ячейкой производственной и социальной адаптации людей, своеобразной моделью освоения стал трудовой коллектив. Популярный в конце семидесятых годов тезис о возрастании роли трудовых коллективов в жизни общества не был пустым идеологическим трафаретом. Диверсификация форм собственности и власти привела к тому, что трудовой коллектив, с одной стороны, стал выполнять в отношении своих работников защитные функции, а с другой - поработил людей, поскольку был основным источником распределения социальных благ, привилегий, льгот.

В регионах нового промышленного освоения эта тенденция проявилась более контрастно. Именно здесь она привела не к закреплению работников (хотя такие примеры тоже встречались), а к массовой либерализации трудовой атмосферы. Очевидно, этому способствовал сформировавшийся к тому времени стойкий дефицит рабочей силы. Предприятия состязались в привлечении квалифицированных работников, переманивали их друг у друга, предусматривали различные дополнительные льготы для переселенцев с Большой Земли.

Дополнительные краски в палитру корпоративности социальной и нравственной жизни региона привнес межрегиональный вахтово-экспедиционный метод (МР ВЭМ). Как известно, для этого метода характерны значительная удаленность места труда от места жительства, длительные периоды экспедиций и межэкспедиционного отдыха (до полумесяца), чередование двенадцатичасовых вахт с таким же по продолжительности отдыхом в непосредственной близости от производственных объектов. Понятно, что при таком режиме ваховики помимо физических испытывают перегрузки иного рода. Резкая смена морально-психологического климата воздействует на них не меньше, чем смена природных климатических зон.

Методы, подобные ВЭМ, называют нетрадиционными. И это достаточно точно отражает не только специфику организации труда, но и его нравственную регуляцию. Традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта работает здесь "на излом". Некоторые нормы оказываются изъятыми из нормальной социальной регуляции, жизнь ваховиков протекает с определенным «фазовым сдвигом» относительно социальной динамики, сложившейся как по месту жительства, так и по месту приложения труда.

Длительное поддержание подобного ритма жизнедеятельности требует выработки особых форм регуляции поведения, общения, трудовых и бытовых взаимоотношений. Они отличаются высоким динамизмом и в большей степени индивидуализированы, чем при стационарном режиме. Ваховики превращаются в "летающую корпорацию" со специфическими приемами социальной "сборки" и "демонтажа", со своеобразным кодексом неагрессивного противостояния общественному мнению и социальному контролю.

Характерна концентрация формирующихся при этом общностных связей, замещающих или "обволакивающих" организационные способы скрепления популяции. Выявляются три основных ценностных круга корпоративности (ключевое слово здесь - преодоление).

Это, во-первых, преодоление организационно-технологической схемы производства, где люди рассматриваются в качестве придатков технологии или, в лучшем случае, как ее агенты. Первоначально ценностно-мотивационный комплекс охватывает сферу трудовой морали. Трудовые функции становятся лишь поводом при формировании клубного характера взаимоотношений, выходящих за рамки производства. Дробление коллектива приводит к образованию различного рода группировок (кланов, клик), ориентированных на различные потребительские и рекреационные стандарты. Второй ценностный круг связан с преодолением ведомственных границ и производственной иерархии, закреплённых в посе-

ленческой организации. Наряду с естественным размыванием ведомственности происходит ее разрушение за счет сознательного кооперирования людей по внепроизводственному принципу (еще до имущественного расслоения и соответствующего территориального сегрегирования). Наконец, круг ценностей маятниковой жизни, концентрирующихся вокруг преодоления двух противоположных "фронтон": консервативных стандартов оседлости и авантюристических устремлений "кочевничества".

Наличие нескольких достаточно автономных ценностных орбит существенно усложняет и разнообразит картину нравственной жизни региона. Она уже не вписывается не только в казенную схему морально-политического единства, но и в другие привычные формулы: массового энтузиазма, грандиозных свершений, покорения природы, созидательного труда... И дело, очевидно, не в дегероизации морально-психологической атмосферы, а в многомерности нравственной парадигмы, закладываемой в фундамент общности. Региональная общность, сформированная подобным образом на основе индустриальной организации, не может не быть корпоративной. Ее трансформация не подвержена воздействию тотальности благодаря ускоренному обретению постиндустриальных черт. Поэтому задача осмысления процессов формирования общности должна быть ориентирована не на жесткую теоретическую схему, а, скорее, на гибкое и многомерное центральное понятие, вокруг которого могла бы группироваться соответствующая объяснительная лексика. Роль такого понятия мы отводим этосу региональной общности. Поскольку при изучении общностей теория уступает место истории, а попытки выявить спланированные механизмы сопряжены с частой сменой уровней рассмотрения. Но дело не только в этом. Говоря об этосе региональной общности, мы имеем в виду не простую аппликацию исходного понятия либо пространственное сужение его масштаба, а современную стадию одной из ветвей эволюции этоса.

Еще столетие назад слово "этос" хотя и входило во многие европейские языки, но не несло активной смысловой нагрузки. Оно превратилось в своеобразный рудимент культуры, напоминавший об утраченном античном этосе.

Макс Вебер частично реабилитировал это слово, придав ему статус термина. Хотя Вебер и не позаботился о строгом определении, понимание авторского замысла проясняется в контексте его исследовательской программы по изучению рациональности западного образца. Опираясь на выражения "профессиональный этос", "хозяйственный этос", Вебер стремился, по-видимому, определить и даже противопоставить житейскую мудрость, практическую нравственность рационально организованным формам деятельности. Этос у него - и нравственный импульс деятельности, и посредник между рационализированной моралью и иррациональными способами ее ускорения. Небрежность дефиниции термина, как бы намеренная нечеткость его употребления породили целый веер последующих трактовок этоса в западно-европейской и американской социологии.

Может показаться, что между античным и современным, идущим от Вебера, пониманием этоса нет преемственности, поэтому неправомерно говорить о какой-либо эволюции. Это не так. Многочисленные, подчас сильно различающиеся, современные версии этоса произрастают, тем не менее, из одного античного корня. У древних греков слово "этос" означало место пребывания, совместное жилище, а затем - обычай, темперамент, характер, нрав. Иногда такой вариант этимологии оспаривается, но несомненно другое: в формировании духовно-практического комплекса античной культуры доминирующую роль сыграло поселенческое начало. Иными словами, созидался этот комплекс преимущественно "по месту жительства". В многообразии нравственно-эстетических и нравственно-психологических проявлений, которыми богат античный этос, обращает на себя внимание отмечаемое современными исследователями "своеобразное переплетение этики и логики, где логика служит организующим началом" (В.В.Вальченко). И своей последующей трансформацией этос обязан усилению именно логического начала.

Апофеозом такого развития явилась рациональная организация индустриального типа, которая и была предметом исследования в социологии Вебера. Этос же стал восприниматься как ее дополнение, как "нерастворенный осадок" культуры, идущей по пути рас-

колдовывания. Отныне доминантой этоса становится уже не поселенческий, а трудовой, производственный фактор.

Конечно, сама по себе смена акцентов в содержании античного этоса не дает представления о причине последовавшей трансформации. По нашему мнению, эволюцию этоса можно соотнести с "расщеплением его ядра", с высвобождением мощной энергии рационального знания.

Одним из тех, кто посягнул на тотальность этоса и тем самым, по словам Иммануила Канта, совершил в античной культуре "перемену, равносильную революции", был Фалес, впервые доказавший теорему о равнобедренном треугольнике. Поворотное значение данного события для математики и всей последующей культуры состояло, разумеется, не в обнаружении факта равенства углов при основании равнобедренного треугольника, поскольку это было известно египтянам задолго до Фалеса. Фалес (а может быть, и кто-то другой из его современников) впервые *доказал* это свойство. Поворотной стала процедура доказательства, известная теперь каждому школьнику, но поразившая воображение греческих мудрецов. В.Ф.Турчин как-то заметил по этому поводу, что при общественном строе Древнего Египта доказательство и не могло возникнуть: старшие не считали нужным доказывать что-либо младшим, а младшие не смели требовать от старших доказательств.

Открытие Фалеса бросило вызов незыблемости традиции и ее безраздельному господству в сфере нравственности. Нравственная составляющая этоса нуждалась теперь в рациональном обосновании. Логическое же начало этоса, соединившись с математикой, стало разворачиваться в самостоятельной внеэтической области, присвоив себе искусственно сконструированные идеальные объекты (числа, фигуры, тела). Тем самым было предопределено создание научной (рациональной) этики, ее отделение от нравственности, проложено направление их дальнейшей рационализации.

В такой революционной ситуации важно учитывать еще одно обстоятельство - процедурность доказательства, его "протяженность", логическую цепочку последовательных умозаключений, то, что в наши дни обычно связывается с понятием "алгоритм". Если посмотреть на теорему с этих позиций и сравнить структуру доказательства от "Дано" до "Требуется доказать" со структурой индустриального производства (от сырья, вспомогательных материалов, энергии, рабочей силы ... через технологическую цепочку и до склада готовой продукции), то налицо полное сходство, по крайней мере в топологии этих структур. Но прежде чем открытие Фалеса проявило себя в таком виде, оно должно было пройти через серию «переоткрытий».

Ретроспективный взгляд на этапы развития европейской рациональности обнаруживает повсеместное проявление алгоритмичности. Она легко прочитывается в христианской трактовке акта божественного творения. Ею пронизана вся нравственная атрибутика личного спасения. Можно сказать, что на данном этапе человек получает биографию, а человечество историю в виде игры по правилам христианской морали. Подготовку технологических цепочек будущих индустриальных производств, как, впрочем, и технологию получения нового знания, можно усмотреть и в схоластических приемах решения вечных вопросов бытия человека и сущности вещей. Но настоящий поворот был сделан усилиями Ф.Бэкона и Р.Декарта, направивших вектор рационального знания на цели преобразования природы: алгоритм познания трансформировался в технологию промышленного производства вещного мира - "второй природы".

Просветители, обратившие вектор знания на природу самого человека, мыслили воспитание всемогущим фактором его переделки и тем самым закладывали основы педагогики как науки технической и технологической.

Взаимообратимость логики и технологии впоследствии многократно переоткрывалась. Достаточно вспомнить, что предшественником Ф.У. Тэйлора, считающегося пионером научной организации труда на этапе индустриализации производства, был английский математик Ч.Бэббедж - изобретатель первой программируемой вычислительной машины. Его алгоритмический взгляд, обращенный на изучение производственных предприятий, вылил-

ся в достаточно общие принципы расчленения процесса производства на отдельные фазы и операции и их последующего оптимального синтеза. Пример сравнительно недавнего переоткрытия - "сетевой график" - пооперационная модель производственного процесса. Она была предложена уже после широкого применения блок-схем первым поколением программистов.

Развертывание алгоритмического способа мысли и действия от первого доказательства к индустриальной организации - это одновременно и путь рационализации морали за счет ее алгоритмического извлечения из этоса. Рациональная этика создается по образу и подобию индустриальных производств. Мораль же становится все более техничной, отчужденной в организационных и иных структурированных формах социального порядка. Однажды она уже пережила удар, связанный с углублением разделения труда и появлением профессий. Вызванный этим нравственный разлад удалось ослабить благодаря возникновению и длительному существованию профессиональных этик. Однако в наше время профессиональные ассоциации подавляются более мощными индустриальными корпорациями. Профессиональная мораль, помимо жесткой корпоративной цензуры, испытывает давление со стороны инструктивных способов регуляции поведения и, по существу, вытесняется за пределы корпораций. Это чревато возможностью выхолащивания, превращения в чисто ритуальные формы. Подобная угроза вновь актуализировала проблему этоса. Некоторые исследователи стали видеть в нем инвариант культуры, гарантию ее целостности и непрерывности; не столько оппозицию рациональной морали, сколько способ внерационального укоренения нравственности.

Постепенно, хотя и не совсем четко, в литературе стала вырисовываться концепция эволюции этоса: от "праморали" (в античной форме) – к "протоморали" (в современном понимании). Подобная концепция стала внушать некоторый оптимизм в отношении неисчерпаемости этоса рациональными способами извлечения морали.

Между тем, поселенческое начало, которое уступило свой приоритет производственным формам нравственной регуляции, также не осталось в стороне от рационализации. Можно даже говорить о поселенческой организации, развернутым воплощением которой является город. Эволюция города - это и есть рационализация поселенческого взаимодействия. И география, которую еще недавно влекли дальние неизведанные земли, обнаруживает настоящую "терра инкогнита" в плотнозаселенных урбанизированных районах. Здесь возникает барьер сложности во взаимоотношениях человека со средой обитания, который в чем-то сродни тупику индустриализма. Этот барьер может быть истолкован как предел поселенческой рациональности, ее нравственный кризис. Очевидно, в данном случае также происходит обнажение этоса, который проявляет себя на этот раз уже не как инвариант истории, а как воплощенный в Духе Места географический инвариант.

Может показаться, что приведенные рассуждения о рациональных способах извлечения морали из этоса увели нас от основной темы - специфики становления территориальных общностей в регионах нового индустриального освоения. Однако такой экскурс в родословную этоса был необходим, чтобы показать, что этос, уже изрядно подточенный рациональными организациями, пришел в нашу культуру как мощная индустриальная программа. Ко времени освоения северных сибирских регионов страна пережила уже несколько "индустриализаций", испытала себя в войне и в последующей гонке вооружений как индустриальная держава. Сибирь представлялась в данном случае не только кладовой несметных богатств, но и полигоном нового грандиозного индустриального эксперимента, который должен был в очередной раз подтвердить этот стандарт. Объектом наступления стали на этот раз слабозаселенные, труднодоступные территории, а его лейтмотивом не миссионерская функция, а самореализация. Возникшие здесь поселения не имели колониального облика, были индустриальными в чистом виде. Поэтому и движение от организации к общности приобретало явные постиндустриальные черты.

Тезис, который мы пытаемся в связи с этим обосновать, состоит в том, что асимметрия эволюции этоса (от общности - к индустриальной организации) нового освоения (от ор-

ганизации - к общности) - кажущаяся. Она - результат синхронического смещения несовпадающих во времени и в культурном пространстве эпизодов индустриального развития. Поэтому обнаружение в античном этосе и его последующих метаморфозах порождающей основы индустриализма, а затем и защитных механизмов, предохраняющих от индустриальной экспансии, проясняют поставленную нами задачу, но не дают конструктивного ответа на нее. Очевидно, что предложенный конструкт - "этос региональной общности" - требует специального достраивания исходного понятия в соответствии с региональной субкультурой.

Наметим пунктирно предпосылки такого достраивания и его возможные контуры. В большинстве северных сибирских регионов, о которых мы ведем речь, сосредоточена в основном добывающая промышленность, а она накрепко привязана к месту. И поэтому индустриальный характер производства не стал здесь самодостаточным. Можно даже говорить о специфическом конфликте Места и Времени, являющемся главным содержанием региональной динамики этоса. Процессуальность и экстерриториальность индустриального производства, утопичность (безместность) технократического мышления вступают в противоречие с постоянством мест залегания полезных ископаемых. Происходит первоначальное "заземление" индустриального пафоса.

На этом этапе региональный этос существует лишь в зачаточных формах - как тиражированный с точностью до необходимого разнообразия производственный этос. Поселенческое начало присутствует в нем в свернутом виде, в иррациональных формах, а если и рационализируется, то лишь как иллюзия нового или просто иного места.

Это еще один штрих к иллюстрации корпоративности складывающейся в дальнейшем общности - корпоративность первичных форм регионального этоса. Достраивание этоса видится нам как незапланированный результат, так сказать, побочный продукт соперничества двойственных и асимметричных организационных структур: территориально-отраслевой и административно-территориальной. Концентрические связи на местном уровне - это своеобразные замыкания, без которых система может пойти в разнос. Это уступка ее частей друг другу. Но подобные замыкания становятся схемой рационализации поселенческих связей, аванпроектом урбанизированных анклавов среди болот и тайги. Вначале это агломерации ведомственных поселков, а затем вневедомственные города. Безусловно, нечто подобное было и на предыдущих этапах индустриализации. Но тогда, как правило, либо город планировался в самом начале, либо поселок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов; сейчас же это результат компромисса между "монофакторными" поселками.

О корпоративном ценностном ореоле данного процесса уже говорилось в начале статьи. Рассматривая его сквозь призму достраивающегося этоса, мы хотели бы подчеркнуть, что налицо особый путь внерационального проектирования, когда в рационализированных схемах освоения человеческое еще только предстоит и подразумевается.

Производственный этос регионов нового освоения с самого начала содержал в свернутом виде постиндустриальные мотивы. Именно здесь они развивались в полную силу и, похоже, бесповоротно. Помимо воли тех, кто связывал с освоением определенные экономические, политические и социальные ожидания, оно осуществило совершенно иную культурную программу. Формирование крупных поселенческих общностей постиндустриального типа - главный незапланированный результат освоения.

Центр прикладной этики
Рациональный регионализм:
фрагментариум гуманитарной экспертизы

(Тюмень в процессе формирования новой региональной политики. Материалы консультативного опроса экспертов / Под ред. В.И.Бакштановского, С.М.Киричука, В.А.Чурилова. Тюмень: Центр прикладной этики, 1994.

Рациональный Регионализм: Экспертные суждения и оценки. Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука, А.Ю. Согомонова, В.А. Чурилова. Тюмень-Москва: Начала-Пресс, 1995.)

"Рациональный регионализм"? Такое название может показаться весьма респектабельной вывеской для малоприметных реформ, которые сегодня происходят в российской провинции. Тем не менее, думается, именно так корректнее именовать тот интеллектуальный прогресс, который наметился в публичном пространстве нашего общества. Так адекватнее охарактеризовать поиск зарождающимся гражданским обществом своего регионального "измерения": концепции местного саморазвития, самоуправления, саморегуляции, в конечном счете - самодостаточности и самооценности.

Далеко не все российские регионы существенно продвинулись на пути формирования своих местных Доктрин, Идеологий, Технологий. Оценивая степень такой "продвинутости", мы, конечно, имеем в виду, не набор "документов" и даже не набор "конкретных действий", а целостный Образ Региона, Места в его самореформирующемся состоянии. Именно этот образ и стал предметом двухэтапного экспертно-консультативного опроса, инициированного Центром прикладной этики при поддержке администрации города Тюмени и финансово-инвестиционной компании "Югра".

Настоящий обзор содержит фрагменты экспертных текстов второго тура опроса. Рубрикация обзора совпадает с рубрикацией соответствующей книги.

Метафизика регионализма

Регион - это не объект, который дан, но субъект, выстраиваемый (отчасти) в ходе регионального самоопределения, региональной политики как сложной игры коалиций, групп, мест, ценностей, норм.

Центр - провинция - периферия – граница. Самоопределение всякой территории, тем более, как регион, претендующий на некоторое сверхфункциональное единство, заведомо многообразно. Однако пока дальше схемы "центр - периферия" с переносом акцента на вторую составляющую такое полагание не идет. Отношение "центр - периферия" очень грубо и неполно описывает пространственную систему. Нужна более богатая схема, которая приведена выше. Она прямо связана с оппозицией "центр - периферия" и есть (в частности) ее развертывание.

1) **Центр** - властное, смысловое, хозяйственное ядро. Главный и единственный компонент. Концентрация активности, особая роль и высокая значимость знаково-символической деятельности. Близость к вышестоящим уровням иерархии и размещение их объектов. Транзитный характер и частичное оседание транспортируемого-распределяемого материала. Сложные сочетания многих систем регулирования, частичные пересечения; полистатусность, в том числе размещенных в нем (центре) объектов. Миграционное притягивание.

2) **Провинция** - прицентральная периферия. Срединная зона, удаленная от краев системы. Зависимость от одного локуса - центра. Характерны связи частей помимо Центра. Преобладание работы с вещами, а не знаками. Повышенная роль обыденного регулирования. Особая роль местного населения. Относительная самодостаточность.

3) **Периферия** - приграничная провинция. Статус задан удаленностью от центра и близостью к границе. Зависимость. Несамодостаточность. Проточный режим населения. Противостоит центру без родства с ним. Связи фрагментов помимо Центра затруднены или отсутствуют.

4) **Граница** – анти- и контрцентр. Символическая антитеза-продолжение центра. Существование лишь в контакте-противостоянии центру.

Регион - переходное, временное образование. Современные регионы - "постпродукты" советского пространства, структурными блоками которого они были. Блоки оказались сохраннее целого. Известно, что структурная прочность регионов целенаправленно форми-

рвалась и поддерживалась центральной властью. Сейчас она распадается и регионы (в этом смысле) отпущены в автономное плавание. Однако деструкция Центра и связанных с ним структур должна рано или поздно обесмыслить и "обесценить" регионы. В ситуации, когда никакого Центра de facto нет, экономика региона приватизирована вне зависимости от того, кому она досталась, а выживание людей - их собственное дело (а не предмет забот и повод для ее коррумпирования), регион оказывается перед необходимостью быть внутренне самостоятельным. Внешние основания для нынешних регионов отмирают.

Регион может сохранить свои структуры, рубежи и т.п., лишь заново родившись и сменив онтологический статус. Но многие ли регионы пройдут это горнило? Для многих ли регионов есть смысл сохраняться в прежних рамках, ведь регион отнюдь не самоценность? Региональная активность пока есть конвертация административного статуса региона в государстве; но этот статус - такой же невозобновимый ресурс, как запасы сырья. Может ли на этом основываться долгосрочное существование? Регион в любом смысле есть общность людей, единство человека и пространства.

Нынешняя регионализация - отнюдь не регионализм в обычном смысле. Регионализм - идеология и практика достижения национального статуса реальными внесударственными общностями; стремление географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же регионы - это изначально институциональные районы. Надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов советского пространства на самом деле не имеет отношения к собственно регионализму и по сути - псевдорегионализм и предрегионализм. Регионализация - своего рода снятие советских наслоений над культурной почвой. Эпоха пострегионализации - реставрация и/или формирование новых подлинно региональных образований - это закат нынешних регионов. Погруженные в небытие исторические культурные ландшафты оживают. Досоветская почва восстанавливается. Этот процесс на различных территориях проходит в разнообразных формах и в неодинаковом темпе. Наверное, понятия (концептуального образа) региона пока нет. Есть политическая рамка, противоречивая метафора и обманчиво ясная мифологема.

В.Л.Каганский

Институт национальной модели экономики

Анализ материалов первого тура опроса предполагает, прежде всего оценку выполнения первого требования к любому экспертному опросу - репрезентативность экспертной группы, позволяющая выйти за пределы точки зрения, позиции и представить максимально возможный диапазон релевантных суждений о нынешнем положении и будущем Тюмени. С некоторыми коррективами выводы экспертизы распространяются и на другие регионы со сходным экономико-географическим профилем.

Требование репрезентативности отчасти реализовано в привлечении к экспертизе специалистов, обладающих принципиально различающимися взглядами на предмет. Речь идет не о противостоянии ценностных подходов, а о способах освоения темы. В этом отношении экспертный опрос практически не оставляет "белых пятен" в проблеме тюменского регионализма. "Метаэкспертиза" высокого полета (откуда даже очертания Тюмени угадываются с трудом) дополняется здесь конкретикой журналистских впечатлений, но самые главные эксперты - конечно же, "функционеры": руководители области, работники правоохранительных органов, экономисты.

Результат экспертного опроса необходимо аккумулировать в общих положениях по поводу современной концепции регионализма вообще и тюменского, в частности. Понятия региона и региональной политики представляют своеобразную метафору: за "региональными" словосочетаниями стоят различные смыслы и различные интересы. Экспертные оценки ясно показывают: регион как целостная производственно-экономическая, социальная и политическая система в настоящее время не существует. Эти функциональные изме-

рения разделены и практически не пересекаются. Региональная общность живет отдельно от политических структур, занимающихся, по свидетельству Ю.Пахотина, новым видом политических игр - бегом на месте с препятствиями.

Нефтегазовый комплекс обладает собственными интересами и осуществляет их вне зависимости от "региона". Как ни парадоксально, "регионализм" служит эвфемистическим обозначением инициатив всех "субъектов", которые заинтересованы в самостоятельности и относительной автономии. В сфере этнополитических отношений такого рода инициативы почти неизбежно принимают форму националистических деклараций, за которыми не стоят никакие национальные ценности. Однако и в национализме, и в регионализме имеется общая черта - стремление не упустить вновь открывшихся возможностей при дележе "общенародной" собственности. В этом смысле регионализм мог бы даже принять форму полного подчинения Центру.

Теоретико-методологические результаты экспертизы связаны, в основном, с разработкой концептуального аппарата исследования регионализма. В связи с тем, что административно-территориальное деление более не содержит критериев идентификации регионов, возникает новая задача, близкая к задаче распознавания образов. Выше говорилось, что большинство экспертов склонны деконструировать понятие "регион" в соответствии с вкусами и наклонностями "регионообразующих" субъектов. Исключение составляет работа Ю.В.Согомонова, который предложил четыре концептуальных измерения регионализма или признака региональной идентификации: а) географически-территориальный признак; б) экономическая самостоятельность; в) административно-территориальная автономия; г) культурная автономия, самобытность. Значение этих базовых измерений заключается в том, что они дают начало более разветвленной системе переменных, описывающих региональные ячейки того пространства, которое раньше называлось советским. Метафизический компонент точки зрения эксперта состоит преимущественно в упоминании о "подвиге создания Лица" и реинтерпретации регионального наследия как условия самобытности. Было бы интересно развернуть тему реинтерпретации региона на различном символическом материале и установить, какие параметры используются для идентификации региона в массовом сознании, в пропаганде, в текстах политических лидеров, в бизнесе. Здесь открывается широкий диапазон исключительно продуктивных гипотез для социологического обследования регионов.

В частности, формирование полицентрической структуры экономики обусловит и полицентрическую структуру политической деятельности. Тогда, по мнению Т.Л.Клячко, можно будет говорить о регионах в полном смысле слова. Станет возможным заключить федерально-региональный контракт в форме Федерального Закона "О Тюменской области с входящими в ее состав Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами". При этом не требует доказательства, что, как правильно отмечено в анкете эксперта, сценариев местных контракций не может быть столько же, сколько и самих региональных структур в стране. Закон никогда не сможет поспеть за процессом возникновения и распада всевозможных региональных структур. Возможно, такой закон станет реальностью лишь при условии превращения Центра в центр равновесия стабильной общественной системы, которая напоминает гражданское общество.

*Г.С. Батыгин
Институт социологии РАН*

Попытки нецивилизованным способом захватить какой-либо ресурс и использовать его для торга или шантажа мы называем сейчас "процессом регионализации". Но тогда можно сделать вывод, что у Тюмени нет шансов, ибо уровень региона будет уровнем отдельной нефтяной скважины. Процесс приватизации - это порождение субъектов прав (надо бы выяснить, каких) и ответственностей (опять-таки, каких), а не растаскивание общего добра, что сейчас нередко происходит. У нас это пока списание государством своих долгов обще-

ству и создание фиктивных субъектов права для того, чтобы сделать их, во-первых, банкротами, и, во-вторых, безработными.

Другими словами, делается попытка сбросить на производственные коллективы устаревшее имущество, названное собственностью, чтобы они с ним разбирались. Второй шаг – это банкротства, т.н. "отключение" созданных на первом этапе неэффективных собственников от ресурсов, прежде всего нефти и газа, под лозунгом "Сами виноваты, - плохие хозяева!". Основной вопрос состоит в том, на какие цели и кем будут использованы высвобожденные ресурсы: на модернизацию экономики, на поддержание социальной стабильности и т.п.? И как будут распределяться роли: кто и что модернизирует, кто и как поддерживает социальную стабильность и т.д. и т.п. Именно здесь возникают основные коллизии в отношениях Центр - регионы (в частности, Центр - Тюмень), поскольку скорости модернизации, уровни социальной стабильности могут быть различны для страны в целом и для отдельных регионов. Различны могут быть также и механизмы реализации поставленных задач.

Региональная политика включает в себя, с одной стороны, разработку проектов на развитие территорий, а с другой - согласование региональных проектов, осуществляемое Центром. Пока нет таких проектов, проектов будущего - нет и региональной политики. Она превращается в "собаку на сене", захват и удержание некоторых потенциалов, которые то ли будут реализованы, то ли утрачены. Это борьба иллюзий. Правда, более вероятен вариант, когда под завесой экспертиз и демократических дискуссий, за дымом баталий скрывается жесткий дележ ресурсов под непредрьявляемые, но, якобы, имеющиеся проекты.

Т.Л.Клячко

Институт народнохозяйственного прогнозирования

Сценарии новой региональной политики

Выживание России сегодня во многом зависит от того, удастся ли ей избежать сползания к "югославизации" страны. На наш взгляд, наиболее эффективным для этого является оптимальное сочетание широкой национально-культурной автономии субъектов Федерации (республик, областей, округов) с формированием крупных экономических районов в составе нескольких субъектов (идея Соединенных Штатов Евразии или Евразийского Союза). В этом плане лозунг создания крупного экономического района "Западная Сибирь" мог бы выглядеть конструктивным с позиций не местных, а общегосударственных интересов. Другой вопрос, если ставится задача любой ценой усилить позиции Тюмени и прилегающих территорий.

Таким образом, в качестве оптимума может выступать такое территориально образование, как "Западная Сибирь", а с административной точки зрения Тюмень может выступать одним из крупных экономических районов России.

Если нефтяные районы "отсекут" от Тюмени, то последняя уравнивается в положении с аналогичными районами страны (прогноз по аналогии). Чтобы сохранить "незаштатный" статус города, потребуются форсирование в нем наукоемкие и перерабатывающие производства, опирающиеся на географическую близости к нефтеразработкам. Все остальное останется в сфере риторики.

На городской политике Тюмени и области в полной мере сказывается происходящая в стране гиперурбанизация: чем крупнее город, тем сильнее тяга к нему, чем перегруженнее его инфраструктура, тем выше уровень социального иждивенчества, тем дороже это для региона. Остается вопрос, кто будет оплачивать все это? Москва стала в данном смысле "Третьим Римом", падение которого не за горами. Но она печатает деньги и расплачивается ими за импорт из других районов (и стран).

Собирается ли Тюмень стать "Четвертым Римом", а Нижневартовск сороковым? Если нет, то надо подумать об оптимальном расселении: привлекательность населенных

пунктов, не отличающихся благоприятным климатом и местоположением, следует обеспечить хотя бы за счет доступности мест работы, магазинов, эффективной индустрии досуга.

*И.В.Бестужев-Лада
Институт социологии РАН*

Мне кажется, даже при очень отстраненном взгляде ясно, что с наших территорий выкачивались, вывозились огромные богатства (по скромным оценкам, за последние 25 лет из Тюменской области нефти, газа и леса вывезено более чем на триллион долларов). Из них назад возвращались крохи, и те с какой-то нищенской дефиницией - "субсидии". Ясно также, что некоторые деятели пытались и пытаются заменить "старое" колониальное отношение к регионам на "новое", позволяющее гармонично развивать территории, на которых проходит вся жизнь людей, дающих эти нефть, газ, лес. Ведь понятно, что Ханты-Мансийск или Салехард - далеко не похожи на Калгари, а Тюмень - на Хьюстон или Даллас. А почему? Ни широтами, ни производительностью труда, ни богатством недр, ни уровнем технологий не объяснишь, почему наши нефтедобывающие регионы поставлены на грань экологического бедствия, школы-интернаты оборудованы хуже сельских школ тяжелейших послевоенных лет, а нефтегазодобытчики живут далеко не в лучших условиях. Попытка это изменить и есть попытка ввести "новую региональную политику". Для ее осуществления необходима такая "малость", как новый хозяйственный, экономический механизм и новая нормативно-правовая база.

А может быть, лучше оставить старую политику, упростить, уговорить, и смильстится надежда-царь, увеличит "субсидии" и заживем мы все припеваючи? Этого нельзя ожидать, исходя даже из элементарных законов арифметики. Управление крупным государством основывается на единообразии, на укрупненных статистических показателях. Управление территорией стремится учесть своеобразие, особенность каждого месторождения, каждого поселка. Гражданин заинтересован и в том, и в другом. Новая политика – это механизм, обеспечивающий баланс интересов на Федеральном и территориальном уровнях. Интересов кого? "По-старому" - федерального и территориального чиновников: тебе такое вознаграждение, тебе такое, табель о рангах и т.п.; "по-новому" - интересов гражданина, избирателя, налогоплательщика, его безопасности, здоровья, прав получения созданной им прибыли, прав реализации внутренних возможностей и т.п.

Как много еще можно писать, пытаюсь разделить "по-новому" и "по-старому". Наше переменчивое время делает новое старым, старое новым. Ясно, что "по-новому" и «по-старому» - совсем не временное соотношение.

Теперь о том, что меня в "новой региональной политике" действительно тревожит. Пока идут споры по насущному, казалось бы, вопросу: "округа в составе области" или "область и округа"; пока вырабатываются детали соглашений по распределению полномочий и т.д. и т.п., жизнь, прежде всего, экономическая, развивается совсем по другому сценарию. Главная тема этого сценария - полное обескровливание территорий, обескровливание с грубейшими нарушениями Конституции.

Другой аспект - захват земли и недр. По закону о недрах их участки доступны любой компании, способной вкладывать деньги и проводить работы. Может возникнуть опасная монополия, когда крупнейший район оккупирует компания, никого туда не пускает и делает с ценами, с добычей, с объемами работ все, что ей вздумается. Это всегда оборачивается против нас с вами - налогоплательщиков.

*В.И.Шпильман
Научно-аналитический Центр рационального недропользования
Ханты-Мансийского автономного округа*

Региональная политика: "старая" и "новая". Само по себе понятие "новая региональная политика" у значительной части экспертов вызывает явное отторжение: во-первых, "новая" политика противопоставляется "старой", коей в СССР практически не было; во-вторых, в действиях нынешних федеральных властей трудно усмотреть признаки какой-либо последовательной региональной политики.

В советский период региональная политика главным образом развивалась в рамках "экономики согласований" и сводилась к более или менее эффективному лоббированию перераспределения ресурсов по формальным - партийным и/или ведомственным - либо неформальным каналам. Типическим примером подобного понимания региональной политики было известное инвективное высказывание Е.Лигачева в адрес Б.Ельцина на XIX конференции КПСС, когда будущему Президенту России было поставлено в вину, что тот в бытность первым секретарем Свердловского обкома партии "посадил область на талоны" (иначе говоря, недостаточно эффективно выбивал продовольственные фонды в Москве). Данная система сложилась в послесталинский период как разновидность "бюрократического рынка" и подробно описанного в работах В.Найшуля и других авторов.

"Новая" региональная политика обусловлена формированием полисубъектности и возникновением новых политических актеров - относительно независимых властных институтов и политико-экономических группировок на федеральном, региональном и (в случае Тюменской области) субрегиональном уровнях. "Точкой отсчета" здесь стал 1990 год, когда началось формирование политической и правовой базы "нового" регионализма.

Региональная политика центра: субъекты и факторы-94. Среди тенденций нынешней региональной политики Центра выделим наиболее значимые для понимания политического контекста регионализации вообще и тюменской, в частности.

Практика заключения договоров между Центром и субъектами Федерации (сама по себе, вероятно, оправданная) после договора с Татарстаном развивается по пути эксклюзивов, ничем не обоснованных ни с экономической, ни с правовой точки зрения. (Так, договор с Башкортостаном, закрепивший налоговые льготы региону, повлек за собой реакцию протеста органов власти соседней Пермской области, из кармана налогоплательщиков которой оплачивается относительное финансовое благополучие республики). И, хотя Комиссия при Президенте по подготовке договоров под руководством С.Шахрая выработала более или менее четкие критерии подписания этих документов, на практике уступки Президента лидерам регионов будут зависеть, скорее всего, от силы лоббирования и степени лояльности, демонстрируемой последними. Данное явление, прежде всего, следует рассматривать в свете предстоящих президентских выборов 1996 года. Нынешнему Президенту необходимо заручиться поддержкой региональных элит, от которых во многом будет зависеть характер и исход избирательной кампании.

В Тюменской области идеальным с точки зрения баланса интересов различных субъектов региональной политики был бы вариант комплексного договора по формуле "1 + 1 + 2" (Центр + область в целом + округа). Однако логика развития событий, скорее, дает основания предположить, что договоры будут заключаться прежде всего с округами и прежде всего в интересах монополий ТЭК. В сегодняшней политической ситуации российскому руководству невыгоден сильный оппонент, каким могла бы стать единая область. Этим обстоятельством могут быть продиктованы все его ближайшие шаги. Однако, отбросив эмоции, следует признать, что на сегодня ресурсов для торга или открытой конфронтации с округами, и тем более с Центром, у Тюмени и юга области на сегодня нет.

В.Я.Гельман

Институт гуманитарно-политологических исследований

У меня есть принципиальное замечание: текст дышит вызовом Тюмени - Центру. Весь он построен именно на такой сюжетике: Центр лишь имитирует федералистский подход, на деле же он вполне имперский, крайней неохотно расстается со своими прерогативами.

вами, в силу чего весьма заинтересован в ослаблении регионов вообще и тюменского регионализма в особенности. В этом свете Центр выглядит паразитом, живущим слабостью или небрежностью регионов, которые, будучи посмышленнее, давно бы поняли ненужность и враждебность Центра и ликвидировали бы его как класс. Это, конечно, звучит утрировано, но не слишком.

Практика свидетельствует об обратном. Федерализация страны ведется сверху, причем преодолевается сопротивление не только столичных федералистов, но и региональных лидеров, заинтересованных в унитарном строении государства российского. Представление о том, будто права регионов достаются им в тяжелой борьбе с Центром, который пытается этих прав не дать, если и были справедливы (хотя бы отчасти) для российской политической жизни, то лишь до принятия Конституции России в декабре 1994 года. Примечательно, кстати, что в изложении экспертов все решается сговорами, противоборствами, интригами и сокрушениями в некоем беспорядочном пространстве, словно в джунглях. Такой подход к политической жизни страны просто несерьезен. Есть основания утверждать, что новая Конституция России дала субъектам такие огромные политические права, что пройдет немало лет, прежде чем региональные власти, даже при самой интенсивной законотворческой работе, смогут ощутить пределы отведенной им "экологической ниши". Даже завзятые демагоги уже давно сняли с вооружения лозунги борьбы регионов с Центром за свои права, потому что более актуальными стали проблемы правильного и полновесного использования этих прав.

Кое-кто может заметить, что права регионов всего лишь бумажные, чисто декларативные. Это не так. Права эти зафиксированы в Конституции страны, и за последние годы сложилось немало традиций, в силу которых голос российских регионов стал весьма громким. Не утомляя многочисленными доказательствами, приведу только один довод - чисто экономический, а им обычно верят легче всего. В 1992 году консолидированный бюджет распределялся между федеральным уровнем и региональными властями в соотношении 60:40, а в первой половине 1994 года, соответственно, 40:60. Добавлю, что третий год подряд федеральный бюджет сводится с громадным дефицитом, а региональные бюджеты, если их консолидировать, - с громадным профицитом. Иными словами, регионы получают такую толику консолидированного госбюджета, которую неспособны полностью освоить.

Л.В.Смирнягин

Аналитический Центр при Президенте РФ

Человеческое измерение

65-я статья Конституции, зафиксировавшая на единой прежде территории три субъекта Федерации - это только один и, может быть, не самый "парадоксальный" парадокс, Тюменского Севера. В стабильной стране эта ситуация могла бы разрешиться цивилизованным способом, путем правовых процедур (через Конституционный суд, например). У нас сегодня это просто невозможно. В статье 67 Конституции говорится о том, что границы между субъектами Федерации могут изменяться только по их взаимному согласию. Согласие субъекта - это согласие его населения, выраженное на референдуме, оформленное решением представительного органа и подписанное главой администрации. Значит, в нынешней ситуации область обречена находиться неопределенно долго: на изменение своих границ она может согласиться лишь при условии, что все население вместе с областной Думой и областной администрацией сойдет с ума одновременно. Ни один орган областной власти не сможет взять на себя такой ответственности. Причина не только в том, что солидную часть областного бюджета составляет плата за недра (т.н. роялти), но уже в том, что областными лидерам предстоит здесь жить и дальше (не все же сразу сумеют устроиться в Москве).

Теперь о путях разрешения проблемы. Думается, из парадоксальной ситуации может быть только парадоксальный выход: "крепить дружбу между народами субъектов федерации". Сегодня, когда не все амбиции региональных политических элит удовлетворены, навивно ждать, что они протянут друг другу руки, но здравый смысл сильнее амбиций.

Именно здравый смысл должен заставить политиков, если не нынешнего, то следующего эшелона, понять, что проникновение в экономику соседа делает из него если не друга, то хотя бы удачного партнера по переговорам. Правда, это понимают только люди, не зараженные бациллой распределительной экономики, в которой главным принципом было не сложить и умножить, а отнять и разделить. Куда более открытой, а значит, и честной, является позиция, согласно которой автономные округа (читай - элиты) от прав (читай - прерогатив) не откажутся. Следовательно, наиболее реален второй сценарий субрегионализации - распад области. После ее распада говорить об объединении отдельных политико-административных образований на другой основе без нового местного центра вряд ли придется, т.к. в ситуации сиюминутных интересов для округов предпочтительнее объединение с Омской областью.

Многое нуждается в развитии. Самостоятельные бюджет и прокуратура еще не показатель самостоятельности. Помимо целостности силовых структур, да и многих централизованных хозяйственных управлений, таких, например, как охот- и рыбнадзор, остается еще единая железнодорожная, авиационная и речная транспортные системы, рекреационная система, созданная, кстати, благодаря значительным материальным вложениям северян. Остается единый речной бассейн и многое другое, например, ввоз существенной части продовольствия с юга области. Нет необходимости добавлять, что каждый третий «патриот округа» имеет квартиру в Тюмени или на юге области. Главное, чем обеспечивается единство области – это единство популяции. Существует немало медицинских свидетельств о том, что на территории области проживает самостоятельная популяция, приспособленная к этим болотам и холодам. Но даже и без медиков это станет понятным, если проанализировать миграцию с севера. Массовое переселение на юг и в среднюю полосу России пошло на убыль. Думается, причина не в нехватке рабочих мест, а в том, что основная масса переселенцев не может адаптироваться в условиях, нормальных для местных жителей.

Таким образом, и на этом уровне предпосылок развала области также не обнаруживается. Ведь не случайно сторонники раздела предпочитают не говорить, зачем нужен раздел. Они говорят: нужен и все. Нельзя же всерьез принимать такую аргументацию.

Властям тем временем нет дела до северных пастухов или южных пахарей, а лишь до того, кому принадлежит нефть - Тюмени, Ханты-Мансийску или России? А она уже давно принадлежит тем, кто платит, а не тем, кто руководит. Содержательная работа с отчислениями от нефти проводится не в Тюмени, Салехарде или Ханты-Мансийске, а в Эр-Рияде, Абу-Даби и Эль-Кувейте. Тюменская же область скорее напоминает одну из стран Центральной Африки, с тем лишь отличием, что воюют не племена, а вожди.

Нормальный политик, думающий о перспективах территории и населения, занимается созданием условий для развития экономики региона, а не выясняет "кто главнее". Это нормальный политик – избранный населением и отвечающий перед ним. Человек, которого назначили заниматься политической деятельностью, политиком являться не может. Он по сути своей чиновник, отвечающий только перед тем, кто его назначил. Главным стремлением чиновника - не выпасть из номенклатурной обоймы и по возможности урвать кресло повыше. Это естественные стремления чиновничества во всем мире. И пока нами правят чиновники, а не политики, пусть и не опытные, судьба наша оставаться "захолустьем". Это, кстати, относится не только к Тюменской области, но и ко всей России. Я, конечно, не имею в виду Москву, которая из третьего Рима все больше превращается в Вавилон с вавилонским же населением и законами.

Если все изложенное выше существует в действительности, то вывод о безнравственности нынешней власти напрашивается сам собой. Перспективы развития области необходимо связывать с выборами 1996 года. Есть надежда, что к тому времени народ активизируется, и станет маловероятной победа кандидатов, размахивающих флагами суверенитета. Во всяком случае, после 1996 года шансы на проведение общеобластного референдума по вопросу единства области станут значительно более реальными, чем теперь, когда чиновники всеми силами такого референдума стремятся его не допустить.

Внутренняя региональная политика включает в себя организацию взаимодействия региональных властей с властями городов (поселений), районов и содержательную проработку проблем региона с учетом мнений специалистов регионального и муниципального уровней. В мае 1994 года главы администраций городов и округов области организовали Муниципальный союз. Можно по-разному относиться к настоящему факту ("его создание инспирировано Тюменью как противовес округам" и т.п.), но одно несомненно: города готовы участвовать в формировании региональной политики. Чтобы вывести из тупика и "приземлить" проблематику взаимоотношений области и округов, весьма полезно включить в их диалог третий субъект - город (районы). Муниципальный союз городов мог бы выполнить функцию представителя мест в формировании региональной политики, выступить фактором, балансирующим региональную политику путем наполнения ее предметным содержанием.

Очертим круг вопросов, которые могли бы стать предметом обсуждения между регионом (представленным, например, Административным Советом Тюменской области) и городами (районами) (представленными, например, Муниципальным союзом городов). К их числу относятся:

- насыщение локальных рынков товарами и услугами по приемлемым для населения региона ценам;
- создание рабочих мест и решение наиболее острых проблем занятости;
- обеспечение стабильных налоговых поступлений в местные и региональные бюджеты;
- нормальное функционирование социальной инфраструктуры и системы социальной защиты.

Решение указанных задач находится в зависимости от спада производства, уровня безработицы, неплатежей в местные и региональные бюджеты, упадка социальной инфраструктуры и свертывания программ социальной защиты, передачи на баланс городов жилья и других объектов соцкультбыта приватизируемых предприятий. Острота указанных проблем в различных городах, районах, зонах Тюменской области неодинакова. Выявление депрессивных (дотационных) районов (зон) послужило бы основой для разработки селективной политики внутри регионов.

Структурные сдвиги в экономике области будут связаны с оживлением промышленного цикла. Оно начнется не по всему фронту, а очагами, которые важно своевременно выявить. Добиться этого можно путем фиксирования роста видов промышленной продукции и выстраивания их в определенные технологические цепочки. Дифференцированная внутренняя политика наполнит предметным содержанием и сделает осмысленным диалог между областями и округами, регионом и Центром.

Е.М.Черкашов
Тюменский госуниверситет

Политические уроки

Читая материалы экспертного опроса, я постоянно возвращаю себя к тому смыслу, который эксперты вкладывают в слово "Тюмень". Как и для всех, живущих здесь, Тюмень для меня - это огромная территория. Но, по-моему, Тюменской области в прежнем понимании не существует.

Да, можно искать всякие трактовки, выдавать на публику теории по этому поводу, но... Прежняя Тюмень управлялась в централизованном режиме - это первое и главное, на чем основывалась жесткая иерархия. Всем заправлял обком КПСС? Но рядом были главки,

система хозяйственного управления, а не облизполком, при всей важности тех функций, которые он выполнял. Безусловно, он был подчинен партийным органам и ведомствам, которые принимали решения в Москве, а реализовывали по всей Тюменской области, имея везде свои штабы. Область кружилась вокруг ведомств. Этот факт замалчиваются в сегодняшней полемике как экспертами, участниками опроса, так и авторами многочисленных газетных материалов или устных выступлений.

Скажем, почему Тюмень как место расположения управленческих структур вдруг потеряла привлекательность? Да потому, что рассыпались звенья централизованного управления. Сегодня мы перешли к совершенно другим механизмам управления. Прежние принципы во многом утрачены, на смену им приходит управление экономическое. Это прежде всего следует иметь в виду при обсуждении перспектив областного центра. Тюмень очень удобно расположена, имеет богатый кадровый потенциал и т.п. Все это очевидные "плюсы", и они должны быть эффективно использованы. Но штабы прекратили существование - это первое. Второе: теперь совершенно другое правовое устройство, материализовавшее непривычное слово "субъект". В области их стало три. Это спровоцировало и правовую коллизию, и психологические конфликты.

Но где Федерация-то? Как только три бюджета разделили, так и выяснилось, что куда она не делась. В тех или иных вариантах она вынуждена направлять в Тюменскую область федеральные средства по федеральным программам. Кстати, мы в округе не получаем этих средств до сих пор. Федеральные программы по развитию области составляются и их достаточно много. Нас - "субъект" - обвиняли в том, что мы забыли гордость и предъявляем слишком большие требования Центру: раньше Тюменская область "свои вопросы решала сама". Решала. Но, прежде всего, за счет ведомств. В той системе это было возможно. Партия говорила: "Министр, иди-ка и сделай это для области". Так вполне мог сказать первый секретарь обкома партии. Но когда предприятия в соответствии с законом получили самостоятельность, они начали говорить: "не трожь", "не положено". Вот тогда мы и обнаружили, что на каждого человека в автономном округе из федеральных средств тратится 230 рублей в год, и пошли "хулиганить" - требовать у Москвы.

Команда, защищавшая позиции области, предложила проект закона об отношениях автономии и метрополии. Прочитав его, легко убедиться, что где явно, где завуалировано, все мячи попадают в одни ворота – ворота округа. Документ сформулировали так, что возможности компромисса минимальны. Думаю, кроме внутреннего убеждения, на авторов проекта влияли и конъюнктурные моменты: кто-то вдруг обронил фразу, согрешившую душу, и она попала в проект. Что субъекты всем надоели – известная тенденция. Отдельные из них слишком норовисты и потому их надо лишить почвы под ногами. Как? Очень просто: "высисить" все структуры, которые находятся "под ними". В этом ключе иницируется так называемое местное самоуправление. Но здесь возникает проблема и очень серьезная: можно ли из центра России руководить всеми так называемыми субъектами самоуправления?

А.В. Филипенко

Администрация Ханты-Мансийского автономного округа

Глядя на карту России, легко представить Тюменскую область в виде сердца. Оно опутано стальными сосудами трубопроводов, линий электропередач, железных дорог. Это больное сердце, и его давно пора лечить, преодолевая техногенную аритмию притоками главной живительной силы - людьми-созидателями, способными гармонизировать окружающий мир.

"Человек - средство", - таким был и остается ведомственный, технократический (и политический) курс освоения северных территорий, составляющих около 60% России. Благодаря этому, Тюменская область остается промышленно-сырьевой системой, которая превращает жизни сегодняшних и будущих поколений в дешевый полуфабрикат министерского и ведомственного производства.

Известно, что нет ничего более практичного и экономически выгодного, чем хорошая теория, основанная на доступной идее. Концептуальная непродуманность многих социальных программ сегодня выливается в миллиардные, а то и триллионные убытки, безнравственные антинародные проекты, а затем и дорогостоящие "программы спасения". Однако негативный опыт имеет позитивную сторону, поскольку поможет понять, что любая программа развития и освоения региона, любой социальный проект должен опираться на научно разработанную теорию, комплексное и системное исследование факторов в их совокупности. Настало время практической разработки Концепции развития Тюменской области, которая обозначена Указом Президента России в сентябре 1991 года. Вероятно, раньше мы к ней попросту не были готовы.

Сегодня Тюменская область выглядит как трехкомнатная коммунальная квартира в огромном одноэтажном доме. Один угол его фундамента стоит на плодородной пашне юга области, другой - на зыбкой почве югорской тайги и болот, третий - на вечной мерзлоте ямальской тундры. Есть у этого дома общий парадный вход и лабиринты внутренних коридоров: Обь и Иртыш, железная и автомобильные дороги, теле- и радиокommunikации. С недавнего времени в каждой из комнат этой коммуналки появилась своя дверь в столицу, ведущая по ведомственным лестницам судов и прокуратур, военкоматов и налоговых управлений. Но, как во всяком коммунальном доме, здесь одна ванная, одна кухня... Поэтому и отношения семейств зачастую не могут подняться выше уровня кухонных разборок. А ведь это наш общий дом со всеми его достоинствами и недостатками. Здесь за 50 лет области и 30 лет освоения нефтяных и газовых месторождений мы выросли, повзрослели и, надеюсь, поумнели. Думаю, теперь мы осознаем необходимость общей идеи для России, надеюсь, что такая идея станет главным объединяющим фактором и для Тюменской области.

По социологическим опросам, около 60 процентов семей желали бы жить в собственном благоустроенном доме с лужайкой. Недаром в народе говорится: "построй дом, заведи семью, посади дерево - и ты не зря прожил". Дом, семья, работа - это три главные составляющие жизненного смысла людей. Богат дом, богата семья - богата область, богата и Россия.

Программа, построенная на базовых принципах "общего дома", должна, на мой взгляд, изменить отношение населения к власти и собственности, дать новые ориентиры развития области и округов с учетом интересов жителей, и особенно коренных народностей Севера.

Г.А.Щербаков
Представительство Президента РФ в Тюменской области

Я был участником первой команды экспертов, которая выпустила сборник "Тюмень в процессе формирования новой региональной политики", и готов поддержать многие предложения. Но, по-моему, в них не хватает гуманитарного подхода, который помог бы реализовать задуманное.

Я предложил три принципа: Доверие. Уважение. Порядочность. Технологические вопросы региональной политики можно решать лишь тогда, когда шесть политиков (главы администраций и руководители Дум трех субъектов Федерации) будут друг другу доверять, друг друга уважать, вести себя честно и порядочно. Другие эксперты больше говорят не о человеческой, а об организационной "технологии": как рассмотреть, как сделать в экономике, политике, социальной сфере... Я же подчеркиваю, что все поддается решению, если подняться над эмоциями и установить доверительные, честные, порядочные отношения.

Вы обратили внимание, что я не говорю о "законе"? Сегодня закон заводит в тупик. Мы сколько раз обращались "наверх": что такое "входящие в область округа"? Означает ли это, что они "подчиняющиеся" или нет? Не прописано. Российские власти не берут на себя функции по истолкованию. Вот мы и топчемся на месте.

Можно найти немало людей, кровно заинтересованных в решении региональных проблем. В их числе главы администраций округов, от которых многое зависит. Обмен экспертными суждениями – это одновременно и способ понять друг друга и возможность договориться. Надо настойчиво искать крупницы взаимопонимания. Для того и нужны эксперты, чтобы избавиться от чисто российского распределения мнений на две группы - "мое" и "неправильное". Полифония мнений и оценок позволяет находить позитивный опыт, принимать оптимальное вариант решение.

*Н.П.Барышников
Тюменская областная Дума*

Мы в администрации давно говорили: "Тюмень должна быть финансовым центром". Насколько серьезны такие амбиции? Статьи экспертов укрепляют во мнении, что если Тюмень не будет финансовым центром, ей не решить и другие вопросы.

Я решительно не принимаю политику, когда нефть и газ находятся в нашей области, на севере, а все расчеты по ним производятся в далекой Москве. Я бы еще мог с этим согласиться, если бы кто-то показал мне, каким образом денежные средства, заработанные тружениками Тюменской области, переходят во благо именно им - городские дороги и автобусы, парки отдыха, пионерские лагеря. Эксперты справедливо говорят: для того, чтобы в нашем городе создавались финансовые институты, следует изменить условия жизни делового человека. У нас нет гостиниц, нет нормальных бизнес-центров, информационных центров, надежной связи - телексной, факсовой, телефонной.

Материалы экспертизы показывают, что провинциализм Тюмени будет и дальше поощряться политиками других регионов. Для них выгодно, чтобы все важное происходило где-то в другом месте, но не в городе Тюмени. Поэтому развитие региона – это задача местных политиков.

Рациональный регионализм на местном уровне означает нормальное, без конфронтации взаимодействие с российским правительством, предпринимателями, другими регионами. Пока нас тянут в разные стороны - то в "Большой Урал", поближе к Екатеринбургу, то в "Сибирское соглашение". А что нужно самой Тюмени? На первом этапе Тюмень могла бы инициировать свое - внутриобластное - соглашение трех субъектов Федерации. Объединиться следует не ради сохранения нефтяного комплекса, а ради той финансовой мощи, которая есть у нас вместе взятых. Сегодня мой рационализм уже вышел за пределы "латания дыр". Если мы научимся видеть дальше ежедневных "болевых точек", видеть не просто плохую больницу или отсутствие света на улице, а причины и взаимозависимости, тогда будет успех.

Меня могут попытаться остановить: мол, занимайся городским хозяйством, канализацией и не лезь в политику! Мол, региональную политику должен вырабатывать федеральный центр. Я не боюсь этого удара по носу. Меня держат на этой работе не какие-то корыстные интересы, не соображения карьеры. Я работаю на посту мэра по доброй воле, и не согласен с мнением, что, занимаясь политикой, лезу не в свое дело. Всегда говорил и говорю: я никогда не собирался указывать, что должен делать президент, какие решения должен принимать губернатор... Но если у меня появляются мысли о городском интересе, то что я должен делать?

Горожанину все равно, кто решит его проблемы. Почему же их должны решать в Москве? Наше назначение было актом доверия. Если нас не сняли или не снимают, можно предполагать, что нам все еще доверяют? Значит, мы имеем право представлять интересы людей, для которых работаем?

*С.М.Киричук
Администрация города Тюмени*

Вместо эпилога

Тюменский регион, как нам представляется, сейчас имеет немало преимуществ перед остальными субъектами Российской Федерации. Во-первых, очевидно, что Тюмени куда проще, чем остальным регионам страны, выстраивать свою субъективность в режиме "мини-федерации" и тем самым практически полностью преодолеть дилемму "с кем идти и против кого". Мини-федеративное устройство Тюмени дает ей возможность достаточно быстро стать **регионом** в современном смысле понятия. Во-вторых, при таком устройстве исчезают внутренние противоречия, связанные с разделением тягот на общефедеральном и субфедеральном уровнях. На наш взгляд, все это обосновывает уверенность, что чем больше "соседей" образуют тюменскую "мини-федерацию", тем проще ей будет функционировать как **региону**. Наконец, такое устройство будет явно способствовать воплощению в практику тюменской регионализации принципа субсидиарности – еще одного универсального принципа регионализма, о котором хотелось бы особо сказать несколько слов.

Региональная самостоятельность и независимость в сочетании с федерализмом в цивилизованном мире основывается на принципе субсидиарности. Смысл принципа можно было бы выразить следующей формулой: ни одному коллективу не должно поручать осуществление такой задачи, с которой один человек может справиться самостоятельно, используя свои ресурсы и свою инициативу.

Исходя из логики рационального регионализма, согласно которой все допустимо на местах (в данном случае под "местом" можно разуметь любую минимальную территориальную единицу), легко выстроить следующую субсидиарную цепочку: то, что не достижимо на местах, делегируется на локальный уровень; то, что не достижимо на локальном уровне, делегируется на муниципальный уровень; то, что трудно достижимо на муниципальном уровне, делегируется на региональный и, наконец, на федеральный уровень.

Исходя из тезиса о том, что новая региональная политика Тюмени является многоуровневой, нетрудно представить себе, в какой связи принцип субсидиарности поможет формированию новой региональной политики; (а) при создании концепции муниципальной политики города Тюмени; (б) при формировании концепции интеграции города с югом области; (в) в конечном счете, на уровне разделения полномочий и взаимных выгод (взаимозависимости) с округами, входящими в состав Тюменской субфедерации.

Делегирование властных полномочий, идущее снизу, обеспечивает стабильность управления. Учитывая экономический и социальный кризис, в котором ныне пребывает наше общество, легко вообразить сколько полномочий будет с радостью делегировано с каждого нижнего этажа - вверх! Но эта процедура уже демократическим путем укрепляет новое территориально-административное устройство **региона**.

В заключение отметим: построение области по принципу мини-федерации в составе Большой Федерации может явиться спасительным средством в преодолении конфликтов, вызванных амбивалентным положением Тюмени. Такое решение вполне может устроить и Федеральный Центр, поскольку не грозит обернуться усилением области, опасным для центрального управления страной.

М.В. Богданова, А.Ю. Согомонов
Университет как образовательная корпорация

"Уже сейчас Университет напоминает транснациональную корпорацию. В ней есть и "синие воротнички", и "белые воротнички", высший и средний менеджмент и... рядовые акционеры"

"Высшая школа - наиболее точный слепок общества". Это наблюдение - у него нет ни конкретного авторства, ни точного адресата - не является ни преувеличением, ни громкой метафорой, ни тем более, стремлением выдать желаемое за действительное. Здесь проскальзывает свойственное университетам стремление эпатировать общество, но главное все же - призыв к взвешанности и здравому смыслу.

Любое общество, как известно, воссоздает себя и свою культуру в системе начального и среднего образования. Не случайно, видимо, "школу" испокон веков считали самым консервативным институтом общества. *Лабораторией* же социального и культурного прогресса выступают именно университеты. Это банальное утверждение, как нам кажется, не нуждается ни в тщательном аргументировании, ни в дальнейшем развитии.

Долгие годы отечественные университеты жили "на всем готовом". В этом были и свои плюсы, и свои минусы. Студенческие стипендии и преподавательские зарплаты были достаточно приемлемыми, свободного времени было больше, чем где-либо, летние каникулы - самыми продолжительными, так что и учеба, и работа в университете считались вполне престижным занятием. А то, что университеты были урезаны в элементарных свободах, не говоря уж о праве выбора, учебных программ и курсов, вспоминается сейчас многими даже с некоторым ностальгическим чувством утерянной и благостной несвободы.

Университетский псевдо-рай рассыпался мгновенно, подобно карточному домику - для этого оказалось достаточно прекратить практику государственного финансирования (по рангу, масштабу и запросам), а предприятиям и организациям дать право на свободный от обязательного распределения конкурсный набор молодых специалистов. Университеты вдруг почувствовали себя "брошенными" государством на произвол судьбы и "ненужными" обществу.

Однако, возникшее чувство "горечи" быстро проходит, особенно по мере того, как университеты, перестраиваясь внутренне и внешне, вкусили вдруг все прелести *свободы - риска - ответственности - соревновательности - успеха*.

Зримых плодов "нового" - свободного - качества пока еще немного. Зато, очевидно, в университетах изменилась атмосфера. Практически в каждом конкретном случае несложно почувствовать, как, начав процесс изменений, университеты тотчас же стремятся говорить о себе на "новом" языке, оценивать себя в "новой" системе ценностей и стандартов и, наконец, "по-новому" предьявлять себя обществу.

Наш предмет изучения - вчерашний институт, ставший сегодня университетом, обретший не только новую вывеску, но и задачу поиска своего нового *лица*. Университет просто вынужден стремиться попасть в поток инноваций и, по возможности, опередить время. Короче говоря, университету предстоит осознать свое призвание стать *образовательной корпорацией*.

Уже сам момент зарождения корпоративной идеи сопряжен с нескончаемым потоком вопросов, которые практически и не возникали в спокойном "болоте" институтского прошлого.

С некоторыми из этих вопросов недавно учрежденный нефтегазовым университетом Научно-исследовательский институт прикладной этики обратился к университетским экспертам - преподавателям, администраторам, в том числе и представителям ректората, студентам - с надеждой, что с их помощью удастся почувствовать, чем "дышит" и чем "озабочен" сегодня нефтегазовый университет - Образовательная Корпорация в перспективе, выразить это движение университетской "души" и представить его в целостном виде всем участникам корпорации.

В соответствии с задачами пилотажного этапа мониторинга мы проинтервьюировали по определенному кругу вопросов лишь несколько экспертов. В этой небольшой заметке нет возможности отразить все содержание бесед, каждая из которых, как правило, длилась больше часа. Остановимся лишь на самых значимых, с точки зрения наших экспертов, темах сегодняшней *культуры* нефтегазового университета. Постараемся при этом не столько процитировать наших экспертов, сколько систематически изложить их точки зрения, зачастую даже не указывая точного авторства.

В эпиграф нашей аналитической заметки вынесены слова одного из экспертов, (произнесенные явно с метафорическим подтекстом) о том, что уже сейчас ТюмГНГУ внутренне и внешне сильно напоминает крупную корпорацию. Ее рядовые члены озабочены сходными интересами и задачами, критичны к частностям и целому. Равно как и в обычных корпорациях, в университете наметился общий контур управленческой иерархии, выстроенный, правда, в более прагматическом ключе, чем раньше. При этом, "управлять такой корпорацией - сложно!" - слова другого эксперта.

Именно взгляд на университет как на образовательную корпорацию расставляет принципиально иные акценты в, казалось бы, старых темах университетского устройства.

Чему служит Университет?

Вряд ли этот вопрос в былые времена породил бы такое разнообразие ответов, которое нам удалось зафиксировать в ходе интервью. И разнообразие это доходит подчас до полярной противоположности. Приведем именно "полярные" позиции:

- университет не должен давать узкую специальность. Он должен рассчитывать на интеллект, чтобы впоследствии человек смог адаптироваться к Рынку;

- университет готовит высоких профессионалов – специалистов в узких областях, особенно с учетом специфики Региона.

В самом деле, не так очевидно, что более важно сегодня для выпускника Университета: (а) интеллект и навыки в адаптации к рынку (пусть даже и без особого узкопрофессионального крена) или (б) твердые знания и профессиональная компетентность? Соответственно, неопределенность закрадывается и в цели, и в задачи университета как Образовательной Корпорации.

Обнаружение нефтегазовым университетом своего уникального "Я" осложнено вдобавок тем, что в этом же Регионе "по соседству" располагается еще один университет, - Тюменский государственный - имеющий большие преимущества и в плане "стажа", и с точки зрения набора специальностей, и с точки зрения возможностей удовлетворения самых различных, прежде всего - гуманитарных потребностей региона. Словом, межуниверситетская (межкорпоративная?) конкуренция – на лицо. Неслучайно, видимо, почти все наши собеседники настаивали именно на усилении гуманитарного начала в университетских образовательных программах. Из чего, собственно, и рождается содержательно-целевая формула становления Университета как Образовательной Корпорации: нефтегазовый институт + гуманитарное образование= университет.

Рецептов такой реструктуризации университета нашими экспертами приводилось немало. Примечательно, что почти не задумываются об этом студенты. Если продолжить наш метафорический ряд, можно сказать, что "рядовые акционеры" Образовательной Корпорации не спешат с требованиями гуманитаризировать образовательные программы уни-

верситета, продолжая, скорее, настаивать на своей потребности в практических знаниях и навыках.

Ясно, что сама жизнь подталкивает к такому одностороннему прагматизму. Гипертрофированный акцент на практических знаниях и навыках - закономерная ступень в развитии университетов в XX столетии. Наша страна как раз сейчас проходит эту ступень и тем очень сильно походит на американские университеты 50-60-х годов, не желавшие в те отдаленные времена тратить ни времени, ни энергии на непрофессиональное образование. Заметим лишь, что этот крен в истории американского высшего образования прошел достаточно быстро. Будем надеяться, что и мы переживем его без особой задержки.

В то же самое время преподаватели (хотя и не все из числа тех, с кем нам удалось побеседовать) склонны видеть - не без обоснованного пессимизма - колоссальный "разрыв с гуманитарным образованием" в теперешней университетской образовательной программе и стратегии. Некоторые из наших экспертов находят весьма любопытный выход: необходимо, с их точки зрения, кардинально сменить идеологию выпускающих кафедр, поскольку и сегодня именно они определяют всю образовательную "начинку".

"Лицо Университета теряется тогда, когда выпускающие кафедры всецело определяют "начинку" ... Мы продолжаем выпускать техников" - программное утверждение одного из наших экспертов, которое он завершает чуть ли не манифестом "нового Я" нефтегазового университета: "В университете должно быть равноправие всех кафедр".

Очень трудно оценить степень реализма такой заявки, но то, что именно такая манифестация отличает идеологию университета от идеологии и практики узкопрофильных высших учебных заведений - очевидно.

Здесь встает следующий принципиальный вопрос.

Каким интересам отвечает Университет?

За редким исключением, эксперты не определили особых "плюсов" от обретения нефтегазовым институтом статуса Университета. От этого, казалось бы, выиграли все, но в чем конкретном проявляются эти выигрыши - вот вопрос.

Главный выигрыш (пусть даже это и прозвучит несколько метафизически) в том, что каждый "рядовой акционер" Образовательной Корпорации получает большой шанс следования своим личным интересам через принадлежность к большему - Университету.

Для одних это намного большие возможности в осуществлении своей научной работы, для других - реализация себя в чисто преподавательской деятельности, для третьих - новые возможности обретения профессиональных знаний, навыков и общей рыночной подготовки, для четвертых - возможность реализации совместных производственных проектов, и т.д.

Словом, оказывается, что Университет выступает лучшим примером того, что, как выразил эту мысль один из наших экспертов, "коллективные интересы - это всегда абстракция ... Другое дело, что личные интересы могут совпадать ... Момент совпадения личных интересов и есть коллективный интерес ... Но этим управлять сложно, ибо все в таком процессе - стихийно".

Руководствуясь элементарными принципами здравого смысла, трудно не согласиться с этим утверждением. Но легко ли распространить эту мысль на наш привычный образ того, что есть "нормальный университет". Почти не сводимы в нашем сознании идея государственного финансирования университета и - идея преследования студентами и преподавателями университета своих личных интересов.

Отважimsя вновь на сравнение университета с обществом. И там, и здесь следование личному интересу - первично, и этим процессом, действительно, сложно управлять. И если все же наступает момент совпадения личных интересов, то мы имеем дело с успешным общественным явлением, в данном случае, - с успешным университетом.

В этой связи может быть не покажется праздным наш интерес к тому, что такое успешный студент и что такое успешный преподаватель нефтегазового университета?

"Неуспешных студентов, особенно на старших курсах, в университете нет", - склонны считать сами студенты, участники нашего мониторинга. С их точки зрения, есть скорее "равнодушные" (а таковых, по их примерным оценкам, около 70% студенческого корпуса) и "здравомыслящие". Последние - это те, кто успевает успешно (по крайней мере по формальным критериям) учиться и успешно трудиться по найму (проще выражаясь, зарабатывать). Трудно представить себе такое отношение к проблеме успешности студентов еще несколько лет назад. Вполне понятна в этой связи неприкрытая гордость преподавателя, повествующего о своих успешных выпускниках и нынешних студентах, подкатывающих к дверям университета на личных автомобилях.

Примечательно, что образ "успешного" студента в сознании участвующих в мониторинге преподавателей принципиально ничем не отличается. Нашими экспертами предлагались разные формулировки, но почти все они содержали в себе сквозную мысль: "Успешный студент шустрит", то есть, если переиначить это жаргонное словечко, успевает гораздо больше, чем от него ожидается и даже требуется. Короче, для большинства преподавателей университета успешный студент и набирается знаний, и обретает нужную профессиональную компетентность, и "примерно" учится, и при этом неплохой общественник (слово, хотя и из старого словарного запаса, но в данном случае, - вполне приемлемое и понятное).

Короче говоря, воспринимая университет как слепок общества, эксперты довольно часто воссоздают внутриуниверситетскую жизнь в некоем идеально-романтическом ракурсе, как если бы в университете не было соревновательности, рисков, ответственности, конфликтов, борьбы интересов (индивидуальных и групповых) и аналогичных проявлений социальной борьбы и антагонизмов.

"В университете у студентов в принципе нет желания обогнать соседа!" - буквальная цитата из беседы с одним из наших экспертов-студентов. Насколько это соответствует действительности, без дополнительных исследований судить трудно, но факт, что межстуденческая соревновательность не носит откровенного, ярко выраженного противоборствующего и, тем более, циничного характера.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, противоречит ли эта экспертная картина внутриуниверситетской жизни нашему основному тезису о необходимости выстраивания университета как Образовательной Корпорации? Определенный ответ по этому поводу дать невозможно, ибо, с одной стороны, корпорация не мыслима без разумного сочетания соревнования-и-сотрудничества, но, с другой, - все корпорации настолько самобытны, что распространять на них единый эталон было бы ошибкой.

Равновесие в экспертных мнениях нарушается, когда наше внимание перемещается с образа успешного студента на образ успешного преподавателя. Успешный преподаватель, с точки зрения самих педагогов, - тот, кто способен заинтересовать, увлечь студентов и мотивировать их на дальнейшую работу. С точки зрения студентов, - это тот преподаватель, который на занятиях дает максимум информации (знаний и навыков), облегчая тем самым самостоятельную работу. Как видим, экспертное равновесие нарушено и отчетливо наблюдается конфликт ожиданий между "рядовыми акционерами" Образовательной Корпорации: одни хотят меньше работать сами, другие же, напротив, надеются мотивировать их на самостоятельную работу.

Этим обсуждением мы вплотную подходим к центральной теме нашего анализа - теме ролевого распределения внутри Образовательной Корпорации.

Какое ролевое распределение должно быть в университете как Образовательной Корпорации?

Начнем с обозначения трех базовых ролевых групп: *Студенчество - Преподавательский корпус - Управленцы*. Из этих трех ролей корпорации первые две, как может показать-

ся, ясны, их содержание - традиционно. Однако, выше мы смогли убедиться в том, что ролевой конфликт и здесь имеет место. И все же больше всего проблем возникает с третьей ролью, тем более, что для становления университета как Образовательной Корпорации эта роль - принципиальна.

Примечательно, что само понятие "управленцы" не закрепилось еще прочно в языке внутриуниверситетского общения, так сказать, "не на слуху". А посему, когда это понятие возникало в наших беседах, почти всегда приходилось его каким-то образом расшифровывать.

Как известно, эффективность и результативность в деятельности любой Корпорации достигается усилиями ее менеджерского корпуса, представленного обычно высшим, средним и низшим уровнями. Нечто подобное в иерархическом строении "управленцев" не сложно увидеть и в любом университете.

Как и в любой корпорации, менеджерский корпус университета обладает полномочиями, сверхполномочиями и сверх-сверхполномочиями.

В систему первичных полномочий управленческого корпуса входят все вопросы организационного обеспечения образовательного процесса (группа поддержки), но решение этих вопросов чаще всего невозможно без активного вторжения "менеджеров" в содержание и форму образовательного процесса (лица, принимающие решения), что, по существу, уже является их сверхполномочиями. Важнее же то, что сочетание первого и второго процессов неизбежно формирует у управленцев, особенно высшего и, частично, среднего звеньев, прерогативы контроля и господства, делающие их практически "владельцами" корпорации. В самом деле, в их ведении (исключительно) оказываются властные и ответственные решения приема и отчисления, увеличения и сокращения кадрового состава, расширения и ограничения набора специальностей, учебных курсов и т.п., то есть весь круг проблем, придающих университету то или иное уникальное лицо (идентичность).

В обычных корпорациях "рядовые акционеры", с одной стороны, ожидая от управленцев решения организационных проблем корпорации, вступают в так называемые договорные отношения и строго придерживаются правила избираемости высшего менеджерского корпуса.

Хозяйственно-организационные заботы уже не определяют погоду в формировании университетской корпоративной пирамиды. Внутриуниверситетская жизнь теперь в большей степени зависит от *правил* взаимоотношений, взаимозависимости между всеми тремя ролевыми группами - коллективными участниками Образовательной Корпорации. Студенты настаивают на коллективном договоре с администрацией Университета, администрация намерена ввести систему рейтингов оценивания деятельности всех участников корпорации, преподаватели хотят в большей степени влиять на сверх- и даже сверх-сверхполномочия высшего звена управленцев. Насколько успешным может стать этот эксперимент, покажет время.

О.В.Киселев

*«Во мне сильно желание вспахать свое
собственное поле»*

Не очень нравится мне тема «Биография успеха», если ее приходится применять к себе. Помню презентацию третьего выпуска «Вестника этика успеха» и изданного одновременно с ним сборника материалов экспертного опроса «Апология успеха». Противоречивая реакция ее участников помогла еще острее понять, что критерии успеха в нашем обществе очень размыты и во многом искажены. Вовсе не замечается успех людей талантливых, самовыражающихся в сферах дела, не приносящих зримого материального эффекта.

Парадокс нашего противоречивого времени: в бедной стране признают и демонстрируют громкий, зримый рыночный успех. Покупают тебя, твою услугу, твой товар – успех, не купили – неуспех. Бедное общество оценивает успех на коротких дистанциях: товар-деньги-товар. Оценка успеха на длинной дистанции, когда работают инвестиционные режимы: вложить в нечто такое, что смогут покушать, извините за утилитаризм, внуки, - еще не стало нормой.

Не просто рассуждать о собственном успехе в сфере предпринимательства на фоне традиционных интеллигентских профессий, представители которых создают «нетленки», ассоциируя свои творческие достижения с будущим.

Неприятно смотреть на «новых русских», которые надели красные пиджаки, сели в «мерседесы». На лицо все атрибуты успешной жизни, но только в глубине-то, в душе, ничего нет.

И еще сомнение: если я хотя бы самому себе скажу, что у меня все прекрасно, - это смерть моего **дела**, конец развития. Тем более, что я обнаружил в своей жизни пятилетние циклы: в итоге каждого я начинаю разочаровываться в достигнутом, хочется чего-то нового – и не обязательно в той области, в которой я преуспел. И тогда нужно как бы выпрыгнуть из самого себя: я мучаюсь, чувствую, что у меня нет внутренней гармонии.

В контексте всех этих сомнений безапелляционно утверждать свою успешность?!

Тема очень глубокая, интимная. Одно дело – поделиться своими мыслями, настроениями в устной беседе, а другое – когда это будет написано на бумаге и, возможно, примет форму бахвальства того самого красного пиджака. А как обойтись без бахвальства: если тебя пригласили говорить об успехе – говори об успехе, а не о своих рефлексиях по поводу того, что тебя тревожит.

Итак, насколько прилично рассуждать о своей удачливости в нашей стране, тому, кто преуспел, чья сфера амбиций – бизнес? Мы – первое поколение, которое себя классово отождествило с буржуазией. Но мы же не можем себя отождествить с буржуа, которые, допустим, жили в Голландии 150 лет назад? Мы вместе со всеми прошли этапы экономического меркантилизма, примитивной экономической теории, и не оцениваем успех и неуспех с помощью известной фразы «если ты такой умный – почему ты такой бедный?»

Эта формула примитивна для наших дней. Но, она хорошо действовала в 20-е годы в США. Однако я же был студентом, аспирантом, научным сотрудником, защитил диссертацию, работал в академическом институте – и понимаю ценность данного труда, знаю, как плохо он вознаграждается государством. Не я же должен играть по правилам моего класса?! А я не могу не сострадать неимущим, хотя это не правильно с точки зрения моего класса. Получается парадокс: соратники по классу мне скажут (да я и сам себе скажу), что не смогу зарабатывать деньги, если буду все время сострадать и стремиться понимать всех остальных. Гамлетизм какой-то. Такая раздвоенность загоняет в угол.

На фоне этих парадоксов попробую поразмышлять о деловом и жизненном успехе.

Считаю очень важным то, что родился не слишком рано и не слишком поздно. Это главный мой успех. Родился **вовремя**. Или удача? Пусть удача, которая является основой успеха. Удача, потому что особенность времени, при котором стал возможен мой успех, не моя заслуга, а М.С.Горбачева, ему я многим обязан. При всех его недостатках, которые сегодня стараются подчеркнуть, это гениальный человек, сделавший лично для меня совершенно неопределимую вещь: он дал мне возможность двигаться, достигать успеха (или неуспеха), рисковать, выбирать и т.д. Выбор – это самое главное, что мне предоставило время.

Это послужило начальным импульсом, потому что все, что было раньше, входило в противоречие с моим внутренним темпераментом. Я себе в этом не отдавал отчета и делал карьеру в том направлении, в котором мог ее делать. Это было абсолютно детерминированное направление. Я шел по научной линии. И хотя ученым себя не считал, так как знал, что у меня не хватает полета фантазии, может быть, оригинальных идей, а в какой-то мере и терпения. Я понимал, что честным путем сделать карьеру могу на стезе научного администрирования. По этой стезе я дошел до должности заместителя директора Института химической физики АН и достаточно много времени отдал этой работе.

Однако меня это не удовлетворяло. Я чувствовал в себе достаточно сильный, частно-собственнический инстинкт. Причем не инстинкт накопительства, я не считаю себя жадным человеком. Во мне росло сильное желание «вспахивать свое собственное поле». Свое, и чтобы никто на него не посягал. Не важно, чем я его засеваю, хотя бы и ананасами – в Рязанской области, - фигами, финиками. Это мое, я хочу иметь результат своего труда.

Практически реализовать такое стремление в то время было невозможно. И все переломы моей карьеры были связаны с тем, что я «не срабатывался», нужно было уходить от очередного начальника; у меня были конфликты, хотя я способен к компромиссам. Горбачев снял эту проблему, дал мне возможность «завести свое поле» и рисковать, высаживать все, что угодно. Дальше я мог двигаться по своему желанию: мог остаться в научно-административной среде, а мог перейти в свободное предпринимательство.

Я выбрал для себя свободный полет. С муками, с осуждением коллег, - ведь я сразу оказался среди парий общества: «спекулянт»! – я пережил этот момент. Мне было интересно дело, которым я стал заниматься.

Конечно, с тех пор многое изменилось. Например, мое представление о предпринимательстве тогда имело достаточно начетнический характер. В мои руки попадали книги известных авторов, которые удавалось достать, перевести. На них и формировался идеальный образ экономического либерализма. И я предпринимательство идеализировал. Да и в стране еще не было такого сокрушительного, стяжательского духа. Мы видели, как работают у нас западные компании, любовались отлаженностью их механизмов, хотя не знали его внутренних пружин.

Я, например, пристально смотрел за тем, как строили новую Третьяковку. Это был пример доброкачественного и хорошо продуманного труда. Но мы не знали, что за этим скрыто, да за этим, в общем-то и не стояло большого количества пороков: различных способов оплаты, смешанных форм и проч. Они, конечно, существовали, но россияне, которые были с этим связаны, внешторговцы, например, были под колпаком, сильно рисковали, и такого, как сейчас, не было. Я не очень себе представлял, какая грязь стоит за многими из этих дел.

Затем был период кризиса, когда я понял, что построил для себя идеальные схемы, что на самом деле для занятий бизнесом в России нужен определенный цинизм и серьезный пересмотр своих морально-этических принципов. Мои решения уже не могли строиться на тех основах, на которых меня воспитали мама-папа и пионерский отряд. Например, я столкнулся с такой проблемой, как взятки. Кстати, Г.Х. Попов вывел взятки чиновникам за пределы криминала «экономической заинтересованностью чиновника». Сегодняшние реалии во многом отличаются от того первоначального представления, которое у меня было в голове и которое я искренне пытался привнести в свое дело. Я увидел, что люди, которые работают по правилам, идут на дно, а люди, которые приспосабливаются к ситуации, не позволяя себе

никаких иллюзий, выживают. Есть и третья категория людей, которые диктуют новые правила игры, более агрессивные, более жесткие, более российские. Но с ними мне было не по пути.

Вообще трудно себя в какой-то момент осознать другим человеком, вернее, членом другого социума. Был момент, когда я вдруг совершенно отчетливо увидел в себе буржуа – капиталиста, которого так ненавидел наш пионерский отряд, комсомольская организация, которого мы клеймили с трибуны партийных форумов. Буржуа, потому, что использую наемный труд, у меня капитал, я его обслуживаю, он мой со всеми вытекающими последствиями. Теперь нужно становиться и по ментальности буржуа, иначе будешь смешон. Значит, нужно не любить профсоюзы – так оно и есть, я их не жалую, они мешают работать; нужно любыми средствами охранять свой капитал, потому что потеря капитала – это потеря устойчивости, места в жизни. Следует вести себя как буржуа, и поэтому я не имею права участвовать в демонстрациях рабочих. По своему партийному менталитету следует быть консерватором, причем либеральным консерватором. Смешно, если буржуа – социал-демократ и тем более коммунист.

Что касается реалий, то, я все-таки рассчитывал на некую американскую модель капитализма, более либеральную, где на самом деле государство не вмешивается в дела предпринимателей, а в случае, когда компания может попросить у государства какую-то помощь, единичны. В нашей стране, конечно, совсем не так. У нас совершенно другая модель, она мне не нравится, в этой модели переплетены «власть» и «деньги». И если говорить о предпринимателях, добившихся успеха, то это не Киселевы, не Вайнберги и другие – либерально-романтическим уклоном. Нет, это – Вяхирев, прекрасный предприниматель с его Газпромом, это Сосковец – с металлургической промышленностью, это Аликперов из Лукойла. Они детерминировано успешные: получили крупные надель и эти надель обрабатывают.

Из всех человеческих недостатков я выделяю два самых больших и непростительных. Могу простить, например, предательство, хотя все считают, что это ужасный недостаток. Но предательство объяснимо, оно может произойти или на экономической почве, или на моральной. Не объяснимы две вещи: дилетантизм, который в нашей стране буквально царит. Он не выгоден всем, однако Россия – это фантастически дилетантская страна, апрофессиональная. И для меня это самый страшный порок. И второе – это российское разгильдяйство. Человек не приходит на деловую встречу, которая заведомо ему выгодна и может принести большую пользу. Причем он даже не в состоянии объяснить, почему это произошло.

Поэтому-то для меня профессионализм – основа основ. Я никогда не оценивал степень профессионализма по объему бизнеса и всегда говорил, что мне интересен человек, который пусть растит маленький садик, но делает это красиво, грамотно. Ему просто не надо больше.

Признак профессионализма: честно смотреть на себя и на свои обязанности. Мужчина рождается для того, чтобы кормить себя и свою семью, делать это он должен хорошо. Если он умеет пахать и пашет хорошо, но берется писать статьи и делает это плохо, то стыдно говорить жене: «Я делаю это плохо, но у меня такой душевный порыв». Это аморально. Быть кормильцем – это для меня всегда было главное. Я всегда стремился туда, где буду лучше делать свое дело, где буду больше получать. Так что для меня профессионализм – это как бы основа существования.

Есть ли связь между тем профессионализмом, с которым я ушел из науки, и тем, который нужен мне сегодня? Я никогда не был физиком-профессионалом, считал себя администратором, управленцем. Самое главное качество, которое я в себе развивал, развиваю и собираюсь развивать, – умение понимать, что хотят люди, и умение построить такую систему, при которой бы их желания максимально реализовались. И в академическом институте, и в учебном я больше занимался изучением людей и изучением структуры, чем изучением материи. Мне было интересно тратить время не на исследование молекул под микроскопом, а на изучение движения человеческих душ. В моем нынешнем бизнесе этот интерес просто не может не быть профессиональным. Я должен знать конкурентов и компаньонов, пони-

мать свой персонал. Мне нужно построить такую систему взаимоотношений, которая бы закрепила желания моих сотрудников хотя бы на какой-то отрезок времени и дала им возможность максимально реализоваться – только тогда и я достигну успеха.

Считаю, что в любом обществе есть люди, которых Гумилев назвал пассионариями. Это генетически обусловлено – в любом стаде появляются особи, которые берут на себя роль вожаков. При социализме эти генетические моменты гасились, нас как бы подрезали сверху и снизу, формируя какую-то среднюю, хорошо организованную массу. Организация в социалистическом обществе ведь была прекрасная. Оно отвергало людей, не вписывающихся в стандарт. Получились «средние люди», но не средний класс. Правда, были исключения – власть предрержащие понимали необходимость создания резерваций, подобных МГУ, МФТИ, МИФИ, ибо надо было развивать ВПК. «Средними» умами его не двинешь, средние умы обеспечивали все остальное. После окончания элитарных вузов талантливых ребят отправляли под надзор в Академию Наук, там они трудились для ВПК. А вся остальная система образования – я хорошо ее знал – отбрасывала и гениальных, и убогих, выпуская средних.

В прежние времена лидера, который «зарывался», не понимал правила игры, выбрасывали из системы. А сейчас, если у человека есть призвание быть лидером, он может на пустом месте открыть свое дело, рискнуть построить свою модель и у него есть шанс попробовать.

Я отношу себя к прагматикам-профессионалам. Я человек, генетически к этому предрасположенный. А потом отрепетировавший, отыгравший эти ролевые функции. Еще в юности почувствовал, что за мной тянутся люди, ко мне прислушиваются, что умею держать аудиторию, могу человека при личном контакте убедить. С годами стал анализировать свой потенциал, составляющие лидерской роли. Думаю, пассионарная страсть вполне управляема, это не просто страсть-экзальтация.

Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов, ЛПР

Под ред. В.И.Бакштановского, В.А. Чурилова.

Выпуск 4. Дух корпорации.

Тюмень: Центр прикладной этики, 1995.

Научное и литературное редактирование:

Г.С.Батыгин, Л.А.Козлова, Н.И.Романенко, К.А. Щадилова,

М.А.Мануильский, М.Г.Пугачева, Ю.А.Яшина.

Оригинал-макет изготовлен в редакции «Социологического журнала».

117259 Москва, ул. Кржижановского 24/35, корпус 5.

Тел. 120-82-57.

Обложка - М.М.Гардубей, Н.П. Пискулин.

Оплачено в МП «Информполиграф»

Формат издания: 60x84/16 Тираж 999 экз.

Заказ № 522